Вестникъ
Западной Россіи
Историческая истина
Отъ куду пошла земля русская
Литва
Польша
Великая Русь
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градомъ русскимъ
Вильна
1867.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V—1867.

КНИЖКА IX.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія и Ромма.

1867.

Дозволено Цензурою 11 Января 1866 года. Вильна.

I.

—

№ 14.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ВИЛЕНСКОЙ ПРЕЧИСТЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.

1.

Жалованная грамота княгини Софіи Дмитріевны Зубревицкой и Маріамны Семеновны Трабской на населенное имѣніе въ Турщи, данная на имя митрополита Сvмеона виленскому Пречистенскому собору.

Я кнегиня Софья Дмитреявая Зубревицкая а кнегиня Семеновая Трабская кнегиня Маримьяна даемъ и записуемъ имѣнье свое отчину у Турщи, опрочь тыхъ людей, штожъ записалъ князь Семенъ, дѣдъ нашъ, и зъ данью Пречистой Печерской. И мы записали свои люди и зъ данью, и землями, и сѣножатми и со всѣми податки: дани сорокъ пудовъ да 7, а три копы грошей да семъ на Пречистое домъ въ Вильни, отцу нашему митрополиту Сеіону Кіевскому и всея Руси и хто коли по немъ будетъ; записуемъ вѣчне и непорушьне, выменяючи одныхъ лововъ дѣтемъ нашимъ ловить по нашой отчинѣ. На имя ыи люди у Турци: Поролицю и землею и зъ данью, а Шенку и землею и зъ данью, а Пилипца и землею и зъ данью, а Климца и землею и зъ данью, Ярмолца и землею и зъ данью, а Сидорца землею и зъ данью, а Хорорца и землею и зъ данью, а Гридечька и землею и зъ данью, Корейву и землею и зъ данью, Иванца и землею

и зъ данью, а Өепиловичь и зъ землею и зъ данью, а Ивана Семенковича и землею и зъ данью, Олхима и землею и зъ данью, а Иванца и землею и зъ данью, Олександра и зъ землею и зъ данью, Мичипорца и зъ землею и зъ данью. А сѣножати мои дворныи, штожъ на стадо кошивали, придала есми на Церковь Пречистой въ Вильни на имя: на Дрюти Хвостилно, а другая—Залозы, а третея—Стошинъ, а четвертая—Лукы. Съ тыхъ людей дани идетъ сорокъ пудовъ да 7, а грошей 3 копы да семи грошей, а бѣлокъ 20. А тымъ людемъ на нашо дѣло нейти, ни хоромъ имъ рубить, а ни въ облаву имъ ходить, служити имъ на Пречистое домъ и Митрополиту такъ какъ и намъ служили. А Митрополиту паметь чинить по нашихъ родителехъ въ годъ; въ годъ же священниковъ ему чостовати и вбозство (нищихъ); а паметь ему чинити подлугъ нашого списъку, што впишомъ, двожды у годъ, а кажное суботы маетъ поменуть наши родители. А свѣдомо т... князь Иванъ Жославскому, а князь Ивану Васильевичу, а пану Андрею Олександровичу, подскарбьему королеву, брату его пану Солтану, маршалку короля его милости, брату нашому князю Семену Юръевичю Галшанскому, князю Ивану Глинскому, архимандриту Лаврошевскому Өеодосію, а пану Өеодку, господаря нашого писарю. А и то есмо умыслили, за доброго своего за здоровья и доброе свое намети дали есмо листъ свой и печать свою. А хто нашо слово рушить, расудица съ нами передъ милостивымъ Богомъ. А писанъ былъ сій листъ въ лѣто 6994 (1486 г.) индикта 4, мѣсеца Августа 6 день, на Преображенье Господне.

Подписей нѣтъ; приложена одна печать, почернѣвша... отъ времени или оттиснутая на черномъ воскѣ. Запись писана на листѣ. На оборотѣ одна русская и три позднѣйшихъ польскихъ помѣтки о содержаніи акта.

2.

ктикація жалованной грамоты Константи- а Ивановича князя Острожскаго виленско- у Перечистненскому собору и клирошанамъ а двѣ копы грошей и 15 бочекъ ржи съ имѣ- нія Здѣтелы (*). 1499 г.

Передъ нами судьями головными, на трибуналъ у Веиком Князствѣ Литовскомъ зъ воеводствъ, земель и повѣовъ на рокъ (годъ) теперешній тысяча шесть сотъ пятдесять ретій обраными, постановившее очевисто у суду панъ Юей Ивашкевичъ покладалъ и ку актыкованью до книгъ одалъ привилей светобливой памети князя Констянтого Івановича Острозкого, на Церковъ Соборную Виленскую Ветую Пречистую належачій, просечи, абы былъ до книгъ оловныхъ трибунальныхъ зъ речью въ немъ ширей меенюю актыкованъ и уписанъ, которій уписуючи у книги лово до слова такъ се въ собѣ маеть: Во имя Боже таньея. Я князь Константынъ Ивановичъ Озтрозкій, буучи въ тотъ часъ гетманомъ у господара моего великого нязя Александра и намѣстникомъ Браславскимъ и Веницимъ, чиню знакомито симъ моимъ листомъ каждому, коу буде потребъ его видѣти или чтучого слышати, штожъ ридалъ есми и записалъ зъ выслуги своее, штомъ вылужили на господари моемъ, на великомъ князи Александрѣ Литовскомъ, имѣнье Здетелу, ино съ того имѣнья свого Здетелы записалъ есми на вѣчность на Соборную Церовъ на Пречистою Богоматеръ у Вилни на крилосъ поомъ и діакономъ съ плату нашого съ подяколныхъ пѣезей двѣ копѣ грошей, а съ пашни нашее Здятелское ятнадцатъ бочекъ жита солянокъ, а то есми и въ Еванеліе уписалъ, которое лежитъ на престолѣ у Церкви у Іречистое Богоматере. Маю давати у годъ одъ сихъ ча-

(*) Нынѣ по исковерканному польскому произношенію Дзевцолъ Слонимкаго уѣзда.

совъ и на вѣки вѣчныи. А намъ ся вже не надобѣ уступати въ тое, ани ближнимъ зъ роду нашого, ани иншимъ наслѣдкомъ нашимъ, которіи коли по нашомъ животѣ будуть. А если ся надъ нами Божья воля станеть, ньо коли хто по нашомъ животѣ съ наслѣдниковъ нашихъ будеть тое имѣнье Здетелю держати, и они мають тые двѣ копѣ грошей давати и петнадцать бочокъ жита солянокъ на Соборную Церковъ на Пречистую Богоматеръ у Вилни на крилосъ у годъ. А Боже того не давай, если по нашомъ животѣ наслѣдниковъ нашихъ къ тому имѣнью ко Здетелѣ не будеть, тое имѣнье Здетель (дер)жати и они мають тые двѣ копѣ грошей давать и пятнадцать бочокъ жита солянокъ. А намѣстники наши мають отсылати сами до Вилни до протопопы, которій коли будеть протопопомъ у Пречистое Богоматере у Вильни. А при томъ былъ князь Өедоръ Ивановичъ Ярославичъ, а панъ Александро Ходкевичъ, а панъ Янушъ, писаръ господара нашого великаго князя Александра, а панъ Яцко Копачевичъ, а князь Константынъ Өедоровичъ сестренецъ, а князь Иванъ Крошинскій, а князь Иванъ Сенъскій, а дьякъ князя великого панъ Богушъ. А на твердосты сего моего листу и печать есми свою приложилъ. А для лѣпшое справедливости и потверженья сего моего листу просилъ есми ихъ милостей верхуписанныхъ на свидство, ижъ бы ихъ милосты печати свои приложили къ сему моему листу, и ихъ милости и печати свои приложили къ сему моему листу. Писанъ у Вильни, въ лѣто семое, тысечи семое, мѣсяца Іюня пятого дня, индикта второго. У того листу на паркгаминѣ писаного привилею печатей привѣсистыхъ чотыри. А по написанью того привилею на другой сторонѣ припись тыми словы: тотъ привилей пана отца моего передо мною Константыномъ Константыновичемъ Острозкимъ, воеводою Кіевскимъ былъ покладанъ, которій я прочитавши совсемъ его при зуполной моцы зоставляю и власную руку свою на немъ подписую и тымъ же обовязкомъ себе и по-

томство свое облигую (обязываю) на вѣчные часы власною рукою. Котори жъ тотъ привилей за актыкованемъ верхумененой особы есть до книгъ головныхъ трибуналныхъ уписанъ, съ которыхъ и сесь выписъ подъ печатью земскою воеводства Виленскаго его милости ксендзу Антонему Селявѣ, Метрополитѣ Кіевскому и всему духовенству отцомъ Церкви Светой Пречистой Соборной есть выданъ. Писанъ у Вилни.

Внизу печать, оттиснутая на бумагѣ и подписи маршалка трибунальнаго Глѣбовича и нѣсколькихъ депутатовъ. Ветхъ.

3.

Подтвержденіе жалованной грамоты князя Өедора Ивановича виленскому Пречистенскому собору на 40 куницъ съ имѣнія Вяды. 1516 г.

Передъ нами судьями головными, на Трибуналъ у Великомъ Князствѣ Литовскомъ зъ воеводствъ, земль и повѣтовъ на рокъ теперешній тысеча шестсотъ петдесятъ третій обраными, постановившисе очевисто у суду панъ Ѣрій Ивашкевичъ покладалъ и ку актыкованью до книгъ подалъ листъ, на паркгаминѣ писаный, записъ князя Өедора Ивановича Ярославича и кнегини Олены приданый, належачій на церковъ Святое Пречистое Виленскую, на речь въ немъ нижей ширей описаную, просечи, абы былъ до книгъ головныхъ трибунальныхъ актыкованъ и уписанъ, который уписуючи у книги слово до слова такъ се въ собѣ маеть: Я князь Өедоръ Ивановичъ Ярославичъ со княгинею своею Оленою чинимъ знакомито симъ нашимъ листомъ, кому будеть потреба его видѣти, албо чтучи слышати, нинѣйшимъ и напотомъ будучимъ. Придали есмо на церковъ Божью Пречистую Богоматеръ на соборную Виленскую въ имѣньи нашомъ Вядѣ куницы данныи сорокъ куницъ и куницы по шестю грошъми, за каждую куницу

по дванадцать грошей. Маеть тотъ нашъ старецъ Вядскі Олифелъ и на потомъ будучіи старцы наши со всими мужи нашими волости Вядское тыи куницы священникомъ кл рошаномъ тое церкви Божьей (*) и маютъ давати тымъ, к торыіи теперь въ тое церкви Божьей служать и которі и на потомъ будуть служить, а они маютъ за то за нас Бога просити за наше здоровье въ обѣдни раннее и і болшее маютъ насъ въ молитвахъ и въ октеніяхъ прип минать, а родителей и слугъ нашихъ, юоторіи есть въ с нодику пописаны, тыхъ маютъ по литеямъ поминат А придалъ есмо тыи куницы на тую церковъ Божью вер писаную тымъ священникомъ, которіи тепере въ той це кви Божьей служать и которіи напотомъ будуть служит вѣчно и непорушно и на вѣки вѣчныя. А еслибы хто мѣ тое наше приданье порушити, тотъ зъ нашими душа росудитця передъ милосерднымъ Богомъ. А митрополито не надобеть въ тыи куницы ничимъ ся вступати, а есл ся кто зъ нихъ въ тыи куницы уступилъ, тотъ заплати господару королю его милости двѣстѣ рублевъ грош А маеть старецъ нашъ Вядскій тыи куницы тымъ свяще никомъ къ той церкви Божей относити на Сошествіе Св того Духа. А писалъ сесь нашъ листъ я самъ князь Ѳедо своею рукою, а при томъ при насъ были бояре наш Долматъ Андреевичъ, а Михайла Шерапъ, а Ивашко П лозовичъ, а Ѳедоръ Щепа, а Матѳей Гричиновилъ, а кон шій нашъ Олехно Некрасъ. И нато дали есмо къ т церкви Божей верху писаной сесь насъ листъ: а для лы шей твердости и печати есмо свои привѣсили къ се нашему листу. Писанъ въ Пинску въ лѣто по семой тысеч двадцать четвертого году индикта четвертого, мѣсяця Се тябра двадцать пятаго дня. У того листу печать завѣс стая одна. Которыжъ тотъ листъ до книгъ головныхъ ес

(*) Здѣсь недостаетъ слова: давати.

иктикованъ и уписанъ, къ которыхъ и сесь выписъ подъ печатью земскою воеводства Виленского въ Бозѣ велебному го милости ксендзу метрополитѣ Кіевскому и всимъ отцомъ духовенству церкви светой Пречистой Виленской соборной есть выданъ. Писанъ у Вилни.

Внизу тѣже подписи и печать, что и въ актикаціи документа, напечатаннаго выше подъ Н. 2. Ветхъ.

4.

Жалованная грамота Сигизмунда 1-го князю Константину Ивановичу Острожскому на строеніе мельницы на р. Виліи для виленской церкви Пречистенской. 1515 г.

Жикгимонтъ Божью милостію король польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій и проч.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кто на него посмотритъ, або читавши его услышитъ нинѣйшимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. Билъ намъ челомъ панъ Виленскій Гетманъ нашъ найвышшій, староста Луцкій и Браславскій и Вѣницкій, маршалокъ Волынское земли князь Константинъ Ивановичъ Острозскій, абыхмо дали его милости мѣстце на рѣцѣ на Вилни вышшей млына пана воеводы его милости Виленского и дозволили быхмо ему на томъ местцу млынъ справити къ церкви соборное Пречистой Богоматери у Вилни на поживене нинѣйшему митрополиту Кіевскому и всея Руси Іосифу и по немъ будучимъ митрополитомъ. Ино мы зъ ласки нашое на его челомбитіе то учинили, тое местце на рѣцѣ на Вилни вышше млына пана воеводы его милости Виленского и тежъ местце на збудоване дому тому млынарю, который маетъ при томъ млынѣ мешкать надъ рѣкою Вилною къ той церкви Божой Пречистой Богоматери дали и дозволи-

ли есмо тамъ на томъ местцу млынъ справити подлугъ его воли. И который его милость на томъ местцу млынъ къ церкви Божое Пречистое Богоматери въ Вилни справитъ, мы тотъ млынъ и тое местцо млынарское, на которомъ, князь Константинъ млынаря осадилъ къ тому млыну вышеписаному даемъ и потвержаемъ симъ нашимъ листомъ къ той церкви Божой соборной Пречистое Богоматери у Вилни нинешному митрополиту Іосифу Кіевскому и всея Руси и по немъ будучимъ митрополитомъ вѣчно и на вѣки непорушно. И маютъ зъ мѣста Виленского и съ селъ хто хотячи на тотъ млынъ всякіе збожа отовсюль доброволне возити и молоти, а урядники нашіе не маютъ въ тотъ млынъ и въ того млынарка ни чимъ 'ся вступати; а на твердость того и печать нашу казалисмо привѣсити къ сему нашему листу. А при томъ были и тому добре сведоми панове рада, воевода Виленскій канцлеръ нашъ Николай Николаевичъ Радивиловичъ; воевода Троцкій маршалокъ надворный, панъ Григорей, Станиславовичъ Остиковича, панъ Троцкій староста Жомоитскій, панъ Станиславъ Ивановичъ; маршалокъ земскій державца Слонимскій, панъ Иванъ Миколаевичъ; староста Городенскій подчашій нашъ, панъ Юрей Миколаевичъ; воевода Полоцкій державца мозырскій, панъ Ольбрыхъ Мартиновичъ Гаштовтовичъ; воевода Новогородскій староста Дорогицкій, панъ Иванъ Ивановичъ Заберезинскій. Писанъ у Вилни въ лѣто 7023. мѣсеца декабря двадцать девятаго дня, индикта 3. Копотъ Вашковичъ.

Грамота сія заимствована изъ копіи экстракта, даннаго Августомъ II-мъ, по просьбѣ пановъ радъ, и подтверждающаго вѣрность записи грамоты въ метрикѣ Литовской. Копія писана на бумажномъ листѣ польскими буквами безъ подписей и печатей.

5.

Королевская грамота виленскому бискупу по дѣлу о безчиніяхъ, произведенныхъ ксендзами въ церкви Пречистой. 1545 г.

Жикгимонтъ и пр.

Князю Яну бискупу Виленскому. Писалъ и присылалъ къ намъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси Іосифъ, жалучи о томъ: штожъ дей сего лѣта (при) бытности его у Вилни каплани (ксендзы) светого Яна шли въ ночи мимо церковь его соборную Пречистое Богоматери у Вилни и у звонъ церковный звонили, который же звонъ люди обаполніи вслышавши тамъ до церкви ся збѣгли, вчинаючи, ижъ бы звонено на огонь, або на кгвалтъ. Тыи дей каплани, обачивши збираючися людей, оттоле втекли. Потомъ дей митрополитъ пріѣхавши до Вилни посылалъ до твоей милости на тыхъ каплановъ о тое звонене жалуючися, справедливости просячи; ино дей тыхъ посланцовъ его до твоей милости недопущено. А потомъ дей твоя милость прислалъ до него жалуючи, ажъ бы за оное звонене тыхъ каплановъ въ тотъ часъ збито зъ домовъ поповскихъ Ивановскаго а Покровскаго и въ томъ на тыхъ поповъ права хотячи; которому жъ дей праву онъ и рокъ былъ положилъ и суди на то на своемъ дворѣ былъ осадилъ. А за тымъ дей твоя милость прислалъ до него, ажъ бы тыхъ поповъ поставлено ку праву предъ твоею милостью на дворѣ бискупьемъ; чогожъ пердъ тымъ николи не бывало. Ино штось дотычетъ того звоненя и кгвалту церковнаго, абы твоя милость митрополиту на тыхъ каплановъ право далъ и справедливость вчинилъ и тотъ кгвлдтъ церковный велѣлъ оправити такъ, какъ бы митрополиту въ томъ жаль не было. А штося дотычетъ бою капланскаго, твоя бы милость на тыхъ попехъ того казалъ правомъ поискивати предъ митрополитомъ на его дворѣ потому,

какъ передъ тымъ здавна бывало. И рачилъ (изволилъ) бы твоя милость впередъ своихъ духовныхъ повстягнути, абы такого находу и легкости церквамъ ихъ закону греческаго не чинили, ижъ бы таковыи жалобы на нихъ на потомъ до насъ не приходили. Писанъ въ краковѣ подъ лѣто Божого Нароженя 1545 мѣсяца Сентября 22 д. индикта 14.

*Писанъ на бумажномъ листѣ; печать оттиснута на бумагѣ; подпись—*Копотъ писарь. *Ветхъ.*

6.

Дарственная запись Ивана Горностая церкви Пречистой Богородицы въ Вильнѣ. 1560 г.

Я Иванъ Горностай, воевода Новогородскій, маршалокъ дворный, подскарбій земскій великаго князьства Литовскаго, державца, слонимскій и кревскій чиню явно и оповѣдамъ писаньемъ руки моее власное, ижъ есми далъ по моей доброй волѣ въ домъ Божей, то есть у храмъ Пречистое Богоматери въ церковь соборную Виленскую ку Успенію Пресвятое Богородици ку хвалѣ Божьей и къ учтивости службы Божее рукомыю сребреную, въ которой важи сребра полъ 9 гривны и 12 золотниковъ, а къ тому лоханю сребреную: въ ней важить сребра 11 гривенъ и полъ гривны, которую маю отъ князя Ярослава Матеевича. А даю тую лоханю и рукомыю въ тотъ домъ Божій Пречистое храмъ нынѣшнему митрополиту нареченому Стефану Андреевичу его милости ку службѣ и хвалѣ Божей и потомъ будучимъ митрополитомъ вѣчно и на вѣки непорушно. Хто тое сребро даное отъ мене грѣшного чоловѣка отдалить отъ тое светое божественное церкви съ храму Пречистое, Богъ его заразить, нарушить и на тѣлѣ его и будеть проклятъ въ сій вѣкъ и въ будущій. Писанъ и данъ тотъ мой листъ у Пречистое храмъ у Вилни

лѣто Божего Нароженя 1556 мѣсеца Марта 25 дня на Благовѣщенее Пречистое Богородици при державѣ наяснѣйшаго короля и великаго князя Литовскаго Жикгимонта Августа. Иванъ Горностай самъ своею рукою писалъ.

Писанъ на листѣ. Внизу замѣтенъ слѣдъ тиснутой печати. (*изъ Лит. Еп. Вѣд.*)

№ 15.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ. (*)

I.

Грамота польскаго короля Сигизмунда III игуменьѣ виленской Василисѣ Сапежанкѣ на владѣніе съ преемницами своими браславскимъ монастыремъ уступленнымъ ей, по благословенію уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя, игуменомъ городенскимъ и браславскимъ Богданомъ Годкинскимъ. 1609 г.

Жикгимонтъ третій, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомойтскій, Лифляндскій, а дедичный король Шведскій, Кготскій, Вандальскій и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ вобець, кому бы то вѣдати належало, ижъ игуменъ Городенскій и Браславскій, чесный отецъ Богданъ Клементей Годкинскій, не могучи въ подешлыхъ лѣтехъ своихъ двухъ монастыровъ въ Городнѣ и въ Брас-

(*) Печатаемъ эти документы въ доказательствомъ православія предковъ нынѣшнихъ, окатоличенныхъ фамилій Сапѣговъ, Тышкевичей, Корибусовъ—Вишневецкихъ и проч.

лавлю для отлеглости одного отъ другого справовати, за позволеньемъ нашимъ пустилъ монастырь Браславскій съ церковью заложенья Светое Пречистое и зо всими добры, доходы и пожитки, ку той церкви и монастыру здавна и теперь належачими, чесной въ законѣ паннѣ Василисѣ Сапѣжанцѣ, игуменьи Виленьской, уступивши ей права своего доживотного, которое ему на тотъ манастырь Браславскій служило, и давши на то листъ свой, водле права справленый, который былъ передъ нами покладанъ; и била намъ чоломъ пречечоная игуменья Виленьская панна Василиса Сапѣжанка, абыхмо тотъ монастырь Светое Пречистое въ повѣтѣ Браславскомъ на островѣ помененой паннѣ Василисѣ Сапѣжанцѣ, игуменьи Виленьской, и сестрамъ ее черницамъ на выхованье ихъ дали, и листомъ нашимъ то имъ утвердили. Мы просьбу ее видечи быть слушную, ижъ то есть ку большой хвалѣ Божой, которую мы розмнажати прагнемъ, ласкове на то позволивши, пречечоный манастырь и церковъ Светое Пречистое въ Браславлю зъ людьми оселыми, съ пашнею дворною, зъ озеры и рѣкою Навенкою, на которой ѣзъ старожитный манастырскій зробленъ, и зо всими приналежностями и пожитками, до тое церкви и монастыря Пречистое Богородицы прислухаючими, чесной Василисѣ Сапѣжанцѣ, игуменьи Виленской, и инымъ черницамъ паннамъ сестрамъ ее законнымъ дали есьмо и симъ листомъ нашимъ даемъ и утвержаемъ: маеть пречечоная теперешнея игуменьи Виленьская до живота своего и по ней наступуючіе игуменьи, которые съ паненъ законныхъ обираны будутъ, церковъ и монастырь Браславскій Светое Пречисто спокойне держати и добръ всихъ манастырскихъ на потребы церковные и манастырскіе а на выхованье сво уживати; а мы обѣцуемъ за насъ и за потомки наши, ижъ того монастыра отъ панны Василисы Сапѣжанки, игуменьи теперешнее, и отъ черницъ паненъ законныхъ брати и одоймовати не маемъ; але же теперешняя игуменья панна Василиса

Сапежанка зъ черницами законничками, во Христѣ сестрами своими, тотъ манастыръ въ Браславскомъ повѣтѣ Пречистое Богородицы во всими добрами, доходами и пожитками на выхованье свое держати будутъ, абы за насъ господара и за панства наши Господа Бога молили а при той церкви уставичне двухъ поповъ або черндовъ и дьякона ховали, яко бы тамъ хвала Божая завжды отправована была. И на то дали есьмо чесной паннѣ Василисѣ Сапѣжанцѣ, игуменьи Виленьской, и сестрамъ ее законнымъ сесь листъ привилей нашъ съ подписомъ руки нашое, до котораго и печать нашу великого князства Литовского притиснуто есьмо велѣли. Писанъ у Вилни, лѣта Божьего нароженья тисеча шесть сотъ девятого, мѣсяца августа осмого дня. Подписъ руки господарское. «Янушъ Скуминъ Тишкевичь, писарь».

Изъ Литовской Метрики (Запис. кн. ГXXXIX, л. 149), *хранящейся въ С.-Петербургѣ, при правительствующемъ сенатѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено:* Привилей игуменьи Виленьской Василисѣ Сапѣжанцѣ и инымъ по ней наступаючимъ на манастыръ въ Браславлю на островѣ, на выхованье черницамъ.

2.

Грамота польскаго короля Сигизмунда иноку Григорію Тишкевичу на архимандрію Лещинскаго Пинскаго монастыря и доходы его, по переводѣ оттуда въ Кіевъ игумена Плетенецкаго.

Жикгимонтъ третій, Божью милостью король Полскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомоитскій, Мазовецкій, Ифляндскій, а Шведскій, Кготскій, Вандалскій дѣдичный король. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ, кому бы то вѣдати належало, ижъ за преложеньемъ перемѣщеніемъ отъ насъ архимандрита монастыра Лещинского въ Пинску Елисея Плетенецкого на архимандрыцтво Кіевское, тотъ монастыръ Лещинскій до

шафунку (въ распоряженіе) нашого пришолъ; а такъ мы господаръ, маючи залецоную (рекомендованную) годность чесного Григоря Тишкевича инока, пречечоное архимандрыцство Лещинское въ Пинску ему есмо дали и симъ листомъ нашимъ даемъ до живота его, альбо до преложенья отъ нашъ на вышшое достоенство; маетъ онъ тое архимандрыцтво монастыра Лещинского въ справѣ и завѣдываныю своемъ держечи, хвалу Божую водле правилъ Светыхъ Отецъ и соборовъ вселенскихъ отправовати, добръ и пожитковъ всякихъ, на тотъ монастырь здавна и теперь наданыхъ, уживати (употреблять) такъ, яко и бывшіе архимандрыты продкове его уживали, а за насъ господара и за панства наши Пана Бога просити, будучи подъ владзою (властью) и зверхностью старшого пастыра своего епископа Пинского теперешнего и по немъ будучихъ. И на то дали есмо ему сесь нашъ листъ съ подписомъ руки нашое господарское, до котораго и печать нашу великого князства Литовского привѣсити есьмо велѣли. Писанъ въ обозѣ нашомъ подъ Смоленскомъ, лѣта Божьего нароженья тисеча шесть сотъ десятого, мѣсяца іюня дванадцатого дня. Подписъ руки господарское.—«Янъ Соколинскій, писаръ».

Изъ Литовской Метрики (Запис. кн. LXXXIX, л. 203), *хранящейся въ С.-Петербургѣ, при правительствующемъ сенатѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено:* Привилей Григорью Тышкевичу, иноку, на архимандрыцтво Лещинское въ Пинску.

3.

Грамота Раины Корибутовой, данная лубенскому мгарскому монастырю на передачу въ собственность этого монастыря нѣкоторыхъ недвижимыхъ имѣній. 1619 г.

Раина Могилянка Михайлова Корибутова, ксенжна Вишневецкая, старостина Овруцкая, ознаймую тымъ листомъ

моимъ, кому бы о томъ вѣдати належало, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ я, съ повинности моеи христіанской, помнечи тежъ волю предсевзятое славной памяти милого малженка моего княжаты Михайла Вишневецкого, именемъ его власнымъ позволиламъ и тымъ листомъ моимъ позволяю фундовати монастырь за Лубнями, отъ Лубенъ полмили у лѣсѣ Мгарскомъ на горѣ, гдѣ передъ тымъ бывали пасѣка, а знать, слыше, бывалъ колись и манастырь; и поручиламъ тое мѣстце ве владзу (власть) и вшелякое (всякое) справованье господину отцу Исаіи, игумену Густынскому и Подгорскому, которому и во всей маетности моей за-Днѣпрской увесь рядъ и справу духовныхъ залецамъ (предлагаю). Теперъ зъ початку дерево будованя старого замку, которое ся зійдеть до того мѣстца святого, дарую; млынки обадва, нижній и вышній, подъ тоеюжъ горою на рѣчцѣ Олшанцѣ съ подданными, на томъ же кгрунтѣ мешкаючими, придаю и кгрунтъ (землю) до него такъ назначаю: отъ Олшанки рѣчки вдолжъ до другой рѣчки Мгара въ обѣми берегами тыхъ рѣчокъ, а вширъ отъ южечины луки зъ лѣсомъ и во всею околичностью тоей луки до Сулы рѣки. А ижъ маю вѣдомость, же до пахання хлѣба той кгрунтъ барзо тѣсный, теди вольно будетъ манастыреви пахати хлѣба и сѣна косити и до самого Удая рѣки, который то Удай тамъ, слыше, недалеку того кгрунту идеть. И чого колвекъ и потымъ до мѣстца святого на фундованье и розширенье хвалы Божой будеть потреба, охотно и ласкаве ставится обѣцую: А теперъ той кгрунтъ зо всею околичностю и зо всѣми пожитками, въ чымъ бы колвекъ пожитокъ собѣ мѣти могли, на монастырь на хвалу Божію офѣрую и вѣчными часы дарую. Которогото кгрунту маютъ уживати спокойне, ненарушоне, безъ вшелякой перешкоды (препятствія) такъ отъ старостовъ, арендаровъ, яко и подданыхъ нашихъ: вольно имъ будетъ будовати и млыни ку пожиткови своему въ тымъ же кгрунтѣ отъ насъ назначономъ и вше-

лякій пожитокъ собѣ привлащати (усвоить) и примножати, въ чымъ бы колвекъ найпожитечнѣй соти моглибѣ мѣ. А то вчинилямъ такъ для збавленья души моей, яко и для вѣчной памяти и отпущенья грѣховъ зешлого зъ того свѣта княжаты Михайла Вишневецкаго, милого малженка моего, абы такъ за душу его, яко и за насъ и потомки наши на томъ мѣстцу святомъ мольба до Господа Бога завше (всегда) безпрестане отправоватися могла. Поручаемъ тотъ кгрунтъ на уфундованье монастыря вышъ менованному господину отцу Исаіи, которому и другіе два монастыря подъ Прилукою, Густинскій и Ладинскій, также на уфундованье и розмноженье хвалы Божеи, житія законного иноческого *старожитной религіи Греческой Восточного православія* злециламъ, абы онъ моглъ стараньемъ своимъ все доброе въ маетностяхъ нашихъ Заднѣпрскихъ такъ христіанскимъ душамъ, яко и славѣ дому нашему справовати и вшелякій порядокъ нести, и даю то оному до живота его. Еслибы тежъ онъ любъ самъ хотѣлъ оставити, любо якимъ же колвекъ способомъ мѣли тые монастыри отъ него отойти, теды его коштъ (издержки) власный и накладъ, што колвекъ онъ наложилъ, жадныхъ браня ему пожитковъ не отмовляючи и не вытручаючи, (высчитывать) увесь накладъ его и коштъ, который за стараньемъ его былъ бы, отъ мала и до велика и до наимнѣйшей рѣчи не маетъ гинути (пропадать) такъ отъ насъ самыхъ яко и потомковъ нашихъ, кому бы колвекъ тые мѣстца святые въ напотомный часъ остатися мѣли. Еслибы тежъ якимъ колвекъ обычаемъ мѣлъ быти отъ кого въ томъ укривжоный (одаженъ), теды доходити своего накладу и кошту правнымъ способомъ моцъ даемъ.

Все тое тымъ листомъ нашимъ теперъ и въ напотомные часы по насъ будучимъ варуемъ, (обеспечиваемъ, абы оному жадной (никакой) кривды и утраты яко духовной особѣ, богомольцѣ нашому, не было ни отъ кого. И по смерти своей кому онъ вмѣсто себе, знаючи, яко духовной

особѣ набожной, въ справованье тые святые мѣстца злецить (поручить), важно и твердо быти мастъ. Даемъ то ему ве владзу и моцъ, кгдыжъ онъ тымъ всемъ монастыремъ фундаторомъ и початкомъ и строителемъ есть. И хто бы колвекъ тую фундацію нашу нарушати и касовати (уничтожать) въ напотомные часы мѣлъ, або одеймовати що есьмы разъ надали, або на старожитную благочестивую вѣру восточного православія наступовати и отмѣняти, теды нехай будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ 318, ижъ во Никеи, и розсудится со мною передъ маестатомъ Божіимъ.

А для лѣпшой вѣры, ваги и стверженья, даю той мой листъ съ притисненьемъ печати и съ подписомъ руки моей. Писанъ у Вишневцу, року 1619, іаннуарія 18 дня.

Рукою власною.

Въ спискѣ, внизу, на правой сторонѣ надпись: мѣстце печати княгини Вишневецкой.

Изъ архива Лубенскаго Мгарскаго монастыря. См. Полт. Губ. Вѣд. на 1861 г. № 7. А. Ю. и З. Р.

II.

ПРУССАКИ ВЪ БЫВШИХЪ ПОЛЬСКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ (*).

(Изъ рукописи Т. II, гл. XVI: „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ С. З. Россіи, собралъ В. Ратчъ).“

Возвращеніе къ системѣ Фридриха Великаго—Министръ Графъ Гоймъ—Вопросъ о землевладѣніи—Нѣмцы ведутъ польскую интригу противъ Гойма—Паденіе Гойма—Фоссъ вторично у польскихъ дѣлъ—Усиленіе дѣятельности польской справы—Ѳаддей Чацкій и польскія патріотическія общества—Заискиванія предъ императоромъ Александромъ Павловичемъ—Заискиванія предъ Наполеономъ—Герцогство Варшавское—Возвращеніе Познани подъ власть Пруссіи—Заговоры—Пожары—Общая работа съ варшавскими заговорщиками—1831 годъ—Флотвель—Польско-патріотическая научная дѣятельность—Раскрытіе приготовленій къ мятежу 1846 года—Мятежъ 1848 года—Одураченный Виллизенъ—Раслѣдованіе польской справы въ Пруссіи.

Вмѣсто министра *Фосса*, управленіе областями, отъ Польши перешедшими къ Пруссіи, было въ томъ же 1794 г. ввѣрено графу *Гойму*, воспитаннику школы Фридриха Великаго, нѣкогда дѣятельному его помощнику по устройству народнаго образованія въ пріобрѣтенныхъ польскихъ областяхъ.

Для польской справы на первыхъ же порахъ наступилъ *критическій моментъ*. Мятежъ 1794 г. еще болѣе выяснилъ передъ прусскимъ правительствомъ все значеніе землевладѣнія и первымъ слѣдствіемъ усмиренія мятежа было возвращеніе къ системѣ Фридриха Великаго, послѣ неудачныхъ попытокъ *Фосса* къ примиренію съ полонизмомъ. Прусскимъ правительствомъ были обсуждены рѣшительныя мѣры къ усиленію, во всѣхъ разнообразныхъ его видахъ, *прусскаго землевладѣнія*. Оно должно было служить краугольнымъ камнемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ постановленій; но и для польской справы, въ рукахъ *Чарторыйскихъ* вопросъ землевладѣнія былъ тоже камнемъ краугольнымъ.

(*) См. 8 кн. „Вѣст. Зап. Россіи.“

На почвѣ землевладѣнія должна была возникнуть первая бор ба, между стремленіями Пруссіи—упрочить свое господство въ бы шихъ польскихъ областяхъ и стремленіями польской справы— удержанію вліятельныхъ классовъ, представителей полонизма, постоянныхъ желаніяхъ возстановленія польскаго владычества и всегдашней готовности тому содѣйствовать.

Прусское правительство, наученное тяжкимъ опытомъ мяте 1794 г., видѣло недостатокъ мѣръ, принятыхъ Фридрихомъ Вел кимъ. Оно увидѣло, что для онѣмеченія страны было недостаточ нѣмецкихъ чиновниковъ, нѣмецкихъ колонистовъ, нѣмецкихъ кр стьянскихъ хозяйствъ, нѣмецкихъ училищъ и учителей. Сила земнаго, ксендзо-шляхетскаго, вліятельнаго элемента землевладѣ цевъ, неуловимая въ своей подпольной дѣятельности, съ постоянн маскою легальности и вѣрноподданства, своими подкопами подр вала успѣхи правительственныхъ мѣръ. Съ пріобрѣтеніемъ нов областей, прусское правительство рѣшительно приступило къ *о русаченію* края. Принимая староства въ казенное вѣдомство сдавая ихъ исключительно нѣмцамъ-арендаторамъ, Пруссія вмѣс съ тѣмъ приступила къ прочному водворенію прусскаго землев дѣнія, раздачею надежнымъ пруссакамъ крупныхъ и мелкихъ уч стковъ, преимущественно изъ переходившихъ въ казну имѣній настырскихъ или кляшторскихъ, собственность духовныхъ р. толическихъ монашествующихъ орденовъ, бывшихъ въ недавн событіяхъ гнѣздомъ крамолы.

Но и польская справа не менѣе оцѣнивала все значеніе д нея вопроса о землевладѣніи Вѣковая борьба Польши съ За дною Русью, соединенныхъ подъ скипетромъ одного государя, б ла причиною того, что значеніе національности землевладѣльце выработалось въ Рѣчи Посполитой ранѣе, нежели гдѣ либо Европѣ (1). Дабы сломить упорную оппозицію дворянства з падной Россіи и притянуть его къ сліянію съ польскимъ, раб тало римское духовенство путемъ латинской пропаганды, работа польское правительство, съ одной стороны искушая русское дв рянство уравненіемъ его правъ съ польскимъ шляхетствомъ, съ другой вырывая отъ Западной Руси право водворять въ н *кровныхъ поляковъ* землевладѣльцами.

Съ тѣхъ поръ какъ *Чарторыйскіе избрали Польшу* въ ос

(1) Св. о п. мятежѣ 1863 г. Часть I. стр. 228.

раціонный базисъ своей фамильной программы и домогались приполнить къ ней Западную Русь, съ того времени они, поколѣніями, вполнѣ и усвоили себѣ все значеніе землевладѣнія. При обсужденіи *фамильной программы* въ новомъ для нея, съ паденіемъ Польши на ступившемъ, фазисѣ, прошедшее имъ указывало вліяніе магнатовъ, которое при складѣ польскаго общества, было безгранично, и что попадавшіе въ эту среду, особенно при короляхъ саксонцахъ водворившіеся нѣмцы, не могли устоять противъ искушеній. Нѣмцы ополячивались вполнѣ, ополячивались до того сношеніями, личными интересами и въ особенности брачными союзами, что усвоивали себѣ весь бытъ, языкъ, вѣру и, при безпрерывно возбуждаемомъ тщеславіи, даже свои фамиліи передѣлывали на польскія. „Давніе переселенцы изъ Германіи, гласитъ литература польской справы при разборѣ событій въ Пруссіи конца XVIII столѣтія, были истыми поляками, хотя поляками нѣмецкаго происхожденія. Прибывшіе въ Польшу *Морчтинъ* (Mondenstern) (1), *Бонаръ*, *Кромеръ*, *Гозіусъ*, *Платеръ*, *Унругъ* (Unruh) *Калктштейнъ*, *Биберштейнъ*, *Вольцмеръ*, *Грабовскій* (Götzendorf), *Волицкій* (Waldorf), *Пацъ*, *Шауманъ*, *Шуманъ*, *Вируцъ*, *Шульцъ* и пр. стоятъ на ряду съ польскими автохтонами (туземцами) въ воспоминаніяхъ всѣхъ патріотическихъ добродѣтелей и польсконаціональныхъ дѣяній (2).“

(1) Часть I. Н. II. стр. 203.

(2) Löwenberg Das enthüllte Posen. Berlin. 1849 г. р. 7. Преобладаніе полонизма въ обществѣ влечетъ неминуемо за собою подобныя явленія ополяченія, и для примѣра, мы можемъ указать на два разительные случая *перехода* землевладѣльцевъ нѣмцевъ въ среду полонизма, которые выяснились польскимъ мятежемъ 1863 г.

Послѣ раздѣла 1795 г., *Беръ*, родомъ пруссакъ, получилъ отъ прусскаго правительства на 25 лѣтъ въ аренду имѣніе въ отошедшемъ тогда къ Пруссіи Бѣлостокскомъ округѣ, (Гродненской губ.). Его сыну и наслѣднику, арендуемое имѣніе было оставлено до послѣдняго мятежа. Ведя хозяйство съ нѣмецкою разчетливостью, *Беръ* (сынъ) прикупилъ значительное имѣніе по сосѣдству. Среди польскаго общества и женатый на туземкѣ, онъ устранялся однако, по завѣту отца, отъ всякой польской патріотической дѣятельности; его же сынъ, молодой представитель третьяго поколѣнія, за участіе въ послѣднемъ мятежѣ, сосланъ въ Сибирь. Онъ былъ лютеранинъ и женатъ на католичкѣ, рожденной въ Сибири, во время ссылки ея отца. Генералъ *Тиммеръ*, родомъ «изъ

При стойкой рѣшимости прусскаго правительства не впускать въ свою среду никакого польскаго вліянія, вожди полонизма, послѣ перваго раздѣла, видя неизбѣжность водворенія нѣмцевъ, обсуживали вопросъ, какими средствами парализировать прусскія распоряженія и нашли эти средства въ томъ, чтобы новыхъ землевладѣльцевъ притянуть на свою сторону общественными и родственными связями и настойчивыми убѣжденіями, что отнынѣ ихъ интересы общіе. Польская интрига къ увлеченію нѣмцевъ для содѣйствія польской справѣ, не была совершенно безуспѣшна, и самымъ разительнымъ тому примѣромъ можетъ служить г. *Мантейфель*. „Сколько сами нѣмцы ополячивались и принимали участіе въ возстаніи, между многими другими, доказываетъ тотъ фактъ, что нѣмецкій магнатъ, для инсурекціонной арміи, снарядилъ, по собственному побужденію, на свой собственный счетъ, 12 орудій. Этотъ нѣмецкій магнатъ былъ— *Фонъ Мантейфель* (1).“

Покончивъ дѣло съ политическимъ существованіемъ Польши, прусское правительство обсуживало мѣры, дабы на будущее время обезпечить себя отъ повторенія мятежа 1794 года. Оно убѣдилось въ недостаточности прежнихъ мѣръ къ водворенію нѣмецкаго землевладѣнія въ южно-прусской провинціи. Онѣ имѣли и-

---

дворянъ нѣмецкой земли, лютеранскаго исповѣданія», какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, поступилъ на службу въ артиллерію при императрицѣ Екатеринѣ, былъ любимцемъ Аракчеева, командовалъ с.-петербургскимъ арсеналомъ, былъ отличенъ особымъ благоволеніемъ къ нему императоровъ Павла и Александра Павловича, и пожалованъ имѣніемъ въ Могилевской губерніи; внукъ генерала *Тиммерла*, р.-католикъ, отставный русскій офицеръ, сосланъ въ Сибирь за участіе въ послѣднемъ мятежѣ.

(1) Das enthüllte Posen H. 11 p. 105. Польскіе патріоты, при своихъ планахъ, всегда ищутъ указаній въ *фактахъ совершившихся* (см. Т. I. Введеніе, стр. 21). Примѣръ *Мантейфеля*, не былъ ли подкрѣпленіемъ твердаго ихъ убѣжденія въ польское искусство ополячиванія инородныхъ землевладѣльцевъ? Послѣ объявленія указа 10 декабря 1865 г., изъ польско-патріотической сферы, въ С. З. Россіи *достовѣрно* раздался слѣдующій отзывъ: «Переходъ нѣсколькихъ имѣній къ русскимъ помѣщикамъ не ослабитъ настроеніе страны. При хорошо разъясняющемъ мѣстные интересы органѣ, развѣ русскіе помѣщики скоро не пристанутъ къ полякамъ, и не усилятъ ихъ голосъ тѣми же требованіями, понявъ, что ихъ связываютъ одни и тѣже общіе интерессы».

рактеръ только оборонительный противъ полонизма; правительство рѣшило дать имъ характеръ наступательный и упрочить за собою навсегда, твердыми пунктами пріобрѣтенія, сдѣланныя правительственными мѣрами. Оно доселѣ поощряло водвореніе вліятельныхъ сословій помѣщиковъ и арендаторовъ нѣмцевъ, не заботясь о личной ихъ нравственной силѣ; а эти, при вспыхнувшемъ мятежѣ въ 1794 г., весьма были озабочены о затраченномъ своемъ трудѣ и капиталѣ, и изъ опасеній послѣдствій, избѣгали раздражать еще болѣе полонизмъ, и не вступили въ рѣшительную борьбу съ снаряжающимися *на повстаніе*.

По усмиреніи мятежа, король уполномочилъ *Гойма*, по собственному усмотрѣнію, избрать достойныя личности, которыя нравственною своею силою могли бы служить твердою опорою и руководящими свѣтилами водворяемому нѣмецкому землевладѣнію. Имѣнія, поступавшія въ казну по конфискаціямъ за послѣдній мятежъ, и по послѣднему раздѣлу, было предоставлено *Гойму* раздавать имъ избраннымъ частнымъ людямъ и служащимъ, за весьма низкую цѣну, а относительно нѣкоторыхъ, представлять на утвержденіе короля, для пожалованія ихъ имѣньями даромъ. Правительство наружно сохранило совершенное равенство между вновь пріобрѣтаемыми отъ Польши подданными и вновь водворяемыми нѣмцами, установивъ послѣ произведеннаго кадастра, одиноковые налоги по цѣнности имѣній; но дабы болѣе привязать нѣмцевъ къ получаемымъ ими участкамъ и содѣйствовать скорѣйшему водворенію правильнаго хозяйства, оцѣнка отчуждаемыхъ отъ казны имѣній была значительно уменьшена. Такъ, во вновь пріобрѣтенныхъ по послѣднему раздѣлу провинціяхъ, пожалованныя имѣнья въ числѣ 241, стоимостью въ 20 милліоновъ талеровъ, были оцѣнены только въ 3½ мил. (2).

Ненавистъ полонизма къ *Гойму* росла ежечасно. Ему пришлось исправлять ошибки *Фосса*. По утвержденіи границъ окончательнаго раздѣла Польши договорами трехъ державъ, король, 26 декабря 1795 г., манифестомъ объявилъ новымъ подданнымъ о ихъ поступленіи въ прусское подданство. *Гоймъ* немедленно занялся кадастромъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ имѣній, и дальнѣйшія правительственныя *деклараціи* и инструкціи, составленныя подъ вліяніемъ *Гойма*, носили совершенно

(1) Das enthüllte Posen H. III. p. 20-

другой характеръ, нежели прежнія, скрѣпленныя подписью *Фосса*, послѣ раздѣла 1793 года. Первая, (1) изданная 8 іюля 1796 г., начинается словами:

„Извѣстно, что имѣнія и поземельные участки, принадлежащіе р.-католическому духовенству, составляютъ значительную часть поземельной собственности въ тѣхъ округахъ, которые поступили къ его величеству королю прусскому, какъ при установленіи границъ 1793 года, такъ и при новомъ ихъ установленіи.

„Его величество сперва желалъ оставить владѣніе и управленіе вышесказанныхъ имѣній за духовенствомъ, въ полной тогда же ясно высказанной имъ увѣренности, что духовенство будетъ заботиться о томъ, чтобы свои значительныя владѣнія привести въ такое состояніе, и будетъ пользоваться такими доходами, что общее благосостояніе въ нихъ будетъ развиваться, и для того позаботится объ улучшеніи земледѣлія, внутренняго хозяйства имѣній, и въ особенности позаботится о бытѣ многочисленнаго сословія своихъ крестьянъ.

„Но послѣдствія не оправдали этихъ ожиданій въ южной Пруссіи; напротивъ того они подтвердили другую, опытомъ дознанную истину. Лица, которыхъ *обученіе съ младенчества не выходило изъ круга научныхъ знаній и религіозныхъ занятій*, и которыя при желаніи идти по пути своихъ духовныхъ обязанностей, почти все свое время посвящаютъ душеспасенію, отправленію богослуженія и другимъ духовнымъ упражненіямъ, не способны потому, да и не имѣютъ достаточныхъ побудительныхъ причинъ, чтобы съ успѣхомъ заботиться о развитіи сельскаго хозяйства въ большихъ размѣрахъ. Основныя улучшенія сельскаго хозяйства ведутъ за собою значительное пріумноженіе доходовъ; но пріумноженіе въ отдаленномъ только будущемъ; а отъ духовныхъ лицъ даже нельзя ожидать къ тому ни желанія, ни склонности. Пока они живы, они наслаждаются доходами, а по ихъ кончинѣ плоды ихъ трудовъ и самопожертвованій переходятъ въ руки личностей, имъ совершенно чужихъ, съ которыми они не связаны ни родствомъ и ни какими другими узами.

(1) Declaration wegen Einzihung und künftiger Verwaltung der geistlichen Güter in gleichem der Starosteien, und andrer könig. Güter in Südpreussen in der von der ehemaligen Republik Polen neuerlich acquirirten Provinzen. Berlin den 28 Juli. Das enthüllte Posen H. II. p: 77—81.

„Его величество не можетъ допустить чтобы столь значительная часть почвы оставалась долѣе въ прежнемъ небрежномъ положеніи, чтобы даромъ пропадала производительность почвы, которая нынѣ остается безплодною; а при надлежащемъ улучшенномъ сельскомъ хозяйствѣ, доставитъ и государству и въ сложности всему общественному достоянію, значительныя выгоды.“

На этихъ основаніяхъ правительство, признавая, что *„всякій, при правильномъ сужденіи, пойметъ, что земли р. католическаго духовенства безспорно составляютъ государственное достояніе,“* причислило къ государственнымъ имуществамъ имѣнія: *бискупскія, катитульскія, училищныя, пробощскія, и другихъ духовныхъ корпорацій и учрежденій.* Правительство взяло подъ свою опеку общественное воспитаніе, усилило и улучшило учебныя заведенія для клириковъ, а содержаніе римскому духовенству выплачивалось изъ казначействъ. Вслѣдъ за этою декларацією послѣдовали подробныя инструкціи (1), для устройства и управленія государственныхъ имѣній римскаго духовенства и казенныхъ. Эти инструкціи, «по особому королевскому повелѣнію (Specialbefehl)», подписаны *Гоймомъ.*

Изъ весьма подробныхъ инструкцій, приведемъ только нѣкоторыя указанія, которыя могутъ ознакомить съ характеромъ самихъ инструкцій:

Владѣльцы бывшихъ когда либо королевскихъ или казенныхъ имѣній, подъ какимъ бы наименованіемъ и титуломъ ими ни пользовались, должны вообще передать ихъ въ государственныя имущества; отъ этого перехода не освобождаются и имѣнія, переданныя по конституціи послѣдняго варшавскаго сейма, на *эмфитетическомъ* правѣ (т. е. сданныя на многолѣтній срокъ аренды до 99 лѣтъ). Только при особыхъ, исключительныхъ, одиночныхъ случаяхъ, имѣніе оставляется за владѣльцемъ; а именно если онъ удостовѣряетъ, что нѣкогда бывшее королевское имѣніе перешло въ его полную, неотъемлемую собственность. Въ такомъ случаѣ несомнѣнность представляемыхъ доказательствъ должна быть тщательно повѣрена.

---

(1) «Instruction für die Kriegs und Domainkammern und für die constituirten Domainen—Einrichtung commissionen wergen Einzihung und Verhaltung der Königlichen und Geistlichen Güter. 20 September 1796 г.

При постановленіяхъ на счетъ поступавшихъ имѣній имѣть въ виду *государственные интерессы и хозяйственныя экономическія выгоды*. Отобраніе имѣній въ казну начать отъ лицъ отсутствующихъ изъ предѣловъ государства. Всѣхъ колонистовъ—нѣмцевъ, заключившихъ арендныя условія съ прежними владѣльцами, на тѣхъ же основаніяхъ, оставить на мѣстахъ ихъ водворенія. Доходы съ отдѣльныхъ незначительныхъ участковъ, служащіе лишь къ содержанію приходскаго духовенства и приходскихъ храмовъ, оставить на прежніяхъ основаніяхъ; причемъ установить на нихъ арендную плату. Эсли они находятся въ арендномъ содержаніи у крестьянъ или мелкихъ шляхтичей, людей порядочныхъ, смирныхъ и заботливыхъ хозяевъ, то таковымъ давать предпочтеніе.

Высшій надзоръ за имѣніями, поступающими въ государственныя имущества, поручается окружнымъ интендантамъ, при назначеніи которыхъ камеры приглашаются, *во имя всего, что для нихъ свято*, выбирать людей съ особою осмотрительностью, потому что отъ ихъ вліянія зависитъ какъ благоденствіе населенія, такъ и приведеніе сельскаго хозяйства къ надлежащему виду. Отъ ихъ познаній и нравственности будутъ зависѣть и дѣйствія подъ ихъ наблюденіемъ находящихся сельскихъ хозяевъ.

Лица и учрежденія, имѣющія право на дальнѣйшее пользованіе имѣніями, вознаграждаются денежною уплатою изъ казначейства (1). При этомъ, постоянная уплата, причитающаяся отъ духовныхъ имѣній назначается только существующимъ учрежденіямъ благотворительности, а уплата духовнымъ лицамъ прекращается съ ихъ смертью; это наблюдается и для лицъ пользовав-

---

(1) При назначеніи этой уплаты былъ принятъ за основаніе исчисленный люстраціею дѣйствительный доходъ, который могло давать имѣніе. Изъ выплачиваемой суммы были вычитаемы налоги казны за поземельную собственность, расходы на возведеніе новыхъ и возобновленіе въ негодность пришедшихъ, необходимыхъ для сельскаго хозяйства, зданій и пополненіе необходимаго хозяйственнаго инвентаря. За тѣмъ изъ валоваго дохода (Brutto Einnahme) удерживалось 10% на администрацію, 5% на покрытіе процентовъ на капиталы, которые были правительствомъ затрачены для немедленнаго возстановленія построекъ и другихъ хозяйственныхъ надобностей; 5% на экстренные расходы, которые могутъ встрѣтиться для довольствія войскъ квартирами, подводами и травою. Das enthüllte Posen H. 11 p. 92.

шихся доходами съ королевскихъ имѣній. Дальнѣйшая имъ уплата прекращается по ихъ смерти, единовременно выдачею ихъ наслѣдникамъ трехъ-мѣсячнаго дохода.

Въ дополненіе къ инструкціи, послѣдовало 19 декабря 1796 г. повелѣніе, объявленное *Гаймомъ* камерамъ государственныхъ имуществъ, что, по волѣ короля, всѣ, пожалованныя имѣнія, не могутъ быть продаваемы никому изъ уроженцевъ бывшей Польши, а только уроженцамъ коренныхъ прусскихъ областей, имѣющимъ право пріобрѣтать имѣнія (an keinem Landes Eingebornen des ehamaligen Polens, sondern durchaus an einen Besitzfähigen aus unsern alten Provinzen).

Полонизмъ озлобился на прусское правительство, когда увидѣлъ, что оно, своими постановленіями, не только отказывалось новою властью утвердить все, добытое у прежняго польскаго правительства; но явно указывало, что оно, послѣ мятежа 1794 года, потеряло всякое довѣріе къ представителямъ польской національности. Польскія заявленія не имѣли доступа къ королю; онъ помнилъ, въ какое критическое положеніе былъ поставленъ послѣднимъ мятежемъ, когда, положившись на преданность и благодарность поляковъ, онъ долженъ былъ безславно отступить съ своими войсками отъ Варшавы и торопиться возвращеніемъ въ предѣлы своихъ коренныхъ областей.

Высшая администрація страны была въ рукахъ людей вышедшихъ изъ школы Фридриха II, образовавшихся подъ направленіемъ даннымъ великимъ королемъ, и на практикѣ изучившихъ обороты полонизма въ пріобрѣтеніяхъ перваго раздѣла. *Пулавскіе дѣятели* подвергли вопросъ о водвореніи прусскаго землевладѣнія своимъ внимательнымъ обсужденіямъ: они оцѣнили всю предстоящую опасность; они видѣли необходимость подчиниться; но изыскивали средства—нельзя ли покрайней мѣрѣ умалить значеніе роковыхъ для польской справы мѣръ и распоряженій прусскаго правительства.

Предъ польскими изслѣдованіями вопросъ предсталъ въ слѣдующемъ видѣ: прусское правительство раздавало имѣнія крупными и мелкими участками; раздавало ихъ частнымъ людямъ и служащимъ. Польская справа рѣшила что для нея самые опасные противники—крупные прусскіе землевладѣльцы, а изъ мелкихъ— землевладѣльцы, прусскіе служащіе. Нѣмецкіе крупные землевладѣльцы являлись, по своему вліянію, соперниками *поль-*

скихъ магнатовъ. Если нѣкоторые проживали въ Берлинѣ, то, для своего хозяйства, они никогда не сажали ненадежныхъ польскихъ арендаторовъ или *комисаржувъ;* но строго придерживались правила сажать только нѣмцевъ. Нѣмецкіе владѣльцы, даже и не жившіе въ краѣ, являлись часто въ свои имѣнія, и личнымъ надзоромъ повѣряли правильное веденіе хозяйства; кромѣ того доходы съ имѣній текли въ Пруссію, и изъ нихъ ни одинъ грошъ не могъ попадать на шляхетскія польско-патріотическія затѣи. Для польской справы не менѣе вредны были и водворяющіеся землевладѣльцами чиновники, которые особенно близко принимали къ сердцу обезпеченіе своего достоянія скорѣйшимъ сплоченіемъ вновь пріобрѣтеннаго края съ кореннымъ прусскимъ отечествомъ. Чиновники-помѣщики были невыносимы полонизму. Побуждаемые своими хозяйственными разчетами, они тѣмъ настойчивѣе наблюдали за оборотами польской справы, и всѣ указанія пріобрѣтаемой практики вносили въ административныя сферы. Польская справа, при настроеніи короля, искала другихъ путей, чтобы поправить дѣла, она допускала понеобходимости водвореніе нѣмецкихъ покупщиковъ; но ей нужно было вывести изъ края жалуемыхъ крупныхъ владѣльцевъ и чиновниковъ помѣщиковъ; но первою настоятельною потребностью было признано избавленіе отъ *Гойма.* Для его низверженія, они употребили нѣмецкихъ работниковъ. Знакомство съ минувшими событіями польской справы указываетъ на одно знаменательное обстоятельство: когда правительственныя постановленія ставили полонизмъ въ *самое критическое* положеніе и онъ отъ нихъ увертывался своею интригою, тогда поляки, направивъ дѣло сами, стушевывались, и современники не видѣли ни одной дѣйствующей польской личности, которая могла бы возбудить подозрѣніе.

„Не даромъ чрезъ іезуитскія руки, говорилъ М. Н. Муравьевъ, прошло воспитаніе цѣлаго ряда поколѣній; только проявленіе вѣковой дѣятельности іезуитовъ могло изобразить весь характеръ ихъ козней.“ Графъ *Гоймъ* палъ, очерненный нѣмецкою молвою, которой польскіе патріоты и въ особенности патріотки служили суфлерами, и только современныя событія во всей полнотѣ выяснили заслуги, оказанныя *Гоймомъ* своему прусскому отечеству. Только послѣ польскаго мятежа 1831 года, *Флотвель,* назначенный къ управленію Познанской провинціи, ближе изслѣдовавъ представителей полонизма, по нитямъ сталъ доходить до со-

бытій 1797 г. и увидѣлъ что низверженіе *Гойма* было чистымъ польскимъ продуктомъ. Въ докладной запискѣ, онъ изобразилъ характеръ польскихъ дѣятелей. Смыслъ сужденій людей, изучавшихъ польскія дѣла въ Пруссіи, тотъ, что правительство записку *Флотвеля* 1841 года, болѣе приняло къ свѣдѣнію, нежели къ исполненію, и только мятежъ 1848 года заставилъ пруссаковъ сознать все ея значеніе—и, идя далѣе, ревностно заняться польскимъ вопросомъ и разработать его до требуемой ясности. Дневникъ *Генца*, изданный *Фарнгагеномъ*, хотя и сокращенный въ печати, указываетъ однако, какъ въ высшихъ нѣмецкихъ сферахъ образовывались апостолы съ новыми взглядами въ той средѣ, которую поляки въ 1848 году, если не ранѣе, назвали *панурговымъ стадомъ*, которую пруссаки, послѣ мятежа 1848 года, стали называть *поломанами*, и которыхъ нынѣ у насъ называютъ *полякующими*. „Эти господа, по мѣткому изреченію одного пруссака, садятся играть въ карты съ шулеромъ, въ гуманномъ настроеніи, не обыгрывать своего противника, пользуясь хорошими картами, которыми они обязаны только случаю счастливой сдачи.“

При младенчествѣ польскаго вопроса, въ свѣтскомъ кругу представительницъ полонизма, сановники наслаждались тѣмъ соприкосновеніемъ очаровательныхъ ручекъ, которое надѣвало на нихъ польскія очки. Польская интрига не менѣе успѣшно увлекала въ свои сѣти людей, которые, какъ напр. *Генцъ*, по своимъ блестящимъ способностямъ, попадая изъ темной среды въ сферу высшую, пробивались сквозь жизнь съ преслѣдующею ихъ нуждою въ деньгахъ и въ свѣтской поддержкѣ. Въ пышныхъ чертогахъ польскихъ магнатовъ, гдѣ блистала роскошь во всѣхъ причудливыхъ и обаятельныхъ проявленіяхъ, они находили самыхъ ласковыхъ, милыхъ, привѣтливыхъ и тороватыхъ хозяекъ. Эти *parvenus*, (употребляя иностранное слово, по упорству русскаго языка создать свое, вполнѣ соотвѣтствующее) почитали ли славу о высокомѣріи и самодурствѣ польскихъ магнатовъ иначе, какъ не слѣдствіемъ праздныхъ росказней, когда они на дѣлѣ встрѣчали совершенно противное. Съ тою же искушающею любезностью, тѣже высокоаристократическія ручки и на нихъ надѣвали такія же польскія очки. При посѣщеніи въ веселыхъ поѣздкахъ магнатскихъ родовыхъ замковъ, они сквозь эти очки уже видѣли только одну preussische Rohheit, когда выслушивали разсказы о томъ, на

сколько пострадала эта жизнь въ польскихъ палацахъ, съ кончиною золотаго времени Рѣчи Посполитой. Они не видѣли, какъ прусскіе служащіе, въ упорной борьбѣ со всѣми замысловатыми ухищреніями пановъ, отстаивали населеніе, отстаивали почву, отстаивали возможность ихъ развитія и улучшенія. Они выслушивали только цѣлый рядъ тщательно собираемыхъ и нанизываемыхъ промашекъ въ громадной работѣ громаднаго числа болѣе 12,000 нѣмецкихъ дѣятелей,—промашекъ, разукрашенныхъ, раздутыхъ польскимъ озлобленіемъ и, по замѣчанію *Флотвеля*, иногда чистымъ произведеніемъ польской ненависти.

Къ этой партіи нѣмецкихъ *поломановъ* примкнула другая, навербованная изъ личностей мѣстной прусской администраціи, суровыхъ критиковъ управленія Графа *Гойма*. Можетъ быть самолюбіе ихъ было обижено отъ непомѣщенія ихъ въ число жалуемыхъ имѣніями, въ число тѣхъ, кого *Гоймъ* признавалъ за твердыхъ столбовъ будущаго прусскаго землевладѣнія. При занавѣсѣ, закрывавшей отъ массы соображенія въ королевскомъ кабинетѣ, они въ *Гоймѣ* видѣли своевольный источникъ милостей, падавшихъ на нѣкоторыя избранныя личности.

Въ главѣ этихъ поломановъ явились: старшій совѣтникъ таможеннаго и акцизнаго познанскаго управленія *Гельдъ*, совѣтникъ камеры государственныхъ имуществъ въ Петриковѣ *Цеброни* и совѣтникъ Бѣлостокскаго суда *Гомше*. Польская интрига признала *Гельда* тѣмъ болѣе способнымъ къ обращенію въ свое орудіе, что, съ честными побужденіями раскрывать зло, появлявшееся въ слояхъ администраціи прусскаго государства, онъ предъ тѣмъ уже былъ извѣстенъ, какъ изобличитель злоупотребленій, запискою имъ составленною о повинностяхъ, внесенныхъ натурою для войскъ во время польскаго мятежа 1794 г.; при чемъ прусское казначейство понесло, по его исчисленію, убытку на 381,105 талеровъ 12 гр. и 7 пф.

Графъ *Гоймъ*, личными своими качествами, былъ не уязвимъ для польской интриги, она не могла, въ лицѣ главнаго правителя кричать на preussische Rohheit. *Фарнгагенъ*, глядя на *Гойма* сквозь польскія очки, изобразилъ его внутреннія и внѣшнія качества. Ниже мы приведемъ, какъ польская интрига нѣмецкимъ перомъ очертила нравъ *Гойма;* внѣшнюю же сторону Гойма, *Фарнгагенъ* изображаетъ слѣдующими словами: „Графъ *Гоймъ* былъ красивый мужчина, который съ перваго взгляда поражалъ и

привлекалъ къ себѣ своею важностью; въ ней проявлялись и привѣтливость, и гордость, при открытомъ, неженанномъ обращеніи и привязывающею образованною рѣчью. Онъ дѣйствительно былъ сердечно добръ и обладалъ большою привлекательностью."

Польская справа не довольствовалась низверженіемъ графа *Гойма*, она преслѣдовала его до самаго паденія Наполеона, какъ представителя идеи Фридриха Великаго о польскихъ дѣлахъ. Поляки не переставали надѣяться, что отъ Наполеона они добьются разширенія герцогства Варшавскаго, до границъ 1772 года. Графа *Гойма* они прославляли *сатрапомъ* (1) и настойчиво, тѣми же нѣмецкими руками, преслѣдовали побѣду, ими одержанную низверженіемъ *Гойма.* Съ неукротимымъ ожесточеніемъ, они накидывались и на *Гойма*, и на прусскихъ землевладѣльцевъ, его вліяніемъ водворенныхъ *сановниковъ* и *служащихъ*. *Фарнгагенъ*, въ жизнеописаніи *Гельда* (2), пишетъ, что *Гоймъ* „лишенный нравственной силы, не имѣлъ устойчивости, и его качества вели только къ тщеславію и любостяжанію. По личному своему благоволенію, онъ сорилъ деньгами и раздавалъ имѣнія. Окруженный льстецами и искателями, увѣренными въ его опорѣ при дворѣ, онъ предался всѣмъ слабостямъ тщеславнаго и могучаго сановника....."

Польская справа изображала, что *заслуженные люди*, которымъ жаловались имѣнія, были только люди сильные при дворѣ, которые своимъ вліяніемъ могли прикрыть всѣ беззаконія *Гойма* (3). Съ такою же яростью изображались и прусскіе служащіе: „Безчисленное множество чиновниковъ, часто назначаемыхъ только по протекціи или случайно, и между ними самыхъ *скверныхъ* людей, которыхъ иначе нигдѣ никто не смѣлъ бы опредѣлить, нахлынули во вновь пріобрѣтенныя области и вмѣсто порядка внесли въ нихъ только своекорысть и безчестность (4)."

Гельдъ и *Цербони* не видѣли въ *Гоймѣ* ни того неутомимаго дѣятеля, образовавшагося въ школѣ Фридриха Великаго, который энергически пробуждалъ отъ тупоумія умственныя силы

(1) Das enth. Posen. H. III. p. 7. (2) Издано въ Лейпцигѣ въ 1845 году подъ заглавіемъ: Hans von Held, ein preussisches Karakterbild, von K. A. Varnhagen von Ense. (3) Das enth. Posen. p. 7. (4) Тамъ же p 6.

досель угнетаемаго польскаго населенія, и который щедро раскидывалъ средства для водворенія правильнаго сельскаго хозяйства, и для водворенія понятій о законности. Трудъ былъ огромный для того, чтобы оградить незамысловатаго простолюдина отъ шляхетскихъ обидъ въ областяхъ, въ которыхъ вѣками на панскомъ дворѣ знали только самоуправство по праву сильнаго, а въ польскомъ судѣ потворствовали тому же праву, по польской легальности. *Гоймъ* сзывалъ людей со всей Пруссіи, привлекалъ ихъ усиленнымъ содержаніемъ (1); въ написанной имъ инструкціи онъ приглашалъ областныя камеры: «*во имя всего, что для нихъ свято,*» назначать людей нравственныхъ и знающихъ. *Гельдъ* и *Цербони* видѣли въ *Гоймѣ* только то, что о его внутреннихъ достоинствахъ писалъ впослѣдствіи сторонникъ этой партіи *Фаригагенъ*. Все разъясняющее время опредѣлило и значеніе дѣятельности Графа *Гойма*, и имъ вызванныхъ чиновниковъ, землевладѣльцевъ и колонистовъ. Во время не полныхъ 4 лѣтъ его управленія, вновь пріобрѣтеннымъ краемъ обильно были раскинуты сѣмена, по примѣру Фридриха Великаго, которыхъ плоды — нынѣшнее состояніе Познани. А сколько невзгодъ вынесли эти сѣмена въ первые 20 лѣтъ своего посѣва: вторичное появленіе *Фосса* у кормила польскихъ дѣлъ въ Пруссіи, при которомъ быстро развивалась, подъ его покровительствомъ, двуличная польско-патріотическая стряпня, а за тѣмъ созданное герцогство Варшавское. *При Фоссѣ* остались тѣже призванные *Гоймомъ* нѣмцы; *для примѣра* было смѣнено ничтожное число служащихъ, о которыхъ сами поляки потомъ сожалѣли (2). Служащіе, при новомъ направленіи, страшились только перечить польской справѣ, а поляки тѣмъ вполнѣ и воспользовались.

Въ этой, начинавшейся борьбѣ между *прусицизмомъ* и *полонизмомъ*, какую странную роль взяла на себя нѣмецкая литература; но въ то время тьма и мгла царствовали надъ польскими домогательствами и надъ изворотливостью польской интриги. Заговорили одни полонофилы. Предъ нами лежатъ раскрытыя страницы нѣмецкой печати того времени. Знаменательнѣй-

(1) Чиновники при Гоймѣ получили въ первый годъ прибытія на мѣста половинное жалованье въ прибавку, а въ слѣдующіе два по третному.

(2) Das G. H. Posen und du Polen.

-нія изъ нихъ большею частью, переведены въ статьѣ „Поляки въ Пруссіи (1).“ Пользуясь этимъ, мы преимущественно ограничимся извлеченіями, рекомендуя читателямъ самую статью, которая знакомитъ, какъ заботливо польская справа набирала разные *скандальчики*, раздувала ихъ, и частностямъ давала смыслъ всеобщаго значенія.—Теченіе народной жизни направляется достоинствомъ выбора правительственныхъ мѣръ и степенью ихъ исполненія, а по литературѣ польской справы, Пруссія такъ повела свои дѣла, и въ ней слѣдовало установиться такому положенію края, что времена Рѣчи Посполитой могли бы показаться совершеннымъ Эльдорадо не одному только клерикально-шляхетскому міру. Время послѣдствіями очищаетъ давнюю молву отъ разныхъ старыхъ басней. Послѣ вѣнскаго конгреса, Познань тотчасъ стала принимать видъ благоустроенной страны, несмотря на наступившее потворство полонизму; нѣмецкое хозяйство рѣзко отличалось отъ хозяйства польскаго, а страна устроивалась при элементахъ внесенныхъ Графомъ *Гоймомъ*. Поломаны, при своемъ кругозорѣ, тогда не могли понять государственнаго человѣка, и мелкимъ, презрительнымъ побужденіямъ приписывали причины ими не понимаемыхъ глубокообдуманныхъ мѣръ правителя. По словамъ литературы польской справы, которой въ особенности *Гельдъ* и *Цербони* стали обязательными сотрудниками, *Гоймъ* раскидывалъ имѣнія *негодяямъ* (2), которые *надолго задержали производительныя силы провинціи въ глубокомъ снѣ*. *Гоймъ умышленно* показывалъ цѣнность имѣній до шести разъ ниже дѣйствительной стоимости, чрезъ что *государство потеряло значительные доходы* (3). Французская республика дала вдовѣ Роберӂо, мужъ который былъ убитъ на службѣ отечества, національный подарокъ въ 3,000 франковъ дохода, а вдовѣ Сіеса имѣнье съ 6,000 фр. дохода. „Какія же заслуги вновь пожалованныхъ пруссаковъ? что за контрастъ!“ восклицаетъ *Гельдъ* (4), которому польскіе друзья, конечно, не разъясняли, въ чемъ была суть имъ столь противныхъ королевскихъ жалованій. Фридрихъ Великій подарилъ имѣніе генералу *Притвицу;* но между вновь пожалованными есть ли хоть одинъ, который бы стоилъ *Притвица?* (5) Какую услугу оказали эти лица, для которыхъ

(1) Русскій Вѣстникъ, 1864 г. № 10.
(2) Стр. 734. (3) Стр. 737.
(4) Стр. 738. (5) Стр. 740.

Гоймъ, такъ нахально отчуждалъ изъ государственныхъ имуществъ богатѣйшія, лучшія имѣнія (1). Пруссія, для онѣмеченія края, пришлось набирать бѣдняковъ, лѣнтяевъ, безпутныхъ и безпокойныхъ людей; они не могли служить сильными проводниками нѣмецкой національности и сами выучивались польскому языку. Стоили ли люди—колонисты, отъ которыхъ только требовалось чтобы они оставили послѣ себя дѣтей въ краѣ, того, чтобы правительство для ихъ переселенія возводило постройки, снабжало хозяйства скотомъ и земледѣльческими орудіями и обсѣивало поля? Они крали лѣсъ, чтобы избавиться отъ необходимости работать....

Съ какою ловкостью была ведена польская интрига, когда нѣмецкія перья нѣмцамъ же ставили въ упрекъ заботу о дѣтяхъ и быстрое умноженіе ихъ населенія,—даже по этому приведена насмѣшливая пословица (2). Число утвердившихся на почвѣ изъ переселенныхъ *Гоймомъ* могло бы служить указателемъ успѣшнаго выбора; но цифры рисовались въ другомъ видѣ предъ *Гольше*, совѣтникомъ Бѣлостокскаго суда и статистикомъ. По его словамъ, несмотря на щедрыя пособія правительства, многіе уѣзжали назадъ на родину: 4,378 душъ были переселены послѣ 2-го раздѣла, а въ 1798 году общее число ихъ уменьшилось на 251 (3). Колонисты получили земли въ наслѣдственное владѣніе и прусское правительство, кромѣ ежегоднаго отпуска на переселеніе въ Познанскую провинцію, изъ ея сборовъ по 16,500 талеровъ, издержало еще по 1807 г. болѣе 2 милліоновъ талеровъ на этотъ же предметъ. *Гольше* заявилъ что такой способъ переселенія одинъ изъ самыхъ дорогихъ и *ненадежныхъ:* переселенцы, находя другой климатъ и другую систему сельскаго хозяйства, должны бороться и съ природными условіями, и съ нерасположеніемъ туземцевъ.— Туземцы польскихъ провинцій не могутъ принять участія въ мѣстной администраціи; они не знаютъ ни (нѣмецкихъ) служебныхъ порядковъ, ни языка. Они не могутъ нести и военной повинности, потому что слишкомъ стары (?!). Магнаты, у которыхъ отняты староства, переданныя нѣмцамъ, распустили арендаторовъ, коммисаровъ,

(1) Das enth. Posen H. III. p. 22.

(2) «По всей Германіи вѣдь ребенокъ торчитъ на ребенкѣ, особенно въ Швабіи; швабки рожаютъ по два раза на годъ. Schwaben und bötz Geld fuhrt den Teufel in alee Welt.» (Das enth. Posen H II. p. 1; Русскій Вѣстникъ 1864 № 10 стр. 741.

(3) Стр. 741.

и другихъ прислужниковъ. Всѣ уволенные остались безъ куска хлѣба. Съ имѣніями духовенства та же исторія (1). А этихъ людей можно было не только удовлетворить, но *заставить благословлять правительство*, раздавъ государственныя имущества въ наслѣдственную аренду не большими участками. Они *понимають сельскую экономію*, знаютъ обычаи и нравы страны и *скорѣе найдутъ себѣ поддержку въ народѣ, нежели чужіе колонисты*. Генеральные арендаторы и чиновники отъ казны ищутъ только разбогатѣть отъ королевскихъ имѣній и останутся въ краѣ пока наживутся.

..При занятіи пруссаками Познани, были горькія жалобы польскихъ чиновниковъ, у которыхъ отнимали мѣста. Прусскіе голодные чиновники съ жадностью накинулись на эти мѣста, съ цѣлью набить себѣ карманы. Стоитъ вообразить себѣ страну, гдѣ р. католическая религія сохранила все свое вліяніе на народную массу, гдѣ говорятъ особеннымъ языкомъ, гдѣ носятъ національную одежду, и гдѣ повсюду обнаруживается характеръ народа далекаго отъ нѣмецкой жизни, и въ такую страну задумали ввести полицейскій и финансовый порядокъ, къ которому привыкли строго выдержанные въ военной дисциплинѣ пруссаками. Польскіе чиновники были выгнаны, вмѣсто ихъ явились оборыши изъ старыхъ провинцій, точно для образованія Ботанибея изъ Познани. (2) Тайный совѣтникъ *Шульцъ*, бывшій простымъ счетчикомъ, сталъ тайнымъ финансъ—совѣтникомъ, управлялъ классификаціей имѣній и экономическою частью, соорудилъ горы актовъ, соорудилъ цифры на цифры, гдѣ не было ни одного слова правды, а его чиновники набивали себѣ карманы. Народъ остается спокойнымъ, а есть изъ чего выйдти изъ себя. Чиновный людъ, выписанный сюда, начинаетъ выказывать себя во всемъ своемъ блескѣ. Окружной начальникъ баронъ фонъ *Наратъ обвиняется* въ поджогахъ и дорожномъ разбоѣ, президентъ фонъ *Аппельнъ застрѣлился* потому, что за нимъ открылось много злоупотребленій. Окружной начальникъ *Варгарскій обвиняется* въ убійствѣ ксендза, совѣтникъ *Дансо* выгнанъ за взятки, равно какъ и *Шнакенбургъ* и *Гоймъ*. Пресловутый *Готвальдъ*, противодѣйствовавшій ксендзамъ (въ прозелитизмѣ), сдѣлался инквизиторомъ (3). Редакторъ одного изъ извѣстнѣйшихъ журналовъ *Фоссъ* приво-

---

(1) Стр. 742. (2) Стр. 748 (3) Стр. 750.

дилъ что прусскіе чиновники, при ихъ хорошемъ содержаніи, воображали себя необыкновенными богачами, и венгерское вино пріучило ихъ къ шумнымъ и многолюднымъ вакханаліямъ... Самый страшный ударъ разумному хозяйству былъ нанесенъ судейскими комиссарами, уроженцами преимущественно западныхъ (коренныхъ) прусскихъ областей, которые, получая до шести или осьми тысячь талеровъ, не знали границъ своимъ расходамъ. Большая часть чиновниковъ, люди молодые и неженатые, по старымъ школьнымъ привязанностямъ, возводили любовницъ на степень законныхъ женъ. Разводы слѣдовали за вѣнчаніемъ. *Понятно, что гордость поляковъ запрещала имъ сходиться съ нѣмецкими чиновниками.* Въ Калишѣ, который графъ *Гоймъ* избралъ мѣстомъ своего пребыванія, чиновники особенно стакивались съ евреями и помагали контрабандѣ своими руками, къ которымъ прилипало еврейское золото (1).“

Такъ нѣмецкая литература, на пользу польской справы, усердно обработывала нѣмцевъ служащихъ, землевладѣльцевъ, колонистовъ; ничего имъ не спускалось, ничто не было упущено для того, чтобы дѣйствуя и на правительство, и на общественное мнѣніе, заставить измѣнить систему, принятую Пруссіею. Правительства вообще тревожно смотрѣли на распространеніе революціоннаго броженія, послѣ недавнихъ событій въ Франціи. Въ манифестахъ того времени, три державы многократно заявляли, что въ Польшу перешла зараза *якобинскихъ* ученій, поляки провозглашали якобинцами прусскихъ чиновниковъ, мало обращавшихъ вниманіе на шляхетскія традиціи, при отправленіи служебныхъ обязанностей, и *Гелгдъ*, сохраняя анонимъ, тайно издалъ брошюру, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ графъ *Гоймъ*, и которая была озаглавлена „*Истые якобинцы въ прусскомъ государствѣ*“ (2).

Послѣ мрачнаго изображенія прусскихъ служащихъ въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши областяхъ, не симпатіею же польскихъ магнатовъ къ нѣмцамъ объяснить то явленіе, что, когда, съ учрежденіемъ герцогства Варшавскаго (1807), Пруссія должна была

---

(1) «Die wahren Jakobiner im Preussischen Staate, oder aktenmäszige Darstellung der bösen Ränke und betrügerischen Diensführung zweier preussischen Statsminister. Ueberall und Nirgends 1801.

(2) Рус. Вѣст. 1864 № 10, стр. 746.

возвратить нѣкоторыя польскія области, въ которыхъ нашлось 7629 нѣмецкихъ чиновниковъ, то всю эту массу вновь учрежденное польское правительство оставило на своихъ мѣстахъ и «были удалены лишь тѣ, которые были обвиняемы общественнымъ голосомъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ» (1). Это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые цѣпью тянутся чрезъ всю исторію польской справы, рядомъ съ самыми потрясающими воплями о насиліяхъ, притѣсненіяхъ и униженіяхъ польской національности. Въ 1861 году, когда познанскіе нѣмцы страшились не полонизма, но своихъ собственныхъ *поломановъ*, тогда, при уже разъясненныхъ давнихъ польскихъ продѣлкахъ, они иначе отозвались о прусскихъ дѣятеляхъ, сотрудникахъ графа *Гойма*. „Прибывшіе должны были скоро убѣдиться, что любовью и добродушіемъ они ничего не достигнутъ, но *справедливостью*, а еще болѣе—строгостью управленія. Поляки же тотъ часъ понесли свои жалобы на суровое обращеніе и гнетъ мѣстной администраціи и нашли себѣ высокопоставленныхъ благодѣтелей въ Берлинѣ. Личности, предметы польскихъ неудовольствій, были удалены; а въ послѣдствіи сами поляки даже признавали, что эти сильные, доблестные люди могли принести истинную пользу, и что только таковые были пригодны для страны“ (2).

Если изъ среды пруссаковъ, отъ рожденія ихъ государства, стоявшихъ *лицемъ къ лицу* противъ поляковъ, выходили подобные ярые порицатели первыхъ прусскихъ дѣятелей въ Познани; то не должны ли и мы быть менѣе строги къ нѣкоторымъ произведеніямъ намъ современной русской печати? Въ теченіи дальнѣйшаго разсказа читатели увидятъ, что вожди полонизма, какъ заученный урокъ *іезуитской казуистики* (3), все повторяютъ одинаковыя средства въ Австріи, Пруссіи и Россіи, при сходныхъ фазисахъ польской справы. Пущенной въ ходъ глухой интригѣ, поляки, съ своей стороны, сопутствуютъ хоромъ своихъ, уже всѣмъ извѣстныхъ *воплей*, какъ говорятъ прусаки (der bekannte Schmerzensshrei). При не вполнѣ разсѣянныхъ тьмѣ и мглѣ, кто знаетъ, авторы упомянутыхъ произведеній съ полнымъ своимъ

---

(1) Das G. H. Posen und die Polen—Einleitung.

(2) Das G. H. Posen p.

(3) Часть I стр. 131.

усердіемъ, не думаютъ ли, что они защищаютъ руское дѣло въ Западной Россіи? Приготовленный къ 1831 году польскій мятежъ въ Позвани былъ послѣднимъ оттолоскомъ нападокъ прусской литературы, въ теченіи 33 лѣтъ тормозившихъ прусское дѣло.

Глухо и предусмотрительно начала дѣйствовать польская интрига въ царствованіе Фридриха Вильгельма II, и дѣйствовала тѣмъ болѣе удачно, что, по правиламъ іезуитовъ на свѣтъ не выходилъ ни одинъ польскій дѣятель. Король носилъ въ сердцѣ тѣ свѣжія воспоминанія о продѣлкахъ полонизма, что къ нему не имѣли доступа ни какія заявленія къ парализированію имъ утвержденныхъ мѣръ. Польская интрига свила себѣ гнѣздо при дворѣ его наслѣдника, будущаго короля Фридриха Вильгельма III. Среди бѣдствій и униженія, вынесенныхъ Пруссіею при Наполеонѣ, среди торжества, увѣнчавшаго борьбу, Фридрихъ Вильгельмъ III былъ всегда скромный, неутомимый правитель, котораго одно постоянное неразлучное стремленіе были заботы о благоустройствѣ и благосостояніи его монархіи. При душевныхъ своихъ качествахъ, крон-принцъ не оставался хладнокровнымъ слушателемъ всѣхъ тяжкихъ злоупотребленій, вѣсти о которыхъ тщательно собирались и доставлялись ревнителями полонизма къ *Фоссу*, неудачному предшественнику *Гойма*.

Польскіе ревнители не ошибались въ выборѣ пригодныхъ людей для веденія польской справы. *Гельдъ* и *Цербони* служили имъ усердно, думая служить прусскому своему отечеству, и доставляли въ Берлинъ разныя записки о подмѣченныхъ ими quasi злоупотребленіяхъ; а списки съ ихъ рукописей ходили по рукамъ. Эти записки имѣли тѣмъ болѣе значенія, что авторы, какъ чиновники, имѣли доступъ къ правительственной перепискѣ, подкрѣпляли свои доводы цифрами изъ правительственныхъ дѣлъ, и свои труды сообщали пріятелямъ въ противный польскій лагерь. *Гоймъ* не считалъ нужнымъ разъяснять своимъ чиновникамъ, по какимъ соображеніямъ рѣшались мѣры въ королевскомъ кабинетѣ; онъ задалъ головоломку *Цербони*, а *Гельдъ* былъ переведенъ изъ края. *Гельдъ* кромѣ того былъ и поэтъ, и въ ожиданіи скорой кончины короля Фридриха Вильгельма II, одержаннаго сильною водяною, написалъ стихи, съ слабозамаскированнымъ смысломъ, въ которыхъ между прочимъ было сказано, съ намекомъ на крон-принца, что собирается гроза, которая разразится надъ хищными змѣями, доползающими до трона. Король умеръ; кронъ-принцъ воцарился, и если былъ воз-

становленъ слухами о злоупотребленіяхъ въ польскихъ областяхъ, то вовсе не былъ расположенъ поощрять ни порицанія своего отца, ни имъ принятыя правительственныя мѣры. Въ своемъ задорѣ, *Гельдъ* и *Цедроны* стали печатать свои произведенія втайнѣ, что привело ихъ въ крѣпость и окончательно къ исключенію изъ службы. *Гельдъ*, въ своемъ заключеніи въ крѣпости, написалъ то пресловутое сочиненіе, которое стало извѣстнымъ подъ именемъ *Чернаго реэстра*. Въ немъ были собраны и пояснены всѣ злоупотребленія *Гойма*, или вѣрнѣе всѣ роковыя для польской справы его распоряженія. Въ *Черномъ реэстрѣ* онъ исчислялъ, какіе огромные убытки потерпѣла казна, приводя подробныя данныя о дѣйствительной цѣнности каждаго имѣнія, и въ какую цѣну они были оцѣнены, при раздачѣ графомъ *Гоймомъ*. Онъ привелъ названія новыхъ владѣльцевъ, по его мнѣнію, безъ особыхъ заслугъ получившихъ имѣнія. Цѣль *Гельда* очевидно та, что правительство должно нарядить судъ надъ *Гоймомъ* и отобрать всѣ имѣнія, которыхъ цѣнность была такъ *угодливо* понижена въ Гоймовскихъ представленіяхъ къ покойному королю. Подъ польскимъ вліяніемъ, *Гельдъ* упорно не догадывался, что Францція дарила имѣнія вдовамъ вовсе не для той цѣли, для которой Пруссія дарила имѣнія своимъ служащимъ. Въ числѣ личностей, признанныхъ *Гельдомъ* негодяями, находимъ между прочимъ впослѣдствіи всѣмъ извѣстнаго фельдмаршала, тогда еще генералъ-маіора, *Блюхера*. Записка *Гельда* можетъ тоже свидѣтельствовать, какъ подъ вліяніемъ польскихъ друзей, онъ становился орудіемъ мечтателей, которые въ то время такъ вѣрили въ возстановленіе Польши участіемъ Францціи. Воздвигнуть крѣпости на западной и восточной оконечности Польши, въ Ченстоховѣ и въ Бѣлостокскомъ округѣ на Нѣманѣ было желаніе Рѣчи Посполитой, которое, равно какъ и содержаніе сильной арміи, за неимѣніемъ денегъ, она никогда не могла привести въ исполненіе, и вотъ *Гельдъ*, намекая на возвращеніе правительствомъ *даромъ раскинутыхъ* имѣній, приводитъ всю необходимость для прусскаго правительства, исправить ошибку, такъ какъ оно было введено въ заблужденіе представленіями *Гойма*, и должно немедлѣнно возвести эти двѣ крѣпости, для обороны государства отъ Россіи и Австріи. Какъ не вспомнилъ *Гельдъ* объ этомъ проектѣ въ 1813 г., когда пруссакамъ пришлось брать ими возведенныя укрѣпленія Данцига.?

Молодой король былъ достаточно предубѣжденъ противъ гр.

Гойма, чтобы ему не оставить дальнѣйшее управленіе. Вскорѣ по воцареніи Фридриха Вильгельма III, 26 апрѣля 1798 года, графъ *Гоймъ* былъ смѣненъ. Письмо короля къ *Фоссу*, по посѣщеніи имъ новыхъ областей, невыгодное для прусскихъ служащихъ, можетъ быть толковано двояко, или дѣйствительно, смѣнивъ *Гойма*, онъ удостовѣрился въ справедливости доносовъ, или, не зная, въ какомъ видѣ польскія области за 4 года поступили подъ власть Пруссіи, онъ не оцѣнивалъ то, что въ это время было сдѣлано людьми, противъ которыхъ онъ былъ возстановленъ. (1) „Король (Фридрихъ Вильгельмъ II) пишетъ *Трибенфельдъ*, жаловалъ многихъ достойныхъ людей имѣніями, а часто и недостойныхъ. Это дало возможность врагамъ *Гойма*, въ главѣ которыхъ стояли *Шуленбургъ*, министры *Фоссъ* и *Струензе*, выставить его въ дурномъ свѣтѣ передъ обществомъ и въ особенности предъ будущимъ королемъ и подставить ему ножку; но *Гоймъ* былъ въ томъ совершено невиненъ (2)».

Вожди польской справы торжествовали. Генералъ-полицціймейстеръ графъ *Шуленбургъ*, по давному пребыванію въ Варшавѣ, былъ коротко знакомъ со многими домами магнатовъ. *Фоссъ* былъ преемникомъ власти графа *Гойма* и патріоткамъ не трудно было выгородить польскую аристократію изъ непріятныхъ воспоминаній, которыя въ памяти *Фосса* оставили познанскія событія 1794 г. Вся вина мятежа была сложена на низшее шляхетство, и *Фоссъ*, увѣренный, что высокая аристократія кознями заниматься не станетъ, всю свою суровость излилъ на младшихъ членовъ шляхетства.

Фоссъ снова принялся за усердную службу польской справѣ и послужилъ ей во многихъ отношеніяхъ. Чѣмъ высокомѣрнѣе и круче онъ обращался съ мелкопомѣстными, тѣмъ удобнѣе было магнатамъ вербовать для Франціи польскіе легіоны. Выше было приведено, что не было людей для службы Пруссіи; но за то польскіе легіоны сформировались и потомъ комплектовались преимущественно польскою молодежью изъ прусскихъ областей. Изъ этой, ксендзами вербуемой, на магнатскія деньги отправляемой бѣдной молодежи, желтая горячка на Сан-Доминго пожала то, что уцѣлѣло на поляхъ Италіи. Польскіе патріоты весьма убѣдительно доказывали, что

(1) Polen unter Fridrich II und Fridrich Wilhelm. II.
(2) Русскій Вѣстникъ. 1864 № 10, стр. 747.

тѣмъ болѣе удалится подобныхъ экзальтированныхъ головъ, тѣмъ спокойнѣе будетъ въ краѣ, и прусское правительство сквозь пальцы смотрѣло, какъ изчезали изъ общества не десятки, а сотни юношества. Другая услуга, которую *Фоссъ* оказалъ польскимъ магнатамъ, состояла въ томъ, что онъ далъ имъ средство приготовить, подъ сѣнью прусской власти, изъ всей массы шляхетства ретивыхъ работниковъ для будущихъ мятежей. Ѳадей *Чацкій*, неутомимый сторонникъ *Чарторыйскихъ*, прибылъ изъ Россіи, гдѣ былъ на коронаціи императора Павла въ Москвѣ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ развѣнчаннаго Станислава *Понятовскаго* къ прусскому королю,— какъ польскій ученый, желающій изучать памятники въ прусскихъ архивахъ, для сочиненія **Исторіи Польши**. Просвѣщенный *Фоссъ* хотѣлъ долгомъ — своимъ покровительствомъ поощрить молодаго ученаго въ *полезныхъ* трудахъ, и *Чацкій*, съ прусскимъ открытымъ листомъ, безпрепятственно разъѣзжалъ по всей польской Пруссіи, собирать памятники и всюду вербовалъ членовъ для *историческо-литературнаго* общества. За первымъ обществомъ, *Чацкій* составилъ еще другое—промышленное и *торговое*, которое тоже, при хозяйственномъ общемъ настроеніи въ Пруссіи, заслужило одобреніе *Фосса*. Варшава была центромъ дѣятельности обществъ, одобренныхъ правительствомъ, которыя, съ самою благовидною цѣлью и устройствомъ, положили первое основаніе къ организированной подпольной работѣ *великаго будованія*.

Воззрѣнія *Фосса* на польскія дѣла не остались безъ вліянія на усиленіе элементовъ полонизма, сильно потрясенныхъ предшествующими правительственными мѣрами; но за успѣхами этого усиленія слѣдилъ и сторожевой глазъ нѣмецкаго элемента, преимущественно въ Познань внесеннаго *Гоймомъ*.

Польская легальность искушеніями хотѣла обойдти прусскую законность, затемнить польскою изворотливостью разумъ прусскаго закона и свою ловкость хотѣла начать съ примѣненія къ самому для нея опасному правительственному постановленію—къ праву о землевладѣніи. Королевскимъ повелѣніемъ, скрѣпленнымъ *Гоймомъ*, отъ 19 декабря 1796 г., нѣмцамъ было указано, свои имѣнія въ польскихъ областяхъ не продавать туземцамъ; но первые пріобрѣтатели стали умирать, и паны у наслѣдниковъ начали покупать имѣнія за самую щедрую плату. Чуткіе нѣмецкіе водворившіеся землевладѣльцы, при свѣжихъ воспоминаніяхъ 1794

года, подняли тревогу въ Берлинѣ, и 24 февраля 1800 года послѣдовало дополнительное повелѣніе, по которому таковая продажа польскимъ мѣстнымъ уроженцамъ была наистрожайше запрещена и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Изданное постановленіе, для предупрежденія какого либо просмотра въ будущемъ времени, было повелѣно внести и въ ипотечныя книги таковыхъ имѣній (1). Эта неудача не остановила польскихъ домогательствъ; явилась новая уловка, но ее постигло еще большее пораженіе.

Встрѣтивъ препятствіе къ возвращенію имѣній покупкою, поляки придумали новую уловку; они стали пріискивать имѣнія для ихъ арендованья на продолжительные сроки, съ наслѣдственнымъ правомъ; но таковыя попытки должны были безуспѣшно замереть въ самомъ началѣ. Нѣмцы довели до свѣдѣнія правительства о дѣлаемыхъ предложеніяхъ, что вызвало новое постановленіе 27 января 1801 года (2), въ которомъ читаемъ:

«Такъ какъ въ сущности совершенно равно, переходятъ ли таковыя имѣнія въ распоряженіе туземца областей бывшей Польши подъ видомъ покупки, или наслѣдственной аренды, то постановляется таковую сдачу на арендное содержаніе считать не дозволенною». Съ того времени прусскія правительственныя мѣста твердо держались правила—не утверждать договоровъ, въ которыхъ право аренды, подъ видомъ установленнаго числа годовъ, могло продолжаться долѣе жизни владѣльца. По отзывамъ познанскихъ нѣмцевъ, это постановленіе имѣло рѣшительное вліяніе на упроченіе нѣмецкаго элемента. Нѣмецкіе арендаторы были несравненно надежнѣе поляковъ для веденія раціональнаго хозяйства; потому съ поляка всегда требовалась большая арендная плата, а какими бы польско-патріотическими побужденіями полякъ ни былъ воодушевленъ, но въ немъ отбивало охоту затрачивать капиталъ,—смерть арендатора прекращала обязательныя отношенія, чѣмъ землевладѣлецъ нѣмецъ всегда могъ воспользоваться.

Польскія общества литературно-историческое и промышленно-торговое давали партіи *Чарторыйскихъ* поводы въ руки для

---

(1) Circularreskript an alle Sudprreussisżisthe Regerungen vom 24 Februar 1800.

(2) Erlasz der Kriegs und Domainen Kammer zu Posen an die Regierung das daselbst vom 27 Janar 1801.

управленія массою шляхетства; кого за экономическими занятіями, нельзя было поймать на удочку польско-литературнаго ревнителя, тотъ шелъ на приманку денежныхъ интересовъ, которыхъ торговое общество сулило быстрое пріумноженіе доходовъ.

Польская справа надѣялась, что, въ началѣ царствованія императора Александра Павловича, при дипломатіи Россіи, ввѣренной князю Адаму *Чарторыйскому*, соединеніе всѣхъ бывшихъ областей Рѣчи Посполитой подъ одною властью, совершится русскими силами. Тогда, по лозунгамъ, отдаваемымъ вождями по всему пути проѣзда русскаго Государя къ арміи въ 1805 году, его встрѣчали самыя пламенныя оваціи поляковъ. Онѣ служили разительною демонстрацію и къ возбужденію всей массы поляковъ противъ прусскаго правительства. Прусскій Король, при проѣздѣ, встрѣчалъ одни холодные офиціяльные пріемы. Измѣнилось положеніе дѣлъ, и вожди своими поводьями круто повернули массу въ другую сторону.

Русскій Императоръ не согласился на политическую роль, ему приготовленную *пулавскою* партіей, и Наполеонъ еще не коснулся прусскихъ предѣловъ, а поляки уже несли ему завѣренія, что Польская нація видитъ въ немъ своего избавителя, возстановителя, благотворителя и т. д. Поляки немедленно возстали и открыто тотчасъ перешли на сторону врага (1).

Наполеонъ, установивъ Герцогство Варшавское, отдалъ его саксонскому королю подъ начало, а сохранилъ его для себя, какъ провинцію, которая не дерзала подъ желѣзной рукой Франціи, измѣнить своимъ прежнимъ заявленіямъ. Волею и неволею, поляки должны были постоянно выставлять войска до истощенія своего населенія, для облегченія населенія Франціи въ частой, отъ нея требованной, конскрипціи. Наполеонъ объявилъ личную свободу крѣпостнымъ, потому всѣ сословія были подчинены набору, и тогда, при большомъ требованіи воиновъ Франціей, вся тяжесть этихъ Наполеоновскихъ повелѣній преимущество пала на крестьянъ, которымъ пришлось проливать свою кровь въ Испаніи за шляхетскія затѣи въ Польшѣ. Если поляки признали необходимостью удержать нѣмецкихъ чиновниковъ, то не та была участь нѣмецкихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ, и саксонскій король съ трудомъ отстаивалъ нѣмцевъ, чтобы дать имъ время исподоволь обратно высе-

(1) Das Gr. H. Posen und die Polen p. 20.

литься изъ герцогства. Удержанью нѣмцевъ болѣе помогли неполненное для поляковъ разными треволненіями время существованія герцогства и событія 1812 года.

Окончилась громадная борьба. На вѣнскомъ конгрессѣ всѣ, испытавшіе тяжесть Наполеоновскаго времени, дышали духомъ искренняго примиренія; но неугомонный духъ полонизма не усыплялся среди общихъ стремленій. У полонизма нѣтъ народа, нѣтъ родины, у него только плантаціи, требующія работниковъ, и, дѣйствительно, для нихъ прошлые года были не болѣе, какъ годы неурожаевъ, за которыми они видѣли, что послѣдуютъ года благодатной жатвы. Подпольная работа уже началась на вѣнскомъ конгрессѣ. Пулавской партіи было весьма желательно соединить подъ русскою властью всю Рѣчь Посполитую; но фамильная комбинація не удалась во всей ея полнотѣ. Познань была возвращена къ Пруссіи, и польская справа была тѣмъ очень не довольна, хотя король назначилъ князя *Радзивилла* намѣстникомъ Познани, и среди ликованій мира и торжества, настроенный угодить желаніямъ возвращаемыхъ подданныхъ, онъ явилъ рѣдкій примѣръ довѣрія и уступчивости. Извѣстный уже намъ доброжелатель полонизма, *Цербони*, превозносимый поляками, съ 1800 года исключенный изъ службы, былъ назначенъ 15 мая 1815 г. оберъ-президентомъ въ Познань,—лишь только на вѣнскомъ конгрессѣ были опредѣлены новыя границы Прусскаго Королевства.

Цербони не отрезвѣлъ отъ полонофильства въ теченіи 15-лѣтъ, которыя выяснили и полонизмъ, и чувства имъ питаемыя къ Пруссіи. Король предписывалъ изъ Вѣны о приведеніи возвращаемыхъ подданныхъ къ присягѣ. *Цербони* счелъ нужнымъ руководствоваться не общею формою присяги прусскихъ областей, въ составъ которыхъ возвращалась Познань; но, подъ диктовку польскихъ своихъ друзей, онъ написалъ нижеслѣдующую: „Признаю е. в. короля прусскаго, какъ единственнаго законнаго государя этого края, а часть Польши, которая, по вѣнскому конгрессу, отошла къ прусскому королевскому дому, признаю за свое отечество, которое во всякихъ обстоятельствахъ я своею кровью готовъ защищать противъ кого бы то ни было“ (1). Коротко и ясно; ясно и то, что впослѣдствіи заявляемые полонизмомъ доводы, что обя-

---

(1) Die polnischen Forderungen in Betreff der Provinz Posen. Berlin 1861 p. 17.

сти бывшей Рѣчи Посполитой не вошли въ составъ трехъ сосѣднихъ государствъ, а только съ ними находятся въ соединеніи въ лицѣ монарховъ, и то только тогда царствовавшихъ, были уже придуманы княземъ *Чарторыйскимъ*, во времена вѣнскаго конгреса, а *Цєрбони* принялъ пригодную для того форму присяги. Познанскіе нѣмцы тотчасъ узнали о подобной продѣлкѣ; едва успѣло присягнуть человѣкъ 30, какъ мѣстныя власти остановили подобную присягу, донесли королю въ Вѣну, который, конечно, ее не одобрилъ.

Общая амнистія полякамъ, участвовавшимъ во всѣхъ ихъ похожденіяхъ въ теченіи Наполеоновскихъ войнъ, возвратила поименованныхъ на родину, и прибывшіе въ предѣлы Пруссіи, начали съ того, что вошли въ составъ общаго, завязавшагося польскаго заговора (1). Пруссія тотчасъ приступила къ возстановленію своихъ работъ къ сліянію польскихъ областей съ своими коренными провинціями, а озлобившіеся польскіе патріоты, безсильные для противудѣйствія, принялись за поджоги. Начались систематическіе грозные пожары для уничтоженія огнемъ того, что устраивала заботливость прусскаго правительства. Съ необыкновенною дерзостью, вожди силились держать населеніе въ постоянной тревогѣ и страхѣ и всполошивать его частыми пожарными случаями; являлись раскидываемыя объявленія, что въ такое то время, такія то строенія, или такой то городъ будутъ горѣть, и дѣйствительно горѣли и строенія и города. Обнищаемое огнемъ населеніе, пріучаемое (2) къ грабежу во время пожаровъ, должно было дать контингентъ въ моментъ поднятія вождями знамени мятежа.

Съ постоянно ярымъ озлобленіемъ, литература польской справы, своими ѣдкими сарказмами, преслѣдуетъ тайную полицію; но долгомъ всякаго благоустроеннаго правительства было предупреждать и спасать населеніе отъ увлеченій, готовимыхъ въ затаенныхъ уголкахъ вождями полонизма. Прусское правительство, чтобы противодѣйствовать постоянной, все болѣе развивающейся и систематически организирующейся работѣ подпольныхъ козней ксендзо-шляхетскаго міра, не имѣло другаго средства, какъ проникать незримыми путями въ эту среду, и имѣть въ ней своихъ тайныхъ

---

(1) Smitt. Geschichte des polnischen Aufstandes (1830=1831 T. 1).
(2) Corvin-Wiersbitski: Aus dem Leben eines Volks Kämpfers T. 1.

агентовъ, какъ имѣла Австрія, и какъ потомъ имѣла и Россія. Архивы дѣлъ, со временъ паденія Польши (1), свидѣтельствуютъ, что самые усердные и хорошо освѣдомленные агенты принадлежали всегда къ польской средѣ. Они зачастую передавали такія знаменательныя свѣдѣнія, что все ихъ значеніе иногда даже не могли оцѣнить правительственныя учрежденія, по невѣдѣнію общей организаціи и системы выработавшихся громадною дѣятельностью полонизма. Поляки, тайно сообщавшіе о козняхъ своихъ родичей, являются въ двухъ видахъ, а бытъ Рѣчи Посполитой, оставившей въ наслѣдство нынѣшнее настроеніе представителей полонизма, совершенно объясняетъ это обстоятельство. Нѣкоторые, по примѣру давнихъ магнатовъ, усердно продававшихъ интересы своей родины, по тѣмъ же побужденіямъ, тѣмъ же правительствамъ, продаютъ интересы кователей заговоровъ и мятежей. Другіе же, прозрѣвшіе, постигали все гибельное безобразіе польскихъ домогательствъ, и видя свое безсиліе къ тому, чтобы бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, со всею заносчивостью могущества, навязываемымъ польскому обществу, ищутъ, путемъ правительственной силы парализировать успѣхи замысловъ тѣхъ вождей, которые, для своихъ личныхъ видовъ и домогательствъ, губятъ своихъ земляковъ тысячами.

Неутомимая дѣятельность прусской полиціи дала на первый случай возможность спасти край отъ развитія проявленій польскаго террора; но долго еще пруссаки не сознавали усиленія заговорной польской дѣятельности; это усиленіе шло въ уровень съ экономическо-хозяйственными мѣрами правительства, которыя вели за собою онѣмеченіе края. Добродушное настроеніе къ полякамъ послѣдовало за общимъ примиреніемъ Европы. Прошелъ терроръ пожаровъ, и все успокоилось. Возстановленіе полонизма, во всѣхъ правахъ его національности въ Царствѣ Польскомъ съ 1815 г., вліяло и на правительственныя распоряженія въ Пруссіи. При дальнѣйшемъ развитіи государственныхъ учрежденій въ Пруссіи, послѣ умиротворенія Европы, правительство сдѣлало поляковъ равноправными прусскими гражданами; но поляки уклонялись отъ государственной службы, требующей усидчивости и занятій, и контролируемой начальствомъ; иногда являлись поляки въ должностяхъ для мѣстнаго

---

(1) Арх. Виленскаго губ. прав. «Дѣло по военнымъ дѣйствіямъ, бывшимъ въ Польшѣ въ 1794 году и о вводимомъ въ оной по окончаніи войны порядкѣ и о прочемъ.»

вліянія, какъ то: учителей, лѣкарей и т. п.; но за то, съ учрежденіемъ земскихъ выборныхъ должностей, поляки, пользуясь своимъ большинствомъ, захватили всѣ вліятельнѣйшія мѣста въ свои руки, какъ напр., земскихъ совѣтниковъ. Подобное положеніе отбивало охоту у нѣмцевъ переселяться въ Познань; но за то поляки старались покупкою имѣній у нѣмцевъ возстановить свои права на землевладѣніе. Поляки дѣйствовали въ Пруссіи совершенно по тѣмъ же правиламъ, которыя излились относительно Россіи, въ первомъ пунктѣ польскаго катихизиса:

„*Въ забраныхъ краяхъ, помѣщики должны стараться всѣми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній*, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ,— жидамъ; но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; *русскимъ же помѣщикамъ дѣлать всякаго рода непріятности*, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д., заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигрываемы, по случаю *занятія судебныхъ мѣстъ* въ *тамошнемъ краѣ*, нашими же единовѣрцами,—словомъ, дѣлать все, чтобы принудить ихъ продать свои неправопріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края въ свою Московію; *продающіяся* же *русскія имѣнія* стараться, хоть общими силами, въ компаніяхъ, *пріобрѣтать въ свое владѣніе*. Чрезъ это достигнемъ, со временемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братіи — *на помощь и пользу своей отчизны*.

„Пускай алчная Россія считаетъ Украину и Литву своею собственностью, *но кто ими будетъ пользоваться матеріально, того она, конечно, понимать не будетъ*.

Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать слiянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею.“

Мятежъ 1831 г. высказалъ прусскому правительству, что государство далеко не обезпечено отъ польской крамолы въ своихъ границахъ. Правительство съ своей стороны способствовало Россіи порѣшить скорѣе съ мятежемъ, который съ каждымъ днемъ все болѣе угрожалъ разлиться и въ предѣлы Пруссіи. Пруссія увидѣла польскія домогательства къ возстановленію Польши въ границахъ 1772 г. Поляки, завязавъ борьбу съ Россіею, въ своихъ заносчивыхъ рѣчахъ, въ Варшавѣ 1831 г., не разъ провозглашали подобныя сло-

ва, которыя грозили Пруссіи не только отобраніемъ Познани, но снова раздвоить ее, возвращеніемъ земель, пріобрѣтенныхъ по первому и второму раздѣлу, а дѣйствія поляковъ въ Познани служили яснымъ указаніемъ ихъ полной солидарности съ дѣятелями Варшавы.

Изъ Познани прежніе польскіе офицеры, польскіе земскіе совѣтники и чиновники, нѣкоторые даже съ ввѣренными имъ прусскими казенными деньгами, ксендзы, обанкрутившіеся помѣщики, наставники и учителя, съ своими воспитанниками, особенно гимназистами, бѣжали въ возставшее Царство Польское, для принятія участія въ мятежѣ въ такомъ—множествѣ, что нельзя было имена всѣхъ заочно осужденныхъ умѣстить на висѣлицѣ, поставленной на площади въ Познани (1). Послѣ дарованной амнистіи, и именно съ 1832 года, учителя-поляки и въ особенности ксендзы-законоучители дѣятельно возбуждали польское юношество противъ правительства *протестанскаго*, ненависть и презрѣніе къ тѣмъ, кто не хотѣлъ раздѣлять ихъ мнѣній. Они до того, подпольнымъ своимъ террором, властвовали въ польскомъ обществѣ, что весьма характеричны слова одного польскаго землевладѣльца Познани: „Избавьте насъ только отъ нашей собственной польской полиціи, а прусскою полиціею мы можемъ быть вполнѣ довольны“ (2)

Послѣ вспыхнувшаго мятежа въ Польшѣ, въ Познань былъ назначенъ, въ декабрѣ 1830 года, *Флотвель*, который въ этой должности оставался до 1841 года. Доселѣ прусское правительство судило о польскихъ дѣлахъ по наружнымъ проявленіямъ. Свѣдѣнія о внутренней жизни полонизма, завѣщанныя Фридрихомъ Великимъ, почитались, отчасти справедливо, свѣдѣніями обветшалыми; прусское правительство, хозяйственно-экономическимъ направленіемъ своихъ постановленій, разбивало многія польскія затѣи; но разбивая ихъ не сознательно, косвенно, не могло противудѣйствовать многимъ новымъ и изворотливымъ замысламъ полонизма; оно потому не сознавало и всего значенія многихъ частныхъ, ему дѣлаемыхъ, сообщеній. Туземное польское дворянство провозглашало о своей вѣрнопреданности и о своихъ стремленіяхъ ко благу страны. Косвенное его участіе въ мятежѣ 1831 года выясняло, что заявленія приверженности къ Пруссіи представителями выборныхъ чиновниковъ поляковъ, были только ловкимъ обманомъ, а заботы о странѣ въ сущности приводились къ одному стремленію возстановленія

(1) Das g. H. Posen und du Polen p. 102. (2) 103 и 104.

въ Познани принциповъ конституціи 3 мая, и подъ ея покровомъ возстановленія независимой Польши.

Флотвель не довольствовался поверхностными свѣдѣніями о польскихъ дѣлахъ и началъ доискиваться начала всѣхъ началъ, какъ подробнымъ изслѣдованіемъ и обсужденіемъ давнихъ событій въ польскихъ областяхъ, перешедшихъ подъ прусскую власть съ 1794 г., такъ и изслѣдованія источника современнаго ему настроенія представителей полонизма. Дабы парализировать вредное противодѣйствіе самыхъ ретивыхъ и вліятельныхъ польскихъ патріотовъ, было необходимо выдѣлить ихъ изъ массы. Это трудное дѣло можно было вести изслѣдованіемъ предшествовавшей дѣятельности поляковъ; но *Флотвель* удачною догадкою разомъ облегчилъ эту громадную работу. Списки поляковъ, занимавшихъ общественныя должности въ 1830 г., по выборамъ, или по назначенію отъ правительства, какъ извѣстно, помѣщенныхъ польскимъ вліяніемъ, послужили первымъ указаніемъ для изслѣдованій *Флотвеля*: они были его руководителями, а для дальнѣйшаго руководства правительства и своихъ преемниковъ онъ, разставаясь по воцареніи Фридриха-Вильгельма IV, съ управляемымъ имъ въ теченіи 10 лѣтъ краемъ, составилъ подробную записку о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, и съ выводами, имъ же сдѣланными изъ изученія самихъ представителей польской справы.

Флотвель, ознакомясь съ дѣломъ, остановился на томъ, что самое надежное средство къ предупрежденію мятежей есть возвращеніе къ прежней системѣ правительства и возможнаго усиленія нѣмецкихъ землевладѣльцевъ. Обсуженный въ правительственныхъ сферахъ польскій вопросъ, привелъ къ нѣкоторымъ полицейскимъ постановленіямъ; но самымъ гибельнымъ для польской справы постановленіемъ было королевское повелѣніе отъ 13-го марта 1833 года.

Министру финансовъ было предписано отпускать суммы для закупки продаваемыхъ поляками имѣній, если высокая цѣна не привлекала частныхъ покупщиковъ. Большія имѣнія было разрѣшено покупать въ казну, хотябы выше оцѣночной цѣны, если, по хозяйственнымъ соображеніямъ и вѣроятности, казна не понесетъ большихъ убытковъ отъ дальнѣйшей ихъ перепродажи пріобрѣтателямъ *нѣмецкаго происхожденія* (Erwerber deutscher Abkunft) (1).

(1) «Wenn Sie wegen der Zuverlässichkeit der selben kein Bedenken finden und die *Wiederveräusserung* (перепродажа) ohne erherblichen Nachthéil fur die Staatskasse, mit einiger Wahrschein ligkeit zu erwarten iszt.»

Правительство уполномочивало ближайшія власти таковыя имѣнія, въ полномъ составѣ, уступать нѣмцамъ, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, или, смотря по мѣстности, раздѣлять ихъ на нѣсколько значительныхъ участковъ, находя такое раздѣленіе наиболѣе удовлетворяющимъ предположенной цѣли (zwekmäszig und rathsam). Когда же пріобрѣтаемое имѣніе по своему плану не соотвѣтствовало правильному устройству большихъ хозяйствъ, то правительство разрѣшало раздробленіе на мелкія, разной величины крестьянскія усадьбы, для передачи ихъ переселенцамъ нѣмецкаго происхожденія.

Ближайшее приведеніе въ исполненіе этихъ правительственныхъ мѣръ было поручено оберъ-президенту Познанской провинціи.

Вышеозначенная записка *Флотвеля* касается польскихъ дѣлъ собственно въ Пруссіи, и потому мы ограничимся указаніемъ самыхъназнаменательнѣйшихъ мѣстъ, которыя могутъ служить къ разъясненію польской дѣятельности въ Сѣверо-Западной Россіи. *Флотвель* начинаетъ свою записку (1) словами:

„Я понималъ своею задачею, во время моей дѣятельности, при управленіи провинціи: установить и закрѣпить связи между нею и Прусскимъ государствомъ, и для того постепенно устранять вліяніе направленій, привычекъ и наклонностей, усвоенныхъ польскими уроженцами и противудѣйствующихъ желаемому слiянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я старался расширить вліяніе нѣмецкихъ элементовъ на населеніе, въ его матеріальномъ и умственномъ отношеніяхъ, для того, чтобы окончательное сліяніе обѣихъ національностей *могло быть увѣнчано рѣшительнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго развитія*. Благо всего государства обращаетъ эту цѣль въ настойчивую необходимость, а если притомъ будутъ уязвлены традиціи и чувства части польскихъ жителей, то въ этомъ отношеніи насъ должно успокоивать то убѣжденіе, что, съ точки зрѣнія человѣчества, вся масса населенія цѣлой провинціи отъ того только выигрываетъ, и что исторія указываетъ, какъ народы, съ давнимъ и нынѣ еще существующимъ раздѣленіемъ, выходятъ изъ прежнихъ рамокъ и пересоздаются въ новыхъ формахъ.“......

(1) Часть записки, составленной въ 1841 года, была напечатана въ 1861 г., въ приложеніяхъ къ сочиненію: «was Grossherzogthum Posen und die Polen.»

Разумъ, польская исторія, а вмѣстѣ съ нею и наша собственная исторія должны указывать намъ наши отношенія къ полякамъ.

Изъ постановленій правительства для достиженія его цѣлей, самыя сильныя и съ наибольшею радостью принимаемыя, по крайней мѣрѣ большинствомъ, тѣ, въ которыхъ обнаруживается забота о матеріальномъ благосостояніи.

Благотворныя послѣдствія для государства были достигнуты освобожденіемъ крестьянъ и жителей мѣстечекъ отъ зависимости прежнихъ помѣщиковъ, введеніемъ ремесленнаго образованія, многостроннимъ развитіемъ промышленности, равно какъ и правосудіемъ въ судахъ и добросовѣстностью въ администраціи.

Умноженіе заведеній ремесленныхъ и воспитательныхъ повело къ умноженію матеріальнаго благосостоянія, къ рязширенію круга дѣятельности и къ *нѣмецкому развитію*.

Для послѣдовательнаго уменьшенія противуборствующихъ элементовъ, иногда призадумываются надъ необходимостью возможностью и соотвѣтствующихъ средствъ; но всякое колебаніе съ правительствомъ на однажды принятыхъ основаніяхъ гибельно (jedes Schwanken in den Verwaltungsgrundgsätzen ist verderblich).

Намѣренія правительства—снискать расположеніе поляковъ не достигаютъ цѣли; относительно же жителей нѣмецкаго происхожденія, всякое сомнѣніе въ возможности возвращенія въ провинціи прежнихъ учрежденій, ведетъ только къ колебанію довѣрія, и подсѣкаетъ въ нихъ бодрость къ свободной дѣятельности, которая тогда только вполнѣ пріобрѣтаетъ свое значеніе для государственной цѣли, когда общество не страшится никакого перелома, и увѣрено въ настойчивой силѣ правительства. Проявленія польской дѣятельности въ Познани, во время возстанія Польши (1831), ясно указали, къ чему ведетъ предпочтеніе (Bevorzuegung), оказываемое полякамъ. Наконецъ, мятежъ въ самомъ царствѣ Польскомъ не научаетъ ли насъ, что фрондерствующая часть жителей не довольствуется никакими уступками или вознагражденіями и требуетъ непремѣнно полной, независимой и политической самостоятельности Польши. Потому нѣтъ средствъ для того, чтобы привлечь противудѣйствующихъ поляковъ, и правительству остается ясно высказывать свое воззрѣніе, хотя подобная откровенность и не возбудитъ ихъ расположенія. Но за то подобныя твердыя мѣры вѣрнѣе всего приведутъ всю провинцію, въ ея полномъ составѣ, къ желаемой цѣли; правительство заставитъ себя

уважать, а оно не достигнетъ уваженія, если подаетъ полякамъ поводъ думать что оно преслѣдуетъ цѣли, которыя боится высказать.

Прусскому правительству рѣшительно враждебно большинство р.-католическаго духовенства и мѣстнаго польскаго дворянства.

Между р.-католическимъ духовенствомъ существуютъ достойныя личности; но они безвліятельны. Вообще ксендзы имѣютъ мало, какъ свѣтскаго, такъ и научнаго образованія; а если между молодыми проявляются нынѣ исключенія, то они какъ бы совѣстятся высказаться и выказать плоды своего воспитанія, дѣйствуя въ другомъ смыслѣ на населеніе.

Ксендзы вообще лѣнивы и большинство ихъ склонно къ чувственнымъ наслажденіямъ. Рѣдкій изъ нихъ заботится объ исполненіи своихъ обязанностей духовнаго пастыря или наставника въ школѣ. Не руководимые высшими побужденіями своего призванія, они упражняются въ интригахъ и во враждебныхъ козняхъ противъ правительства. Чтобы прикрыть свое нерасположеніе къ свѣтскимъ властямъ и къ умственному дальнѣйшему развитію, они наряжаютъ его въ плащъ польской національности. Они, съ искусною изворотливостью, ведутъ упорную борьбу, *подъ маскою защиты интересовъ народа*, въ то время какъ они, въ близорукомъ себялюбіи, домогаются только давнихъ правъ и преимуществъ римскаго духовенства, которыя давно уже разбиты могущественнымъ развитіемъ просвѣщенія. Въ запискѣ, поданой 17 сентября 1831 г. было изложено безотрадное, почти невѣроятное положеніе училищъ для образованія р.-католическаго духовенства. Король утвердилъ закрытіе еще оставившихся въ Познани р.-католическихъ монастырей, и на суммы ихъ содержанія усилилъ общественное воспитаніе. Кромѣ того, преобразованы архибискупскія духовныя семинаріи. Къ сожалѣнію, фондъ, тогда же королемъ назначенный (ежегодно въ 16,000 талеровъ) для основанія конвикторіи при бреславскомъ университетѣ, съ цѣлью образовать р.-католическихъ богослововъ подъ надзоромъ особаго регента и репетиторовъ, по нынѣ остается безъ употребленія. Архибискупъ *Дунинъ*, въ 1833 году, далъ свое совершенное соизволеніе на это учрежденіе; но потомъ взялъ его обратно и, отдѣлываясь отъ прусскихъ университетовъ, требуетъ чтобы богословы были воспитываемы въ Мюнхенѣ, въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, или въ Римѣ. Доселѣ учебныя заведенія р.-католическаго духо-

венства не удовлетворяли желаніямъ слiянія польскихъ областей съ прусскимъ государствомъ, и остается теперь ожидать, какой плодъ принесутъ онѣ послѣ преобразованій; но во всякомъ случаѣ вліяніе старыхъ ксендзовъ будетъ еще долго продолжаться; а эти ксендзы, при столкновеніяхъ, выказываютъ не только самое враждебное настроеніе къ правительству; но безъ стыда выводятъ на дневной свѣтъ дѣйствительно возмутительную свою вѣронетерпимость противъ протестантовъ.

Это настроеніе р.-католическаго духовенства, въ ближайшемъ своемъ примѣненіи, выказывается вліяніемъ на женщинъ польскаго дворянства, столь склонныхъ къ религіозному фанатизму. Чрезъ нихъ, вліяніе духовенства проникаетъ далѣе и, къ величайшему сожалѣнію, вліяетъ на домашнее воспитаніе. Въ доказательство экзальтированнаго настроенія польскихъ дамъ, можно привести тотъ случай, что, когда архибискупъ *Дунинъ* былъ удаленъ, то онѣ нарядились въ глубокій трауръ и сняли его только при вѣсти о кончинѣ короля, дабы ихъ трауръ не могъ ввести кого либо въ заблужденіе ложнымъ толкованіемъ. Губительное настроеніе польскаго юношества не только выясняется уклоненіемъ отъ государственной службы и случаями въ мѣстныхъ гимназіяхъ; но и въ теченіи общественной жизни такими явленіями, что оно не требуетъ дальнѣйшихъ тому доказательствъ.

Что касается польскаго дворянства, то, при различныхъ обстояобстоятельствахъ, оно и выступаетъ различно. Поляки дерзки и ловки, а при соотвѣтствующемъ воспитаніи, они любезны въ своихъ формахъ. Когда захотятъ, то они всякаго расположатъ къ себѣ, а это желаніе зависитъ отъ обстоятельствъ. Необходимо знать личность одиночно каждаго и, обсуживая съ этой точки зрѣнія, можно только въ нѣкоторой степени судить, чего отъ каждаго изъ нихъ ожидать можно.

Вообще польскіе помѣщики и дворяне могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе разряды:

1) Одни, изъ числа тѣхъ, которые годами постарѣе и по состоянію побогаче, видятъ выгодную сторону прусскаго государственнаго устройства; но они не имѣютъ достаточно мужества, чтобы вступать въ борьбу съ презрѣніемъ, оказываемымъ имъ молодыми ихъ соотчичами, и не смѣютъ выдти изъ подъ вліянія своихъ женъ.

2) Большинство тѣхъ помѣщиковъ, которые принимали уча-

стіе въ польскомъ мятежѣ, частью по ложно ими понимаемому чувству патріотизма, частью изъ тщеславія, почитаютъ себя корифеями польской національности, и потому всегда, при всякомъ поводѣ, готовы ее защищать. И въ этой средѣ есть люди, понявшіе положеніе дѣлъ, но и они не дерзаютъ противудѣйствовать экзальтированнымъ соотчичамъ.

3) Большинство составляютъ помѣщичьи сыновья еще неимѣющіе осѣдлости, и потому пребывающіе въ праздности; также арендаторы, мелкопомѣстные и раззорившіеся паны. Эти ведутъ обыкновенно кочующую жизнь, и ихъ пристанищемъ служатъ трактиры и кофейныя. Тамъ, начитавшись заграничныхъ, именно во Франціи издаваемыхъ революціонныхъ сочиненій, они корчатъ изъ себя демократовъ; съ польскимъ краснорѣчіемъ они проповѣдуютъ вычитанныя теоріи, болтаютъ вычитанныя фразы, и съ безпримѣрною наглостью владычествуютъ надъ своими собесѣдниками. Существуютъ вожди, которые эту толпу преобразовываютъ въ братства и направляютъ ихъ. Они слѣдятъ за своими соотчичами и формально сторожатъ всякое ихъ сближеніе съ нѣмцами, или съ мѣстными властями; при малѣйшихъ признакахъ, они дерзко возвращаютъ ихъ въ указанную колею. Отъ этихъ вождей исходятъ разныя жалобы объ угнетеніи ихъ національности. Было бы большимъ заблужденіемъ, если бы кто подумалъ что дѣйствительно большинство помѣщиковъ раздѣляетъ это мнѣніе, а еще большимъ, если бы кто понадѣялся удовлетворить подобныя жалобы уступками. Вожди заботятся только объ одномъ—оставлять и поддерживать оппозицію и неудовольствіе противъ правительства. Ихъ стремленіе— борьба съ существующимъ порядкомъ и разрушеніе всѣхъ постановленій. Снисхожденіе только усиливаетъ ихъ требованія. Вліяніе вождей въ особенности важно при всякаго рода выборахъ, какъ напр. земскихъ совѣтниковъ, что ясно обнаруживается тѣмъ, что выборы падаютъ не на личности, соотвѣтствующія своими качествами должностямъ, а на тѣхъ кто поддерживалъ польскую революцію, либо обращаетъ на себя вниманіе своимъ политическимъ настроеніемъ.

Ясно, что члены такого дворянства не могутъ пользоваться тѣмъ довѣріемъ правительства, котораго они домагаются. Съ 1833 года, по королевскому повелѣнію, на эти мѣста опредѣляются не по выборамъ, а по назначенію изъ общаго числа

всѣхъ землевладѣльцевъ (1). Можно посовѣтовать и впредь придерживаться этого правила. Личности, изъ влiятельнѣйшей между поляками партiи, прямо мнѣ самому заявляли, что самое полезное было бы принять тѣ основанiя для мѣстнаго управленiя, которыя предлагаетъ Оконель (для Ирландiи).

Во всѣхъ отношенiяхъ постановленiя, споспѣшствующiя приливу нѣмецкихъ помѣщиковъ, самыя благотворныя. Уже 30 землевладѣльцевъ нѣмецкаго происхожденiя вновь водворилось со времени покупки имѣнiй правительствомъ и дальнѣйшей ихъ переуступки нѣмцамъ, и можно надѣяться, что вновь правительствомъ закупленныя имѣнья приведутъ къ тѣмъ же результатамъ. Къ тому же казначейство не только не понесло убытковъ отъ пододобной операцiи, но до миллiона талеровъ прiобрѣло чистаго барыша.

Крестьянскiя усадьбы устроенны весьма выгодно для землепашцевъ и вообще постановленiе 8 апрѣля 1823, которое прекратило въ Познани обязательныя отношенiя крестьянъ къ помѣщикамъ, оказало многостронним своимъ влiянiемъ благотворныя послѣдствiя, которыя одинаково важны государству, какъ въ мирное, такъ и военоое время.

Мѣщане по маленькимъ городамъ рѣзко отличаются отъ таковыхъ въ городахъ нѣмецкихъ, малымъ развитiемъ ремесленнаго сословiя, что требуетъ устройства учебныхъ заведенiй, соотвѣтствующихъ цѣли (zweckmäszige) общаго развитiя фабричнаго производства. Въ областяхъ, прилегающихъ къ русской границѣ, весьма вредитъ принятая Россiею таможенная запретительная система (das Prohibitiv System). Наконецъ удалось въ городѣ Равичѣ составить компанiю изъ суконныхъ фабрикантовъ, для устройства мануфактуры съ обширною шерстяною прядильнею, снабженною всѣми усовершенствованными машинами; но и то съ значительнымъ пособiемъ отъ правительства.

Время въ которое *Флотвель* подалъ свою записку не было благопрiятно для нѣмецкаго дѣла въ Познани; король Фридрихъ Вильгельмъ IV приносилъ съ собою на престолъ желанiе либеральныхъ реформъ. *Флотвель* былъ отозванъ; настроенiемъ короля воспользовались поляки для усиленiя печатаннымъ словомъ воплей объ угнетенiи ихъ нацiональности, и ободряемые духомъ

(1) Правительство назначало изъ землевладѣльцевъ нѣмцевъ.

времени, въ 1841 году они просили о дарованіи имъ особой конституціи, заявили что Познань не составляетъ части Прусской монархіи, а въ 1843 году они заявили, по своимъ польско-историческимъ изслѣдованіямъ, что они соединены съ Пруссіею только въ лицѣ короля.

Прекращеніе *Флотвельскаго* управленія Познанскою областью, совпало съ вопареніемъ Фридриха-Вильгельма IV, и еще разъ правительство сдѣлало попытку, правда, не удовлетворить польскія національныя стремленія но, по крайней мѣрѣ, предупредительностью къ польскому дворянству Познани, оно думало примирить его съ прусскимъ владычествомъ. Правительство однако должно было убѣдиться, что новая его попытка къ примиренію останется такою же безплодною, какъ и предыдущія. Польское дворянство настойчиво преслѣдуетъ свои химеры польской организаціи провинціи, которыя столько же несовмѣстны съ обязанностями правительства относительно нѣмецкаго населенія Познани, сколько съ интересами и обезпеченіемъ прусской монархіи и спокойствіемъ въ ея сосѣднихъ государствахъ. Неудавшійся заговоръ 1846 года далъ новое указаніе на революціонныя стремленія польской пропаганды, а 1848 годъ еще болѣе подкрѣпилъ это указаніе" (1).

Поляки ни какъ не соглашались съ тѣмъ, что по мимо раздѣла, Познань была провинціею, завоеванною прусскимъ оружіемъ, кровью прусскаго народа, въ борьбѣ съ Наполеономъ, подъ знаменами, котораго *польскія войска дрались съ пруссаками* еще до 18/30 марта 1814 г. до самыхъ воротъ Парижа (2). На польскія требованія прусское правительство отвѣчало въ 1841 году, что „Познань такая же провинція, какъ и всѣ остальныя провинціи Пруссіи", а въ 1843 году, что „для подданныхъ нѣмцевъ и поляковъ есть одна точка соединенія— Пруссія, государство, которому они навсегда принадлежатъ" (3).

Предъ готовящейся въ 1846 г. бурею въ Познани наступило затишье. Какъ въ Галиціи, такъ и въ Познани, поляки стали заискивать расположенія у нѣмцевъ, и являлись горячими поборниками прогресса во всѣхъ его видахъ.

Революціонная партія возложила на сторонниковъ сильнѣй-

---

(1) Офиціозная брошюра: Die polnischen Forderungen in Betreff der Provinz Posen. Berlin 1861. p. 35.

(2) Das G. H. Posen und die Polen p. 13 и p. 14. (3) Стр. 41.

нихъ своею численностью,—на поляковъ поднять революціонные знамя. Въ началѣ 1846, поляки замышлали единовременно возстать противъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Въ захваченныхъ прокламаціяхъ къ полякамъ, предписывалось возобновить сицилійскія вечерни, передушить притѣснителей нѣмцевъ и русскихъ (1), а въ прокламаціи *къ вольной и благородной нѣмецкой націи* было сказано: среди *клятвенныхъ заявленій симпатіи, дружбы и согласія, благородное сердце каждаго благороднаго нѣмца легко пойметъ польскія усилія* (2). Австрійское правительство, усыпленное маскою польской преданности, на канунѣ мятежа, еще издавало распоряженіе для предупрежденія сборищъ крестьянъ Галиціи; но крестьяне кроваво выяснили что они, издревле связанные съ полонизмомъ, понимали его лучше австрійскихъ сановниковъ-дипломатовъ. Въ Россіи сообщенное извѣстіе о посланномъ эмиссарѣ заставило усилить бдительность полиціи; эмиссаръ (Реръ) изъ Познани быгъ схваченъ, а за нимъ мѣстныя власти добрались и до нѣкоторыхъ сообщниковъ. Въ Познани нѣмецкое населеніе чутко поняло затаиваемую подпольную работу сосѣдей и предупредило власти. Руководители предстоящаго мятежа были схвачены, въ томъ числѣ и *Мѣрославскій*, присланный изъ эмиграціи въ Познань, въ которой, по ея изученію относительнаго состоянія области, произвести мятежъ требовало наибольшаго искуства; но за то Познань была переполнена польскими патріотами, съ 1841 года, создаваемыми мѣстною польскою литературою, вполнѣ злоупотребившею дарованною свободою печати. Нѣмецкая же литература, частью была увлечена повѣявшимъ изъ Франціи революціоннымъ броженіемъ; а другая часть не могла оппонировать польской познанской печати, при тьмѣ и мглѣ, тогда еще царившей надъ польскими дѣлами.

Правительство, по открытіи заговора, получило указанія на болѣе 700 участниковъ польской крамолы. Изъ нихъ оно признало 254 чел., заслуживавшими судъ за *государственную измѣну*, и по произведенному суду," изъ нихъ 8 человѣкъ были приговорены къ казни и 50 къ тяжкимъ наказаніямъ. Изъ преданныхъ суду 251 были р.-католическаго исповѣданія и 3 (изъ

---

(1) Польская Эмиграція до и во время мятежа 1863 г. Aufschlusse über die jungste Ereignisse in Polen p. 46.

(2) Поль. Эмигр. Erinnerungen aus Galizien p.

дворянскаго сословія) протестантскаго. Слѣдствія дали слѣдующія данныя о званіяхъ 254 лицъ главныхъ участниковъ: ксендзовъ 10, помѣщиковъ 42, ихъ родственниковъ 9, управляющихъ 42, арендаторовъ 9, учителей 8, медиковъ 5, студентовъ и учениковъ 37, купецъ 1, книгопродавецъ 1, крестьянъ собственниковъ 2, крестьянъ 7, панскихъ батраковъ 2, чиновниковъ 3, трактирщикъ 1, панской челяди 23, ремесленниковъ 45 и изъ арміи 8 поляковъ: 1 офицеръ, 5 унтеръ-офицеровъ и 2 рядовыхъ.

Неудача затѣй полонизма въ 1846 году указала вождямъ обще-европейской революціонной партіи на его несостоятельность. Пользуясь революціоннымъ броженіемъ во Франціи, вожди замыслили разлить его на всю Германію и имъ парализировать противудѣйствіе польскимъ стремленіямъ. Молодые *Петрашевскій* и *Спѣшневъ* усердно содѣйствовали въ С. Петербургѣ польскимъ домогательствамъ (1). Революціонные журналы воспѣвали о нѣмецкой симпатіи къ полякамъ; поляки воспѣвали о своей симпатіи къ нѣмцамъ, и дабы чѣмъ либо питать поддерживать двухстороннюю мистификацію, то общими усиліями, проповѣдывалась самая озлобленная ненависть къ Россіи.

Поляки, какъ дѣятельные и знаменательные члены общеевропейскаго революціоннаго общества, торопили взрывами повсемѣстныхъ революцій, согласно составленнаго плана дѣйствій (1). Исполненіе приговора надъ познанскими подсудимыми угрожало парализированіемъ ретивости мѣстныхъ польскихъ патріотовъ, избалованныхъ амнистіями. Въ февралѣ 1848 года, послѣ долго длившагося верховнаго уголовнаго суда въ Берлинѣ надъ государственными преступниками 1846 г., приговоръ былъ составленъ, и онъ послужилъ сигналомъ для вспышки революціи въ Парижѣ. Парижскія вѣсти замедлили приведеніе приговора, а 18 марта вспыхнула революція и въ Берлинѣ.

Событія 1848 года вполнѣ выяснили всю силу водворенныхъ нѣмецкихъ элементовъ на почвѣ коренныхъ польскихъ областей. Нѣмецкое поселеніе, защищая свои интересы, защищало и интересы Пруссіи, при самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ. Польская справа такъ ловко повела свои дѣла и напустила на нихъ такія тьму и мглу, что, казалось, правительство было

(1) Польская Эмиграція. Гл. 7, стр. 183.

противъ нѣмецкаго населенія Познани, поддерживая польскія домогательства. Находящіяся прусскія войска также не вступались для защиты нѣмцевъ противъ польскихъ неистовствъ, и къ вящшей ихъ бѣдѣ, изъ Берлина былъ присланъ, съ званіемъ *королевскаго комиссара*, для устройства познанскихъ дѣлъ, генералъмаіоръ *Виллизенъ*, по своимъ воззрѣніямъ, одинъ изъ передовыхъ въ дѣлѣ польско-революціоннаго прогресса. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV назначилъ *Виллизена* королевскимъ комиссаромъ для устройства дѣлъ Познани, въ которой долгое время квартировалъ и пріобрѣлъ любовь поляковъ; но *Виллизенъ* изъ своихъ сношеній съ поляками вынесъ только подобно *Фоссу*, понятія о необходимости смотрѣть сквозь польскія очки на *прусское дѣло въ Познани*.

Поляки замуравввились въ Берлинѣ предусмотрительно; польская молодежь изъ Познани наводнила берлинскій университетъ и отуманенныя толпы берлинцевъ, руководимыя затаенными вождями, принялись за баррикады. Когда берлинскій цехгаузъ былъ разграбленъ, то при этомъ болѣе ста познанскихъ поляковъ студентовъ успѣли вооружиться и какъ польское войско совершили обратный походъ въ Познань. Масса студентовъ и учениковъ собралась въ народное польское войско; были и не поляки и, грустно сказать, даже были и нѣмцы, только не пруссаки; на одномъ изъ нихъ впослѣдствіи было найдено выданное ему на польскомъ языкѣ свидѣтельство, что *онъ ревностно послужилъ дѣлу революціи* на баррикадахъ Берлина (1). Взволнованная толпа и берлинская чернь освободили заключенныхъ польскихъ преступниковъ, въ томъ числѣ и главныхъ вождей: эмигранта *Мѣрославскаго* и туземца доктора *Либельта*. „Въ первыя минуты народнаго движенія, пруссаки провезли на себѣ по улицамъ Берлина колесницу съ четырьмя знаменитѣйшими членами польской партіи, говорили пышныя рѣчи о братствѣ всѣхъ народовъ вообще и нѣмцевъ съ поляками въ особенности“ (2). Король согласился на конституцію, на признаніе польской національности въ предѣлахъ своей монархіи, на учрежденіе народной гвардіи, и *Мѣрославскій* былъ назначенъ генераломъ польской *народовой гвардіи* въ познанскую область.

---

(1) Польская Эмиграція. Гл. VII.
(2) p. 142.

Генералъ *Виллизенъ* прежде много лѣтъ квартировалъ въ Познани и изъ своего знакомства съ польскимъ обществомъ вынесъ тѣ убѣжденія, что по прибытіи въ Познань тотчасъ повидался съ вождями польской партіи, взялъ къ себѣ въ секретари — домашняго секретаря графа *Дзялынскаго*, а прусскія гражданскія и военныя власти пригласилъ къ себѣ нѣсколько часовъ спустя; комиссаръ прусскаго короля приступилъ къ правильному устройству польской національности въ Познани и распоряженія генерала строго предписывали прусскимъ войскамъ принципъ невмѣшательства. *Мѣрославскій* свободно формировалъ народовую гвардію, а когда польская фанаберія стала сильно развиваться, какъ во времена давнихъ конфедерацій, то *Виллизенъ* составилъ съ *Мѣрославскимъ* конвенцію, для разграниченія территоріи Познани между войсками прусскими и *народовыми* польскими.

Познанскіе нѣмцы должны были спокойно смотрѣть, какъ поляки начали распоряжаться въ Познани полными хозяевами. Для мѣстной администраціи они учреждали свои польскіе трибуналы съ исключительнымъ употребленіемъ только польскаго языка; прусскіе черные орлы были всюду срываемы, разбиваемы въ дребезги, на мѣсто ихъ являлись бѣлые польскіе орлы. Ксендзы призывали свою паству къ оружію, новобранцамъ было объявлено, что беззямельные получатъ по три морга земли изъ помѣщичьихъ нѣмецкихъ имѣній, тотъчасъ по изгнаніи пруссаковъ.

Тогда познанскіе нѣмцы обратились къ правительству съ заявленіемъ всѣхъ своихъ правъ на почву, обратились и къ франфуртскому сейму, который долженъ былъ устраивать будущія судьбы Германіи. Познанскіе нѣмцы добились того, что было положено раздѣлить Познань на *западную* и *восточную*, и первую, какъ преимущественно принадлежащую нѣмцамъ-землевладѣльцамъ, причислить къ Германскому союзу. Разгнѣванные поляки расходились еще болѣе по пути насилій и неистовствъ. Польскія дѣянія исподоволь стали принимать уже видъ и размѣры открытаго мятежа. Прусскія войска сперва ворчали, потомъ начался громкій ропотъ. *Веллизенъ*, одураченный своими менторами поляками, ни какъ не могъ разочароваться въ польскихъ симпатіяхъ къ нѣмцамъ и, для дополненія каррикатурной его дѣятельности, въ своихъ донесеніяхъ въ Берлинъ министру внутреннихъ дѣлъ, онъ самъ приписывалъ задору нѣмцевъ всѣ возникшія волненія; а поляки въ это время не зѣвали, собира-

лись, вооружались, организировались и сумятица перешла въ формальный мятежъ. *Виллизенъ* ускакалъ въ Берлинъ, когда увидѣлъ всю постепенно возрастающую сумятицу въ Познани, которую, безъ содѣйствія оружія, уже нельзя было успокоить. Прусскіе отряды поражали встрѣчаемые отряды *народовой гвардіи,* которая, усилясь до 10,000, уже называла себя *польскимъ войскомъ народовымъ. Мѣрославскій,* видя плохой исходъ, бѣжалъ. Прусскіе военачальники хотѣли по крайнѣй мѣрѣ устроить великолѣпный спектакль для выясненія польскаго униженія, прусскаго торжества, и польстить народному чувству. Они хотѣли для польскаго *народоваго* войска приготовить нѣчто въ родѣ каудинскихъ фуркуловъ. Поляки, собранные въ лагерѣ, должны были подписать капитуляцію и на другой день сложить оружіе предъ прусскими полками. Войскамъ было назначено собраться и, парадно выстроенными, принять и польскихъ плѣнниковъ, и сложенное мятежниками оружіе.

Въ это время *Виллизенъ* горячо защищалъ въ Берлинѣ невинность поляковъ; онъ ни какъ не могъ понять, до какой степени онъ былъ обойденъ своими польскими друзьями. Въ трудное время еще неподавленной революціи, правительство было довольно полученною вѣстью, что *польское народовое войско* вынуждено смириться, и предъ глазами всей прусской націи торжественное положеніе оружіе ярко укажетъ прусскую государственную силу. *Виллизенъ* относилъ подобную уступку поляковъ ихъ благоразумію; но почетному передовому панургова стада пришлось испить до дна всю горькую чашу польскихъ мистификацій. Пруссаки видѣли, что ночью цѣпь передовыхъ часовыхъ польскаго лагеря была выставлена по обыкновенію; но когда на другой день собрались войска для торжественнаго парада, лагерь оказался пустъ; поляки ушли ночью, унеся и оружіе, осталось только 30 мужиковъ, выставленныхъ ночными часовыми, и тѣмъ нечего было складывать, поляки ни чего не забыли, чтобы себѣ въ утѣшеніе, еще разъ подсмѣяться надъ генераломъ *Виллизеномъ;* они унесли и ихъ косы съ собою.

Пруссаки сначала были ошеломлены на нихъ налетѣвшимъ польскимъ буруномъ, но скоро начали проникать въ польскія комбинаціи. Чувство народной гордости, попранной познанскими событіями, съ негодованіемъ видѣло, что польскія мистификаціи сдѣлали Пруссію временною игрушкою польской заносчи-

вости. Прусское правительство и прусское общество рука объ руку принялись за изслѣдованіе польскихъ дѣлъ, а журналистика и литература разложила, такъ сказать, химически польскую кракомлу, на ея составныя части. Починъ подала армія. Генералъ *Коломбъ* напечаталъ извѣстія о бывшемъ мятежѣ; генеральнаго штаба маіоръ *Фойхтъ Фонъ Ретцъ* издалъ съ поясненіями относящіеся документы.

На *Виллизена* посыпались нареканія предводителя нѣмецкаго дѣла, измѣнника прусскому отечеству. *Виллизенъ* былъ поставленъ въ необходимость печатанными *открытыми письмами* защищать себя и оправдывался ему данными инструкціями; но *Мѣрославскій* впослѣдствіи выдалъ своего товарища. Въ 1856 году, въ напечатанномъ имъ сочиненіи: „De la nationalité polonaise, онъ подробно изложилъ какъ генералъ-маіоръ *Виллизенъ* и онъ *Мѣрославскій*, генералъ — народовой гвардіи, обсуживали средства и способы, и очень заботились о *народовой* польской справѣ, чтобы идти воевать Россію, обуздать *монголовъ*.

Нѣмецкая литература, возвращаясь къ своему національному направленію послѣ мятежей 1848 г., начала разоблачать самую польскую справу, а литература польской справы усиленно защищала свое отступленіе всякими возможными софизмами; но туманъ былъ разсѣянъ. Польская защита, на нѣмецкомъ языкѣ, преимущественно порученная писателямъ еврейской національности (1), послужила, при ясно-поставленномъ вопросѣ, только къ вящшему разоблаченію всѣхъ польскихъ интригъ.

Съ мятежа 1848 года, польская справа, во всѣхъ ея подробностяхъ, нынѣ уже выяснилась предъ пруссаками; и никакія изворотливыя интриги не могутъ ему дать ни малѣйшей точки опоры. Въ глазахъ пруссаковъ польскія домогательства и польскія искательства — инструментъ уже пришедшій въ негодность. Тотъ безграничный наплывъ вѣчныхъ интригъ, которыя, по программѣ польской справы, должны на каждомъ шагу, при всякомъ пригодномъ обстоятельствѣ, перечить всюду прусской администраціи, сбивать ее съ толку, и своею массою, во всѣхъ разнообразныхъ видахъ, наскучать нѣмцамъ, заставить ихъ махнуть рукой, вся эта искусственная работа польской справы, послѣ разобранныхъ событій 1848 года, постоянными неудачами досадуетъ однихъ только представи-

(1) Löwenberg. Das enthüllte Posen.

телей полонизма. Пруссаки по первым признакам понимают, куда метит всякая новая, поляками придумываемая мистификація. Пруссаки нынѣ довольно своеобразно выражаются на счет польской замкнутости, стараній отчуждаться, на счет затѣваемых поляками козней и интриг, чувствуя себя, в составѣ цѣлаго прусскаго общества, для них недоступными. „Это только барометр, говорят пруссаки, который указывает на внутреннюю затаенную жизнь полонизма, полезный для наблюдателя, который указывает, когда полонизм то подымается, то понижается.“ Постоянное пониженіе идет быстро вмѣстѣ с ходом общественной жизни, а возвышеніе бывает только временное, вслѣдствіе какой либо искуственной уловки. Силу домогательств полонизма уменьшить нельзя и прусское правительство неуклонно идет потому к уничтоженію самого полонизма. Полонизм уже в 1858 г. сам сознал, что если не помочь его дѣлу, то, при настоящем теченіи дѣл, чрез тридцать лѣт не останется ни одного патріота-поляка землевладѣльцем, а без матеріальной помощи панов, должно рухнуть и искусственное зданіе. „Le combat finira faute de combattans“ говорят пруссаки; но полонизм упорно защищается и обслуживает положеніе дѣл; в распоряженіях правительства он ищет новых элементов для питанія крамолы.| Так, при постановленіях прусскаго правительства, которое оградило совершенную независимость крестьян от помѣщиков, вожди надѣются, что, при помощи ксендзов, они успѣют обратить эту мѣру в вящшую для себя пользу, а как высшій богатѣйшій класс не может не быть вліятельным на бѣднѣйшій, при вѣчных сношеніях, особенно при земледѣльческих работах, то они внушают панам притягивать к себѣ крестьян собственников и даже в своей литературѣ (Wiadomości polskie) печатают, что теперь „крестьяне обратились в сосѣдей, и слѣдовательно нѣт уже препятствій обратить их в добрых истинных поляков, готовых искать освобожденія родины“ (1). Сколько же вниманія со стороны прусской администраціи требуют подобныя заявленія, дабы не дать в Познани упрочиться возможности примѣненія польскаго сказанія, что то, что не идет вперед, то пятится назад. Указав эту систему дѣйствій для панов, полонизм и в административныя сферы, пользуясь учрежденным в Пруссіи представительным правленіем, замышлял вносить до-

(1) Польская Эмиграція стр. 199.

могательства польской справы въ среду народныхъ представителей Прусской монархіи. Польскіе депутаты Познани постоянно являлись съ послѣдовательно усиливающимися жалобами на утѣсненія поляковъ и съ требованіями для нихъ разныхъ льготъ; но Пруссія уже выяснила всѣ увертки домогательствъ полонизма; выяснила что такое полонизмъ, его составъ, численность, значеніе и стремленія, потому польскіе депутаты, не смотря на то, что изощрялись въ искуствѣ поддѣлаться къ либераламъ лѣвой стороны, встрѣчали едва замѣтную поддержку, а въ 1859 году 14 польскихъ депутатовъ, или какъ ихъ назвали *14 сарматовъ*, одни и остались при своемъ мнѣніи. Всѣ ихъ стремленія были признаны вполнѣ неосновательными и вѣнчались только одними неудачами (1). Польскимъ депутатамъ, представителямъ полонизма, въ утѣшеніе осталось только *прусскія* камеры постоянно называть *берлинскими* (2). Постепенно оживляющаяся патріотическая дѣятельность поляковъ указывала предъ послѣднимъ мятежемъ на новыя затѣи. Литература въ Пруссіи, вслѣдъ за печатью польской справы, предупреждала польскія домогательства и внѣ и внутри Прусскаго государства. Упомянемъ для примѣра о двухъ сочиненіяхъ „Польскія требованія“ и „Великое горцогство Познань и поляки.“

Для предупрежденія развитія возникавшихъ ложныхъ толкованій прежнихъ трактатовъ, по инниціативѣ правительства, въ 1861 году была издана брошюра подъ заглавіемъ; „Польскія требованія касательно Познанской провинціи“ (3).

По словамъ автора брюшюры, принципъ національности ободрялъ польскую агитацію къ высокомѣрной дерзости и къ удвоенной энергіи, которая, какъ извѣстно, никогда не успокоивалась. Польская агитація, опираясь на французскую публицистику, заявляетъ о страданіяхъ Познани и взываетъ къ состраданію Европы. Появившійся памфлетъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ: „*Пруссія* и *Вѣнскія трактаты*“, не смотря на всѣ его неправды, послужилъ даже опорою для требованій польскихъ депутатовъ

---

(1) Русск. Вѣст. 1864 № 10 стр. 765.

(2) Das G. H. Posen und die Polen.

(3) Стр. 69.

на послѣднемъ сеймѣ. Въ этомъ панфлетѣ сказано, что поступки Пруссіи въ Познани угрожаютъ европейскому спокойствію и въ заключеніи приводится, что нельзя не надѣяться, чтобы европейскія державы и именно государь Франціи не вступился за жителей Познани. Панфлетъ указываетъ что:

1) Несмотря на раздѣлы Польши, *національное, гражданское и торговое единство областей 1772 года должно быть поддерживаемо, какъ существенный элементъ европейскаго порядка.*

2) Часть Польши, уступленная подъ именемъ великаго герцогства Познанскаго, прусскому владѣтельному дому,— особенная и отъ прусской монархіи совершенно отдѣльная провинція.

3) Поляки, подданные прусскаго короля, не только имѣютъ право на свои національныя учрежденія; но на вѣнскомъ конгрессѣ даже именно было постановлено, что эти учрежденія якобы, имѣютъ цѣлью поддержать и защищать польскую національность.

4) Права поляковъ были наконецъ взяты подъ защиту и гарантію цѣлой Европы.

Для разбора этихъ требованій, авторъ брошюры обращается къ подлиннымъ словамъ вѣнскихъ трактатовъ и между прочимъ приводитъ:

Развѣ національныя учрежденія значатъ, что Пруссія обязана была изъ Познани образовать государство въ государствѣ. Въ трактатахъ сказано, что прусскій король пріобрѣтаетъ Познань en touté souveraineté et proprieté; но панфлетъ, для удобнѣйшаго толкованія, выпустилъ слово proprieté. Вѣнскіе трактаты обсуживали о раздѣлѣ областей бывшаго герцогства Варшавскаго; но панфлетъ натягиваетъ и на области, перешедшія къ Пруссіи, по раздѣлу 1772 г., о которыхъ и не упоминалось въ Вѣнѣ. Смыслъ королевскаго манифеста отъ 3-го мая 1815 къ жителямъ Познани, въ панфлетѣ извращенъ съ безпримѣрною наглостью; слова: „при возвращеніи къ моимъ владѣніямъ округовъ бывшаго герцогства Варшавскаго, я озаботился и о вашихъ обстоятельствахъ,“ пропущены вовсе (2). Чрезъ 45 лѣтъ поль-

(1) p. 10. За тѣмъ авторъ приводитъ всѣ пропуски въ актахъ извращенія при переводѣ подлинниковъ съ нѣмецкаго языка на французскій, напр. въ подлинникѣ сказано: «вы будете призывае-

ская пропаганда открыла такія намѣренія державъ договоривавшихъ въ Вѣнѣ въ 1815, которыя, конечно, ни одной изъ нихъ тогда не приходили въ голову, Король, по установленіи 3-го мая границъ его владѣній, 15-го того же мѣсяца издалъ и обнародовалъ прокламацію, въ которой изложены принятыя имъ постановленія для управленія Познанскою областью; отъ чего же ни одна держава не протестовала тогда противъ нихъ, если они не согласовались съ намѣреніями договаривающихся сторонъ, а Вѣнскій конгрессъ окончилъ свои дѣла только 24 дня спустя.

Брошюра, между прочимъ, говоритъ въ своемъ заключеніи: „Если существуетъ вопросъ, въ которомъ до единой, всѣ партіи въ Пруссіи мыслятъ единогласно, то это *вопросъ польскій*. Это вопросъ не только о могуществѣ и безопасности Прусскаго государства; но вопросъ долга правительства и всего прусскаго народа относительно нѣмецкаго населенія Познани. Никогда пруское правительство не согласится на уступки, которыя не лежатъ ни на какихъ его обязательствахъ, и которымъ оно стало бы виновно въ томъ, что отдало бы на жертву нѣмецкую національность и пріобрѣтенія, сдѣланныя нѣмецкимъ трудомъ и нѣмецкимъ развитіемъ. Конечно, весь прусскій народъ станетъ какъ одинъ человѣкъ для защиты своего права и своихъ единоплеменныхъ, если бы кто либо подъ вліяніемъ такихъ совѣтовъ, покусился поддерживать своимъ вмѣшательствомъ неисполнимыя польскія требованія“ (1).

Кровавая драма 1848 г. началась обманомъ и ложью и кончилась, что не сказать болѣе, по крайней мѣрѣ смѣшною развязкою (2).

(Окончаніе впредь).

мы въ обсужденію законовъ, а въ переводѣ: «вы будете составлять законы». При большомъ числѣ должностей, остававшихся за нѣмцами, Король пишетъ: «Мой намѣстникъ изберетъ среди васъ образовавшихся чиновниковъ, пользующихся вашимъ довѣріемъ», а въ переводѣ: «онъ изберетъ всѣхъ чиновниковъ изъ васъ.»

(1) p. 38.

(2) ...mit Täuschung und Süge so endete das blutige Drama in diese fast comischen um nicht zu sagen lächerlichen weise p. 118

НАЧАЛО УНІИ.

1589—1595.

(*Продолженіе*) (*).

Амуратъ III. султанъ турецкій, по клеветѣ какого-то грека, низложилъ достойнаго патріарха Іеремію, бывшаго десять лѣтъ главою восточнаго духовенства, и осудилъ на изгнаніе въ Родосъ, на его мѣсто возвелъ неправеднымъ образомъ Ѳеолипта. Чрезъ пять лѣтъ, воротившись на патріаршій престолъ, Іеремія нашелъ христіянство въ плачевномъ состояніи. Прежняя цареградская соборная церковь обращена была въ мечеть; нужно было построить новую и придать ей надлежащее великолѣпіе, но не доставало денегъ. Патріархи жили въ бѣдности, поддерживаясь единственно складчиною духовенства и православныхъ. Поэтому Іеремія выпросилъ себѣ позволеніе отправиться въ Россію для собиранія милостыни и приношеній на построеніе храма. Онъ направилъ путь, черезъ польскую и литовскую Русь, въ Москву, куда и прибылъ въ іюлѣ 1588 года. **). При первомъ проѣздѣ чрезъ Польшу, равно какъ и на возвратномъ пути, онъ вникалъ въ состояніе русскаго духовенства и нашелъ его въ ужасномъ небреженіи и неустройствѣ въ то время, когда особенно нужны были примѣрно бдительные и усердные пастыри, ибо латинцы положили себѣ, во что бы то ни стало, прямымъ или косвеннымъ путемъ, обратить русскихъ въ свою вѣру, или, по крайней мѣрѣ, принудить ихъ къ соединенію съ

*) См. кн. 8, Вѣстн. Зап. Рос.

**) Карамзинъ, 2-е изданіе, Т. X. стр. 117,

римскою церковью. Патріархъ зналъ, что власть его, безъ подпоры свѣтской, безсильна; что суровое наказаніе развращѣнныхъ владыкъ, изъ которыхъ многіе были знатнаго рода, только вооружитъ ихъ противъ него; что раздраженные его поступками, они легко могли бы даже отказать ему въ повиновеніи, и потому онъ обратился къ новоизбранному королю, Сигизмунду III, прося его силою своей свѣтской власти подкрѣпить его духовное начальство. Выслушавъ мнѣніе пановъ рады, король, въ Вильнѣ, 15 іюля, 1659 года, издалъ универсалъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ позволялъ патріарху, сообразно съ его властью, судить и наказывать безъ изъятія все, подчиненное ему, русское духовенство въ Польшѣ и Литвѣ, заводить всякія постановленія, какія сочтетъ нужными, безъ малѣйшей помѣхи со стороны кого-либо, и, наконецъ, универсалъ этотъ обнародовать по всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ, городамъ, и церквамъ *). Тогда патріархъ, опираясь на королевское предписаніе, созвалъ соборъ. Здѣсь онъ открылъ, что митрополитъ Онисифоръ Петровичъ Дѣвочка, хотя былъ ревностнымъ пастыремъ, но взошелъ на митрополичій престолъ двоеженцемъ, т. е., до вступленія въ духовный санъ, былъ женатъ два раза, и потому низложилъ его, какъ недостойнаго, по греческому уставу, носить епископское званіе **); на его же мѣсто посвятилъ, по представленію православныхъ, Михаила Рогозу; также низвелъ Тимофея Злобу, архимандрита супрасльскаго, обвиненнаго въ смертоубійствѣ; постановилъ различные уставы и отправленіе ежегодныхъ областныхъ соборовъ; подтвердилъ львовское братство, учрежденное Ан-

*) Этотъ любопытный универсалъ принадлежитъ г. профессору М. А. Максимовичу, въ Кіевѣ.

**) Бантышъ-Каменскій, Младшій, прибавляетъ, въ I т., на стр. 150, своей Исторіи Малороссіи, что будто бы патріархъ отъ того низвелъ Онисифора съ митрополіи, что тотъ отказалъ ему въ денежномъ подаркѣ, что, однакожъ, несправедливо, да и польскіе писатели не обвиняютъ его въ томъ, а извѣстіе о требованіи платы относится къ Рагозѣ. Енгель (стр. 92) опрометчиво отнесъ это извѣстіе къ Онисифору, а Каменскій, не разбирая, принялъ его ошибку за истину. Впрочемъ, у него встрѣчаются и другія подобныя невѣрности.

тіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, основалъ другое такое же въ Вильнѣ и оба возвелъ на почетную степень патріархальной ставропигіи, т. е., по дѣламъ духовнымъ они подлежали непосредственно ему самому и его преемникамъ; пригласилъ къ участію въ этихъ братствахъ людей всѣхъ сословій, дабы тѣмъ самымъ совокупить православныхъ въ одинъ общественный узелъ и дать возможность соединенными силами противустать опредѣленному латинцами введенію уніи. Эти братства также должны были наблюдать за поведеніемъ владыкъ и увѣдомлять его о всякой опасности *). Начались соблазнительные споры и распри между львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и тамошнимъ братствомъ, о неповиновеніи его власти и владѣніи монастыремъ св. Онуфрія; но я пропускаю ихъ, поелику они не относятся ко всему галицко-русскому народу; скажу только, что патріархъ тщательно старался прекратить ихъ указами, слѣдствіями и проклятіями изъ Замостья, гдѣ жилъ у гетмана Замойскаго, (**) и изъ Тарнополя, гдѣ занимался духовнымъ судомъ.

Въ августѣ 1589 года, татарское нашествіе охватило Малороссію, Польшу и галицкую Русь. Полчища татаръ облегли Тарнополь и Львовъ, покушались на замокъ Баворовъ, а у страны не было ни войска для защиты, ни денегъ въ казнѣ для набора. Паны, занятые крамолами и съѣздами, заботились только о своихъ выгодахъ. Частный дворянинъ, Яковъ Струсь, собравши дружину изъ своихъ пріятелей, прогналъ небольшой татарскій отрядъ отъ Баворова и освободилъ находившуюся тамъ въ осадѣ дворянку Влодкову; татары же, сожигая за особою деревни и мѣстечка, обремененные добычей, обезлюднивъ окрестности, воротились во свояси ***). Донесено было о томъ

*) Обычай подкрѣплять духовное правленіе братствами былъ тогда въ употребленіи въ Польшѣ. На сеймѣ 1590 года явились протестанты съ медалями на золотой цѣпи съ изображеніемъ св. Ѳомы. Р. католики, по совѣту Суликовскаго, львовскаго латинскаго бискупа, тоже основали подобное братство, съ знакомъ св. Анны, которое папа и король подтвердили.

(**) Замойскіе, тогда еще были православными.

***) Naruszewicz, I, стр. 184.

королю въ Вильну; но что онъ могъ сдѣлать?—онъ, который, не смотря на исчисленные Нѣмцевичемъ, во вступленіи въ исторію его царствованія, мнимые огромные доходы, не имѣлъ даже на что совершить поѣздку изъ Вильны до Ревеля, для свиданія съ отцомъ, и усильно, но тщетно, просилъ государственныхъ чиновъ о вспомоществованіи на дорогу *). Онъ писалъ къ гетману Замойскому и другимъ панамъ, чтобъ они подумали о средствахъ къ защитѣ, но напрасно; ибо поляки хотѣли, чтобъ король бился за нихъ и давалъ деньги на войну **). Мало того, что свирѣпствовали татары, вторглись и турки, взяли Снятынъ, воевали и пустошили русскую область, называемую Покутье ***). Замойскій выслалъ изъ Львова горсть пѣхоты и нѣсколько военныхъ запасовъ къ Каменцу, но эта недостаточная помощь не могла помѣшать туркамъ грабить Русь, если бы они намѣрены были то сдѣлать. Львовскій р. католическій архіепископъ Суликовскій обратился къ великопольскимъ панамъ съ просьбой помочь деньгами, войскомъ и оружіемъ Руси, съ которой они получали такіе огромные доходы и которая находилась въ страшной бѣдѣ; но паны, составивъ съѣздъ въ Ленчицѣ, краснорѣчиво отложили просьбу русскихъ пановъ до будущаго сейма, какъ будто бы турки и татары стали дожидаться сейма ****). Такую-то прибыль получала Русь отъ польскаго владычества, таковы-то были дѣйствія панскихъ съѣздовъ! Паны умѣли только развѣдываться съ королемъ.

*) Sulikowski, стр. 220.

**) Тотъ же, стр. 215,

***) Niemcewicz стр. 136, Онъ же, во вступленіи къ Исторію (стр. XII), дѣлаетъ пышное описаніе Польши при Сигизмундѣ, по которому, „страна не была опустошена наѣздами, города не разорены старостами, а благоденствовали,“ какъ будто подшучивая надъ истиною.

****) Piasecki стр. 77 Какъ же согласить эту достовѣрную крайность съ тѣмъ, что пишетъ Нѣмцевичъ на стр. XXIII „Полякъ скорѣе въ мечѣ, нежели въ совѣтѣ, полагалъ всю свою безопасность?“ Я вижу противное: одни лишь пренія да крики на съѣздахъ, а мечь ржавѣлъ въ ножнахъ. То же самое подтверждаетъ и Бантке (стр. 99): «вошло въ обычай много совѣщаться и мало дѣлать.»

Въ это же время Сигизмундъ съѣхался въ Ревелѣ съ отцомъ своимъ, шведскимъ королемъ, Іоанномъ. Растроганный отецъ хотѣлъ увезти съ собою въ Швецію своего единственнаго сына, мало заботясь о столь несчастной коронѣ; но происки и козни бывшихъ съ нимъ поляковъ, которые, стакнувшись съ панами шведскими, произвели даже бунтъ въ шведскомъ войскѣ, разрушили его намѣреніе и изторгли сына изъ объятій отца. Шведы были рады сбыть съ рукъ наслѣдника престола, воспитаннаго въ противной имъ вѣрѣ и окруженнаго іезуитами, а поляки, съ своей стороны, охотнѣе желали имѣть королемъ ребенка, безъ значенія и власти, чѣмъ эрцгерцога австрійскаго, у котораго, конечно, достало бы силы заставить повиноваться себѣ *). Не всѣ, однакожъ, поляки были довольны удержаніемъ Сигизмунда въ Польшѣ, особенно Замойскій. Онъ льстилъ себя надеждой, что самъ возложитъ на главу свою вѣнецъ польскій, или, по крайней мѣрѣ, выставивъ его на вольное соискательство, обогатитъ вдоволь и себя и другихъ **).

Между тѣмъ Замойскій собралъ нѣсколько войска, навербованнаго на Руси на занятыя деньги и, съ соединенными дворовыми ополченіями отдѣльныхъ пановъ, выступилъ изъ Львова противъ турокъ, распустивъ молву объ огромности своего отряда. Однако, дѣло не дошло до битвы, она была предупреждена миромъ, по которому Польша обязалась удержать отъ нападеній казаковъ на Порту какъ на Черномъ морѣ, такъ и на сушѣ. Въ силу этого обязательства, рѣшено было на сеймѣ, въ 1590 году, чтобы коронный гетманъ самъ, или черезъ кого нибудь, обозрѣлъ и привелъ въ извѣстность края, обитаемые казаками ***), далъ бы имъ начальника изъ польскихъ дво-

(*) Niemcewicz, стр. 189 и слѣд.

**) Тотъ же, стр. 196 и 197.

***) Явное доказательство тому, что этотъ край еще не былъ извѣстенъ Польшѣ, а между тѣмъ она хотѣла подчинить его себѣ и даже обратить въ свою собственность. Русь въ то время была троякая: Русь самостоятельная, подъ царями московскими, Русь покоренная подъ владычествомъ польскимъ, либо литовскимъ. и Русь свободная,—никому не подвластная, заселенная казаками.

рянъ, такихъ же ротмистровъ и сотниковъ, чтобы эти присягнули въ вѣрности, не отправлялись бы за границу ни водой, ни сухимъ путемъ безъ позволенія короннаго гетмана, не принимали бы польскихъ бѣглецовъ и, наконецъ, чтобы только извѣстное число ихъ было внесено въ гетманскій списокъ. А для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія, равно какъ и для постояннаго пребыванія между казаками, тутъ же, съ сейма, отправлены были два коммиссара. Но такое распоряженіе не понравилось казакамъ, во первыхъ, они почитали себя людьми вольными, которые за плату могли служить кому и сколько хотѣли *), и, во вторыхъ, землю, на которой жили, считали своей, а не Польши, собственностью. Хотѣлось, правда, Стефану Баторію, еще въ 1576 году, дать имъ опредѣленное устройство **), не столько для водворенія у нихъ порядка, сколько для возможности употреблять ихъ въ своихъ замыслахъ; съ этой цѣлью онъ оставилъ себѣ нѣкотораго рода право ставить имъ начальника, который зависѣлъ бы отъ повелѣній короннаго гетмана: а чтобы укрѣпить свое вліяніе, послалъ къ ихъ начальнику, князю Богдану Ружинскому, въ знакъ подтвержденія, гетманскую булаву, знамя и печать, и обѣщалъ каждому казаку ежегодно тулубъ и червонецъ. Взяли казаки булаву, червонцы и тулубы, даже помогали Стефану Баторію, по просьбѣ князя Острожскаго, противъ московскаго государства, ибо это удовлетворяло ихъ славолюбію и жаждѣ добычи; но когда онъ пытался распространить свое вліяніе на ихъ правленіе и дѣла, тогда они утопили въ Днѣпрѣ его по-

*) Они служили въ походахъ польскихъ, когда поляки платили имъ; но равномѣрно помогали и Москвѣ, когда она умѣла привлечь ихъ къ себѣ. Такъ, съ гетманомъ своимъ, княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ, они храбро сражались въ войнѣ Іоанна IV, царя московскаго, противъ татаръ. Карамзинъ т VIII. 252, 293 и т. д,

**) Самъ Стефанъ Баторій, будучи не въ состояніи удержать набѣга казаковъ на турецкія области, сказалъ Портѣ, что „они люди вольные, что можно ихъ хватать на порогахъ, лишь бы только не въ предѣлахъ польскихъ.“ Бантышъ-Каменскій, Т. I, стр. 155.

ла Глембоцкаго *), а послѣ смерти своего гетмана Ружинскаго, который палъ на полѣ битвы, презирая королевское подтвержденіе, выбрали себѣ начальникомъ какого-то Шаха и попрежнему воевали, съ кѣмъ и гдѣ хотѣли. Такъ, въ томъ же 1590 году, спустившись на лодкахъ въ Черное Море, напали на турецкіе корабли и нѣсколько изъ нихъ ограбили; потомъ, вышедши на азіятскій берегъ, взяли, ограбили и сожгли Требизондъ и Синопъ и съ добычею воротились домой. Чтобы успокоить разгнѣванную Порту, съ того же сейма, въ 1590 году, былъ отправленъ въ Царьградъ, со стороны Польши посолъ, который, одаривши Диванъ четырьмя стами соболей, купленныхъ на отнятыя у жидовъ деньги, заключилъ съ Портой окончательный миръ **).

Заключенный миръ не принесъ спокойствія Польшѣ, тѣмъ меньше нашей несчастной Руси. Навербованное Замойскимъ войско, не получая жалованья, поступало непріятельски, дѣлало безнаказанно наѣзды, грабежи, пожоги, насилія, опустошенія. Чтобы прекратить это зло, король нашелся вынужденнымъ изъ имуществъ, назначенныхъ для своего собственнаго содержанія, заложить староство или экономическое имѣніе Самборское и, присовокупивъ еще нѣсколько изъ другихъ своихъ столовыхъ доходовъ, успокоить, такимъ образомъ, буйныхъ солдатъ уплатою имъ части долга, обѣщая остальную недоимку внести изъ государственныхъ податей. Собравшіеся опять на сеймъ чины, вмѣсто денегъ, для усмиренія этихъ необузданныхъ рыцарей, твердившихъ только о своемъ, кровью купленномъ жалованьи, позволили королю всеобщее ополченіе дворянства (***), что значило тоже, что ничего. Да и король, конечно, не осмѣлился бы прибѣгнуть къ такому опасному праву. Если всеобщее ополченіе при Сигизмундѣ 1 въ 1537 году сдѣлалось для него источникомъ огорченій, а для нашей Руси—разоренія и бѣдствій, то чего бы должно было ожидать въ теперешнее время, когда дворянство

*) Niemcewicz, стр. 340.
**) Niemcewicz, стр. 219.
***) Niemcewicz, стр. 217 и 218.

уже далеко ушло впередъ въ развратѣ необузданнаго свое волія (*)? Защитники отчизны не прекратили своихъ гра бительствъ и въ 1592 году: они свирѣпствовали въ Руси а король могъ только издавать повелѣнія, чтобы заплати ли имъ, что слѣдуетъ, но никто и не думалъ его слу шаться. (**)

Я не вдался ни въ описаніе люблинскаго и андреев скаго съѣздовъ (***), изъ мести созванныхъ Замойским противъ короля, ни въ изображеніе этого соблазнительна го сейма, бывшаго въ 1592 году и названнаго инквизи ціоннымъ, на которомъ король, съ униженіемъ для своег достоинства и своей особы, долженъ былъ отвѣчать и опра дываться предъ своими подданными, какъ виновный (****) Во первыхъ, это не относится собственно къ исторіи га лицкой Руси, а во вторыхъ, дай Богъ, чтобы подобны явленія, посрамляющія всякую страну и всякій народъ были навсегда исключены изъ исторіи.

Упомянутое выше сеймовое рѣшеніе 1590 года, запре щавшее казакамъ нападать на невѣрныхъ, вмѣшательств въ ихъ внутреннія распоряженія и усиліе навязать имъ на чальниковъ, воспламенили въ нихъ жажду отмстить Поль шѣ и польскому сенату. Князь Константинъ Острожскій которaго русскіе много уважали, какъ потомка св. Влади міра, будучи сенаторомъ, подалъ голосъ въ пользу этог рѣшенія, или по крайней мѣрѣ, не противился ему, с тою мыслію, что и безъ вооруженныхъ и привычныхъ к войнѣ казаковъ, права русскаго нареда могутъ сохранить ся подъ скипетромъ польскимъ: онъ не замѣчалъ, каки покушенія замышлялись уже въ то время на русскую народ ность и вѣру, и которыя вскорѣ онъ самъ долженъ был испытать (*****). Это обстоятельство родило въ казаках

(*) Volumen legum III pag. 609.

(**) Niemcewiez, стр. 229.

(***) Piasecki, стр. 114.

(****) Тотъ же, стр. 117 и др. Niemcewicz, стр. 241.

(*****) Какія огорченія испыталъ князь Острогскій спустя четыре года, отъ уни какому пренебреженію подвергся онъ у короля по случаю Никифора, протоси гелла цареградскаго, коварно заключеннаго латинами,—можно читать въ руко

ненависть къ нему за то, что онъ, какъ русскій, допускалъ ограниченіе вольностей своихъ собратій, независѣвшихъ отъ Польши, которые еще лелѣяли въ себѣ слабую искру русской самобытности и считали себя ядромъ народной воинственности. Поэтому они рѣшились наказать его оружіемъ, къ чему, можетъ быть, присоединилось и какое-нибудь личное оскорбленіе начальника ихъ, Косинскаго. Довольно того, что этотъ послѣдній, съ 5000 удальцовъ, напалъ, въ 1592 году, на князя Острожскаго и грабилъ его, равно какъ и польскихъ пановъ, жившихъ на Подоліи. Константинъ собралъ свое знаменитое войско и вмѣстѣ съ войскомъ своихъ друзей, отправилъ его, подъ предводительствомъ сына своего, Ивана, противъ казаковъ. Косинскій, вышедши изъ Тарнополя, укрѣпился подъ Пяткою. Сюда прибылъ Иванъ, и началась битва, въ которой козаки сначала осилили, но потомъ, не могши устоять противъ тяжело вооруженной конницы, понесли совершенное пораженіе и потеряли знамя и 26 пушекъ; они отступили въ окопы и тутъ принуждены были сдаться. Впрочемъ, князь простилъ казаковъ и ихъ начальника, обязавъ этого послѣдняго единственною клятвой не мстить за свое пораженіе (*). Что касается до князя Острожскаго, то Косинскій въ отношеніи его сдержалъ свою клятву, но зато вымѣстилъ ее на владѣніяхъ князя Вишневецкаго, его союзника; когда же неосторожно пробился въ Черкассы, былъ окруженъ и убитъ (**). Нѣмцевичъ приписываетъ побѣду своимъ, т. е., полякамъ, но ошибается, ибо въ этой битвѣ сражались, къ несчастію, русскіе съ русскими (***).

писи, хранящейся въ архивѣ львовскаго ставропигіальнаго института и начинающейся своими словами: «Престорога зѣло потребная.»

(*) Изъ этого благосклоннаго поступка съ побѣжденными можно легко убѣдиться, что князь вовсе не хотѣлъ обезсиливать и уничтожать казаковъ.

(**) Niemcewicz I стр. 259 и 260.

(***) Каменскій (отецъ) въ Исторіи Уніи, напечатанной въ Москвѣ (на стр. 52) пишетъ, что отступленіе русскихъ епископовъ отъ патріарха и склоненіе къ уніи, побудило Косинскаго поступить непріятельски съ поляками. Но дѣло не такъ было. Еще въ то время ни одинъ русскій епископъ не склонялся къ уніи, ко-

Въ 1592 году умеръ Іоаннъ, король шведскій и отецъ короля польскаго, Сигизмунда. Надобно было ѣхать для полученія наслѣдственнаго престола, принятія присяги и вѣнчанія, но Сигизмунду нельзя было выѣхать за границу безъ позволенія польскаго сейма. Напослѣдокъ, сеймъ состоялся въ 1563 году и король, получивши свободу выѣзда и на дорогу 300,000 золотыхъ изъ жидовскаго подушнаго сбору, отплылъ въ Швецію, гдѣ, пробывши около года и оттолкнувши отъ себя мысли народныя пристрастіемъ къ р. католицизму, воротился въ Польшу.

Во время отстутсвія короля изъ Польши, происходила война между Оттоманскою Портою и императоромъ Рудольфомъ. Послѣдній, желая уничтожить турецкое могущество и зная козаковъ, какъ людей вольныхъ, охотниковъ до битвъ и войны и нѣкоторымъ образомъ, природныхъ враговъ язычества, старался добыть ихъ участіе въ борьбѣ съ невѣрными. Присланныя отъ императора знамя и деньги, и притомъ надежда добычи, для которой часто были посѣщаемы побережья Азіи и Цареграда, легко склонили казаковъ, такъ что въ 1593 году отправился эсаулъ ихъ Лобода, а за нимъ Хлопицкій, съ казацкимъ отрядомъ въ турецкія владѣнія, преимущественно въ Валахію, гдѣ ограбили городъ Дюрдево, во время бывшей тамъ ярмарки и тревожили какъ турокъ, такъ и татаръ. Хотя, правда, полякамъ удалось было схватить Хлопицкаго и посадить въ краковскую тюрьму, однако онъ успѣлъ оттуда освободиться и бѣжалъ въ цесарскія земли (*). Поляки опять впали въ немалую тревогу, снова хвастаясь передъ Портою, въ окончательныхъ переговорахъ, что казаки— ихъ подданные, почему Порта и требовала, чтобы польское правительство обуздало своихъ подданныхъ. Но казаки, какъ мы уже сказали, мало обращали вниманія на польское вла-

торая наступила только спустя четыре года. Тогда еще всѣ епископы повиновались власти патріарха. Косинскій воевалъ не поляковъ, но русскихъ князей, а за одно съ ними и помѣстья нѣкоторыхъ полькихъ вельможъ. Князь Острожскій, съ своей стороны, былъ ревностнѣйшимъ поборникомъ православія. Поэтому причины войны были совершенно иныя.

*] Niemcewicz, стр. 288.

дычество, и навѣщали турецкіе края, какъ только приходила имъ охота, или открывался удобный къ тому случай.

Несогласіе, царствовавшее въ Польшѣ, при беззащитности ея, подало Оттоманской Портѣ мысль, нельзя ли татарамъ пробраться, чрезъ нашу Русь, въ Угрію, для опустошенія цесарскихъ владѣній? А потому, въ 1595 году, огромныя полчища татаръ вторглись изъ Валахіи въ Покутье, сожгли Снятинъ, Жуковъ, Толмачь, Цѣсыбѣсы, нынѣ Іезуполь, Тысменицу, Калушъ, овладѣли Войниловымъ и Галичемъ и раскинули свои палатки подъ Самборомъ. Гетманъ Замойскій, съ отрядами разныхъ пановъ, собранными съ великимъ усиліемъ и съ частію кварцяльнаго войска, вышелъ имъ на встрѣчу и намѣревался, по крайней мѣрѣ, какъ пишетъ историкъ (*), дать битву. Но у татаръ было другое на умѣ. Не желая ослаблять силы, нужныя въ другомъ мѣстѣ, они ночью сняли шатры и, чрезъ Дорогобычь, вошедши въ горы, достигли благополучно Угріи. Замойскій стерегъ ихъ на возвратномъ пути изъ Угріи, между горъ, въ деревнѣ, называемой Лаштовка (нынѣ принадлежащей помѣстью Подбужь, въ Самборскомъ округѣ), надѣясь отбить у нихъ знатную добычу, собранную на Руси и въ Угріи. Но татары далекимъ обходомъ, чрезъ молдавскія земли, безъ малѣйшаго вреда, воротились домой, обманувши, такимъ образомъ, надежды польскаго гетмана, который, съ самаго генваря 1596 года, простоялъ съ войскомъ въ горахъ, засыпанныхъ снѣгомъ, все поджидая ихъ возвращенія (**).

---

*] Niemcewicz, стр. 293. Я сомнѣваюсь въ намѣреніи Замойскаго дать сраженіе татарамъ. Во первыхъ, силы его были слишкомъ незначительны; во вторыхъ, онъ не благопріятствовалъ австрійскому дому, и потому не сталъ бы останавливать его враговъ, шедшихъ въ Угрію. Онъ хотѣлъ только своимъ движеніемъ принудить ихъ не дѣлать вреда польскимъ владѣніямъ и спѣшить за ихъ предѣлы. А накопецъ, разсуждалъ и такъ, что сручнѣе будетъ ударить на нихъ и побить ихъ на возвратномъ пути, когда пойдутъ изъ Угріи съ богатой добычей, ибо число возвращающихся отъ понесенныхъ потерь будетъ менѣе и чрезъ то самое побѣда надъ ними вѣрнѣе, а добыча, которую отниметъ у нихъ по опустошеніи Руси и Угріи, достаточно удовлетворитъ гетманское корыстолюбіе.

(**) Niemcewicz, стр. 299.

Въ то время, какъ татары, съ большою силою прорвавшись чрезъ Галицію, опустошали Угрію, галицій дворянинъ, полякъ Язловецкій, тотъ самый, который недавно напугалъ Львовъ своимъ наѣздомъ, составилъ смѣлый замыселъ овладѣть Крымомъ, и преимущественно теперь, когда Крымъ не имѣлъ у себя воиновъ, занятыхъ въ Угріи, и былъ безъ обороны. Но для осуществленія такого исполинскаго замысла Язловецкій не имѣлъ достаточныхъ силъ, и потому отправилъ посольство къ казакамъ, столько разъ навязывавшимъ господарей Молдавіи и Валахіи, прося у нихъ помощи и участія въ этомъ предпріятіи. Казаки обѣщали. Въ надеждѣ на ихъ помощь, Язловецкій сталъ набирать на собственныя издержки польское войско, но вдругъ спохватились казаки, разсуждая, что лучше остаться въ сосѣдствѣ съ татарами, чѣмъ пустить поляковъ въ Крымъ, гдѣ дворянство польское не замедлитъ разгнѣздиться также, какъ на Руси, и тогда русско-казацкимъ землямъ станутъ грозить съ двухъ сторонъ, съ Польши и Крыма, ненавистные сосѣди. Потому они отказались отъ участія и предпочли вторгнуться въ Молдавію, откуда своими опустошеніями выгнали господаря *). Язловецкій умеръ, разоренный издержками и всѣми оставленный.

Число и сила казаковъ возрастали съ каждымъ днемъ. Тѣ начатки, которые еще при Владиславѣ Варнскомъ, какъ показали мы выше подъ 1442 годомъ, угнетаемые польскимъ правительствомъ, должны были оставить галицкую Русь и засѣсть на Днѣпрѣ, увеличились значительно и ежедневно принимали новыхъ пришельцевъ. Мелкое русское дворянство, люди свободные, притѣсняемые старостами и панами, которые старались обратить ихъ въ подданныхъ, какъ это еще недавно дѣлалось въ Галиціи, отбирали у нихъ небольшія ихъ земли, или заставляли служить и работать на себя; не менѣе и сыновья духовныхъ, не имѣвшіе охоты къ отцовскому званію, а также и люди различныхъ сословій, какъ изъ польскихъ, такъ и изъ московскихъ областей, бѣжали за Днѣпръ и находили тамъ между казаками убѣжище и свободу. Начатое при Стефанѣ Ба-

(*) Piasecki, стр. 422.

оріѣ вѣроисповѣдное и гражданское гоненіе умножало чи-
ло выходцевъ и тѣмъ самымъ могущество казаковъ *).
амойскій приглашалъ ихъ къ соединенію съ нимъ, имѣя
ъ виду походъ въ Молдавію и Валахію, который описы-
ать здѣсь не вижу надобности, но казаки отвѣчали, что
режде всего имъ нужно заплатить. Когда же Замойскій
талъ имъ грозить, тогда они напали на Шаргородъ, не
авно основанный имъ городъ, ограбили его въ конецъ, а
отомъ опустошили владѣнія польскаго дворянства на Волы-
и и Подолѣ **)

(*) Енгель, стр. 642, утверждаетъ то же самое, что русскіе, тѣснимые
оненіемъ вѣроисповѣднымъ и гражданскимъ, спѣшили удаляться къ казакамъ
а Украйну и пороги днѣпровскіе.

(**) Niemcewicz, стр. 309.

III.

СТРАННАЯ ВЫХОДКА.

Вопросъ о русскомъ въ западной Россіи землевладѣніи рѣшенъ окончательно; мѣры къ территоріальному обрусѣнію люляченнаго-было края русскаго уже получили Высочайшую санкцію. Не смотря на то, въ 121 № „С.Петербургскихъ Вѣдомостей“, г. Головачевъ помѣстилъ что-то въ родѣ возраженія противъ необходимости русскаго землевладѣнія въ западной Россіи и, слѣдовательно, противъ указа 10 декабря 1865 г. Г. А. Ж. отвѣчалъ г. Галовачеву въ 123 № той же газеты, и отвѣчалъ весьма ясно и доказательно. Казалось бы, спорить долѣе было не о чемъ; истина яснѣе солнца полуденнаго на безоблачномъ небѣ. Но потому ли, что г. Головачевъ не хотѣлъ или не могъ смотрѣть на это солнце, онъ умышленно, или не умышленно, закрылъ отъ него свои глаза и хотѣлъ закрыть чужіе: онъ имѣлъ смѣлость, хоть не скоро (въ 164 № С. П. В.), продолжить свою діалектику въ томъ же родѣ.

Нужно отдать справедливость г. Головачеву за его работу: онъ сгруппировалъ въ своей апологіи польскаго землевладѣнія (*) въ западной Россіи все, что можно было изобрѣсти для аргументовъ, называемыхъ схоластиками a contrario или a probabili. Изобрѣтательность, заслуживающая лучшую участь! Мы даже не думаемъ, намъ, покрай-

(*) Оттого, вѣроятно, и нельзя теперь нигдѣ (въ томъ числѣ и въ редакціи) найдти 121 № С. П. Вѣдомостей, въ которомъ помѣщена передовая статья г. Головачева, тогда какъ можно найдти другіе нумера, въ томъ числѣ и 123, въ которомъ помѣщенъ отвѣтъ г. А. Ж. г. Головачеву.

ней мѣрѣ, не хотѣлось-бы думать, что г. Головачевъ разсуждалъ о дѣлѣ серьозно, говорилъ по убѣжденію, отстаивалъ прежнее statu-quo западной Россіи потому, что сознавалъ его пользу; мы скорѣе думаемъ, что онъ хотѣлъ щегольнуть остроуміемъ, богатствомъ репертуара своей аргументаціи, хотѣлъ бросить, что называется, пыль въ глаза и какъ бы такъ сказать: я могу опровергнуть вашу истину, для меня нѣтъ невозможнаго, я могу даже доказать, что осуществленіе указа 10 декабря принесетъ Россіи вредъ, а не пользу. Если предположеніе наше не лишено основанія, то мы невольно переносимся мыслію за два назадъ тысячелѣтія, становимся въ полдень на сборной аѳинской площади и внимаемъ диспуту философа съ софистомъ: первый доказываетъ, что „теперь“ день, а послѣдній, что „теперь“ ночь; на выручку дефендента ночи небо заволокли густыя тучи... Не похожъ ли и г. Головачевъ на сего послѣдняго?

Г. А. Ж. отвѣчалъ г. Головачеву, какъ это мы замѣтили выше, ясно и доказательно; но не настолько категорически и разносторонно, чтобы нельзя было, что называется, къ чему либо придраться. Настоящая апологія русскаго въ краѣ землевладѣнія хочетъ пополнить весьма замѣтный пробѣлъ въ нашей прессѣ, оставшійся въ ней послѣ того, какъ за г. Головачевымъ осталось, къ изумленію нашему, послѣднее слово,—послѣ того какъ онъ водрузилъ знамя побѣды на опустѣломъ полѣ битвы, на которое уже не явился г. А. Ж.

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай доказать важность и значеніе, въ смыслѣ гражданскомъ и политическомъ, землевладѣнія вообще (*). У славянскихъ народовъ

(*) Первый разъ назадъ тому слишкомъ четыре года, потомъ, чрезъ мѣсяца, мы посвятили этому предмету половину статьи, наконецъ, назадъ тому полтора года, снова были вынуждены трактовать о томъ же (Вѣст З. Р. 1863 г. книга 3., Отд. IV. стран. 65, тогоже года книга 6, Отд. III, стр. 7—60. 1866 г. Отд. III, стран. 70—78).

сложился афоризмъ: „чья земля, того сила и воля“. Славяне говорятъ: „покорилъ, полонилъ землю, пошелъ на такую то землю, забралъ, отдалъ землю“ и проч.,—разумѣя подъ именемъ земли націю, государство. Почему такъ говорятъ славяне? Потому что земля есть почва, фундаментъ, осѣдлище народа, есть источникъ его жизни, довольства, есть завѣтное наслѣдіе предковъ, отстаиваемое народомъ до послѣдней крайности. Вотъ почему—„чья земля, того сила и воля“.

Изъ этой посылки, путемъ неизбѣжной послѣдовательности, вытекаетъ другая: пока въ западной Россіи земля будетъ польская, тамъ будетъ, въ территоріальномъ смыслѣ, не Россія, а Польша, тамъ русскіе будутъ теоретическими, кочевыми обладателями страны, сегодня обрусяющими западный край, а завтра бѣгущими въ Москву, Смоленскъ, Тверь, Ташкентъ и проч.; фактическими же обладателями страны будутъ паны, которые настолько ненавидятъ Россію, настолько твердо исповѣдуютъ 1 § польскаго катихизиса, что не выпустятъ изъ рукъ своихъ земли до послѣдней крайности. Они знаютъ, что, рано или поздно, настоящее политико-экономическое затрудненіе кончится, они крѣпко разсчитыввютъ на наше православное непамятозлобіе и нравственное усыпленіе, они знаютъ, что, не въ далекомъ будущемъ, земля получитъ совсѣмъ иное экономическое значеніе, они мечтаютъ скоро быть хозяевами страны и въ моральномъ отношеніи, заправлять дѣлями земства, вліять на всѣ отправленія жизни края; они надѣются скоро пополнить свои дефициты, произведенные недавнимъ возстаніемъ и его послѣдствіями и, окрѣпши нравственно и матеріально,—приняться за старыя продѣлки. Тогда снова всякая земля панская обратится въ землю непріятельскую, панскій *палацъ*—въ цитадель, фабрику и складочное мѣсто боевыхъ припасовъ, паны—въ кинжальщиковъ, вѣшателей и проч. Г. Головачевъ скажетъ: „вы боретесь съ призраками“, вы фантазируете. Избави Богъ! Фан-

тазировать—значить рисовать что нибудь небывалое, химерическое, нелѣпое; фантазировать на настоящую тему могуть столичные теоретики, жмущіе руки неизвѣстныхъ имъ лѣсныхъ героевъ потому только, что эти герои успѣли поймать ихъ, кажутся имъ такъ милы, эластичны, услужливы, предупредительны, элегантны, что манеры и перчатки ихъ такъ безукоризненны; а мы, которые изжили свой вѣкъ среди людей, о которыхъ идетъ рѣчь, которые были не зрителями изъ райка, а дѣйствующими лицами двухъ драмъ, которые изучили душу и исторію своихъ сосѣдей отъ алфы до омеги, изучили всѣ приманки, прикрывающія польскія удочки, всѣ орудія и пріемы битвы ихъ съ *нами*, не имѣемъ даже нужды замѣнять фантазіей недостатокъ положительнаго знанія. Мы довольно зорки и опытны для того, чтобы не считать настоящее затишье вѣрнымъ признакомъ невозможности бури, чтобы придавать разнымъ обѣтамъ, заявленіямъ усердія, доброжелательства, незлобія то значеніе, какое придаютъ имъ слишкомъ гуманные или несвѣдущіе теоретики. Мы не увлечемся оптимизмомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать въ краѣ закалъ папства, земли панскія, ксендзъ и польская женщина, пока не вылетитъ изъ головы патріотовъ мысль объ освобожденіи отъ „москалей ойчизны", пока будетъ продолжаться интрига противъ Россіи папствующаго запада и бѣглыхъ поляковъ. Пока не случится всего этого, пока на сторонѣ нашей не будетъ огромнаго большинства территоріи и интеллигенціи западной Россіи, пока не произойдетъ историческій поворотъ судебъ здѣшняго края тремя—четырмя вѣками назадъ,—до тѣхъ поръ мы не находимъ основанія отказаться отъ нашего пессимизма. Исторія—за насъ, логика, психологія—тоже, настоящее не противъ насъ, противъ насъ, опять повторимъ, только кабинетные, слишкомъ гуманные или несвѣдущіе теоретики. И самъ г. Головачевъ не вѣритъ своему оптимизму, когда говоритъ: „мнѣ *кажется* положенъ рѣшительный конецъ успѣху польскихъ происковъ". Однимъ словомъ—намъ да-

же грустно и досадно, что мы поставлены въ необходимости четвертый разъ трактовать о необходимости *въ Россіи русскаго землевладѣнія.*

Посмотримъ, однако, на тѣ положенія, которыми г. Головачевъ думаетъ поддержать свою теорію безвредности польскаго и вредности русскаго землевладѣнія въ западной Россіи. Для большей ясности и краткости, будемъ перифразировать и упрощать своими словами мысль г. Головачева тамъ, гдѣ она разсыпана на пространствѣ девяти столбцевъ, и тамъ, гдѣ она завита, напудрена и замаскирована мудреными фразами и сторонними разглагольствіями.

Главная мысль, на которую хочетъ опереться г. Головачевъ, можетъ быть выражена такъ: при нашей бѣдности, мы не можемъ удѣлить капиталовъ на усиленіе русскаго землевладѣнія въ западной Россіи, не ослабивъ землевладѣнія и благосостоянія внутреннихъ губерній. Для болѣе логичнаго и безошибочнаго анализа этой мысли, мы должны разбить ее на двѣ половины: нашу бѣдность и ущербъ интересовъ внутреннихъ губерній отъ удѣла капиталовъ на территоріальныя пріобрѣтенія въ западной Россіи. Наша бѣдность не такъбезусловна и поголовна,какъэто представлятся г. Головачеву. Въ 70 мильонной націи (*) можно полагать хоть $1/_{200}$ людей, болѣе чѣмъ достаточныхъ. Націю, которая, какъ слышно, скоро имѣетъ приступить къ третьему внутреннему займу во 100 мильоновъ, нельзя назвать бѣдною. Государства, которое могло въ три мѣсяца отпустить заграницу болѣе 10 мильоновъ четвертей разнаго хлѣба, въ банкъ котораго прилило, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, около 30 мильоновъ звонкой монеты, нельзя назвать бѣднымъ. Людей, которые всостояніи всякій годъ разсорить, болѣе чѣмъ непроизводительно, около 50 мильоновъ русскихъ денегъ заграницей, нельзя назвать бѣдными. И въ средѣ русскихъ землевладѣльцевъ есть доволь-

(*) Не считая поляковъ и евреевъ.

но личностей, которыя могутъ удѣлить часть свободныхъ, прадѣдовскихъ, дѣдовскихъ и отеческихъ капиталовъ на великое и святое дѣло территоріальнаго обрусѣнія полупольской западной Россіи. Но и внѣ великорусскихъ землевладѣльцевъ есть еще много людей съ болѣй или менѣе значительными капиталами. Эти люди—чуть-не половина купцовъ и нѣкоторая часть воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, сберегшихъ, при хорошемъ содержаніи и скромномъ родѣ жизни, большій или меньшій капиталецъ—про черный день. Эти послѣдніе, въ большинствѣ обезпеченные выслуженною пенсіей, могутъ вложить весь свой капиталъ безъ остатка въ поземельную, соотвѣтствующую ихъ средствамъ, собственность. При самомъ дурномъ складѣ экономическихъ обстоятельствъ, при самыхъ чувствительныхъ для всякаго другаго землевладѣльца измѣнахъ урожая, они могутъ жить безбѣдно. Предметы первой необходимости у нихъ непокупные, а пенсія вполнѣ гарантируетъ расходы на предметы фабричные и заводскіе. При городской дороговизнѣ, будучи недостаточной для покрытія расходовъ на всѣ жизненныя потребности, эта же самая пенсія дѣлается богатою на селѣ, для человѣка, имѣющаго ненаемную квартиру, непокупной хлѣбъ и многое другое. Большинство здѣшнихъ чиновниковъ очень хорошо понимаетъ этотъ расчетъ, но, до нѣкотораго времени, что называется, жмется, иногда „поетъ даже Лазаря“, думая получить такой или иной клочекъ земли на болѣй или менѣе льготныхъ условіяхъ. Но когда источникъ такого полученія имѣній изсякнетъ, мы можемъ не безъ основанія увѣрить г. Головачева, что покупщиками большинства имѣній, подлежащихъ обязательной, по силѣ указа 10 декабря 1865 года, продажѣ, явятся вышеуказанные чиновники. У кого не хватитъ собственныхъ средствъ для пріобрѣтенія имѣнія, тотъ купитъ его при пособіи незначительной ссуда въ „Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита“.

Въ этихъ наблюденіяхъ и соображеніяхъ уже заключается часть отвѣта и на вторую половину мысли г. Голо-

вачева, то есть: пріобрѣтеніе имѣній въ западной Россіи можетъ обойдтись безъ подрыва интересовъ внутреннихъ губерній и урывка капиталовъ, необходимыхъ для ихъ благосостоянія. Предположимъ даже, что безъ этого обойдтись невозможно, при покупкѣ польскихъ имѣній. Чтожъ изъ этого? Ужели передвинутый капиталъ изъ сѣверовосточной Россіи въ сѣверо или югозападную *Россію же* нужно считать погибшимъ или, покрайней мѣрѣ, непроизводительнымъ? Отнюдъ нѣтъ! Это было бы только извлеченіе капитала изъ одного предпріятія (иногда—просто изъ кармана, или кредитнаго учрежденія) и вкладъ его въ другое, несравненно выгоднѣе; это было бы только сѣяніе на новой почвѣ, а не бросанье сѣменъ въ огонь или въ воду; это была бы только пересадка, а не порубка фруктовыхъ деревъ, была бы,-употребимъ еще болѣе наглядное сближеніе,-перекладка нашихъ денегъ изъ одного кармана въ другой. И тамъ Россія, и здѣсь Россія, „не ворогу перейдэ", какъ выражаются малороссы. Это—не то, что невозвратный уплывъ заграницу нашихъ мильоновъ, вывозимыхъ туда нашими туристами и поставщиками моднаго тряпья, уродливыхъ шиньоновъ, косметическихъ прикрасъ, продуктовъ антечнаго шарлатанства и проч.

Мы недавно намекнули на производительность затраченныхъ въ западной Россіи капиталовъ на покупку имѣній—и намекнули не случайно. Едва ли есть затрата капитала болѣе благодарная, чѣмъ затрата его на покупку имѣній вообще и въ западной Россіи въ частности. Цѣна на имѣнія теперь упала чуть ли не на 50%; (иногда на 200); это цѣна не нормальная, переходная: такихъ цѣнъ нѣтъ въ Европѣ; послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ и умноженія народонаселенія и колонизаціи, и у насъ ихъ не станетъ. Свободнымъ трудомъ мы не можемъ объяснить этой дешевизны, и въ остальной Европѣ нѣтъ труда обязательнаго, а между тѣмъ тамъ цѣны земли втрое—вчетверо больше нашихъ; тамошніе порядки скоро перейдутъ и къ намъ. Далѣе,—въ югозападной полосѣ Имперіи поч-

ва более производительна, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Въ сѣверозападной полосѣ земля менѣе благодарна, но выгоды отъ землевладѣнія едва ли не равномѣрны. Въ этой полосѣ за то болѣе сплавочныхъ рѣкъ; въ ней цѣны на произведенія земли всегда высоки, такъ что недостатокъ изобилія плодовъ земныхъ вознаграждается ихъ цѣнностью; страна прорѣзана шоссейными и желѣзными путями сообщенія; сбытъ за границу водой и чугункой близокъ и удобенъ. Что пользы, если гдѣ либо пудъ ржи по 10 копѣекъ, а сбывать не кому? Такое обиліе только составляетъ бремя для производителя. Словомъ—стоитъ только не поскупиться на *личное* въ дѣлѣ участіе, да запастись умѣньемъ, и капиталъ, посѣянный на почвѣ западной Россіи, дастъ плодъ обильный.

И затраты капиталовъ на отдѣльныя имѣнія не такъ огромны, какъ это нѣкоторымъ представляется сквозь призму теоріи. Мы должны здѣсь окинуть хоть бѣглымъ взглядомъ разныя группы пріобрѣтаемыхъ въ западномъ краѣ имѣній и указать способъ ихъ пріобрѣтенія. Имѣнія, продающіяся съ разсрочкою $^4/_5$ покупной суммы на 37 лѣтъ, могутъ, слѣдовательно, быть пріобрѣтены за $^1/_5$ ихъ стоимости. И этой $^1/_5$ можетъ не быть у покупателя: онъ можетъ получить ее въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. или призанять у частныхъ людей, положимъ, евреевъ, съ которыми покупщикъ разсчитается *черезъ два-три мѣсяца,* тотчасъ, то есть, послѣ полученія ссуды въ обществѣ. Не разъ уже покупались такія имѣнія безъ затраты и 100 рублей собственныхъ денегъ, со стороны покупателя; онъ только долженъ имѣть въ запасѣ двѣ-три (смотря по величинѣ имѣнія) тысячи, для обзаведенія всѣмъ нужнымъ въ быту сельскаго хозяина. Можно даже и эти двѣ три тысячи занять у того же общества; но, конечно, лучше обойтись безъ ссуды, иначе проценты будутъ довольно чувствительны для молодаго землевладѣльца и онъ долженъ будетъ вести дѣла осторожно и умѣючи, или долженъ купить имѣніе слишкомъ дешево, чтобы не пасть подъ

бременемъ процентовъ. Имѣнія конфискованныя, поіезуитскія и фермы, образованныя изъ участковъ государственныхъ имуществъ, пріобрѣтаются вовсе безъ денегъ: онѣ, какъ извѣстно, раздаются оказавшимъ особыя услуги краю людямъ русскимъ, по дешевой оцѣнкѣ, съ выплатою оцѣночной суммы безъ процентовъ въ теченіи 20 лѣтъ. Имѣнія, по силѣ указа 10 декабря 1865 года, подлежащія обязательной продажѣ, могутъ быть тоже куплены при помощи ссуды и притомъ весьма дешево. Тѣ польскіе землевладѣльцы, которые доселѣ упорствовали въ продажѣ своихъ, теперь оцѣнивающихся, имѣній и которые намѣрены продолжать это упорство до послѣдняго момента, потеряютъ 50 и болѣе процентовъ стоимости имѣнія,—такъ какъ оцѣнка имѣній производится согласно инструкціи, составленной г. министромъ государственныхъ имуществъ и 6 марта 1866 года Высочайше утвержденной, для раздачи казенныхъ участковъ чиновникамъ на льготныхъ условіяхъ, то есть: для оцѣнки имѣній берется въ расчетъ десятилѣтняя сложность дохода съ оброчныхъ статей имѣнія и стоимость земли, сообразно оцѣнкѣ, крестьянскихъ надѣловъ. Постройки, сады, не отдаваемые въ наемъ, лѣса, воды почти не входятъ въ расчетъ при оцѣнкѣ имѣнія; а стоимость этихъ частей имѣнія иногда далеко превышаетъ оцѣночную его цифру. По этой оцѣнкѣ, имѣнія упорныхъ пановъ поступятъ въ казну и продадутся съ публичнаго торга, на условіяхъ, указанныхъ для первой категоріи имѣній, а, быть можетъ, будутъ подведены подъ вторую категорію имѣній, то есть, будутъ, въ случаѣ непродажи, розданы людямъ русскимъ на льготныхъ условіяхъ, а хозяевамъ имѣній будутъ выданы 5% ренты. Тѣ землевладѣльцы польскіе, которые не хотятъ подвергнуть своихъ имѣній случайностямъ такой продажи, или секвестра продаютъ ихъ теперь не только по оцѣночной, но иногда и меньшей цѣнѣ. Знакомый пишущаго эти строки, г. Г. вчера купилъ одно изъ такихъ имѣній за 6000 р., *сраз-*

срочкою выплаты денегъ, тогда какъ въ этомъ имѣніи 870 десятинъ (въ томъ числѣ 440 десятинъ лѣсу) земли, 12 новыхъ, на каменныхъ фундаментахъ, съ такими же устоями, построекъ, садъ, рыбный прудъ и проч. Сегодня, въ здѣшнемъ губернскомъ управленіи, продается за 3000 имѣніе, которое стоило, въ эпоху крѣпостничества, тысячъ тридцать, и однѣ оброчныя статьи котораго приносятъ дохода болѣе 400 руб. Первое изъ этихъ имѣній въ 50, а второе въ 15 верстахъ отъ желѣзной дороги и въ 10 верстахъ отъ своихъ уѣздныхъ городовъ. При такихъ покупкахъ и продажахъ имѣній, нѣтъ мѣста трактаціямъ о затратѣ капиталовъ, ихъ реализаціи, о нашей бѣдности, низкомъ курсѣ нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ и проч.; а такія покупки и продажи, на пространствѣ западной Россіи, будутъ совершаться чуть не ежедневно. Стоитъ только защитить русскихъ покупателей отъ разнообразныхъ интригъ, затрудненій и продѣлокъ, которыми панство усиливается затормозить территоріальное обрусѣніе края, а покупателямъ стоитъ только имѣть гражданскую честь—не отдавать изъ-подъ руки купленныхъ имѣній въ аренду ни полякамъ, ни евреямъ, не держать изъ этой среды ни управляющихъ, ни экономовъ,—чтобы затраченный капиталъ далъ сто на сто, а край принялъ совсѣмъ иную физіономію.

Такимъ образомъ, первая половина поцитованной выше мысли г. Головачева есть противорѣчіе истинѣ, а вторая—софизмъ.

Совсѣмъ къ иной категоріи нужно отнесть имѣнія совершенно свободныя. По изложеннымъ выше причинамъ, владѣльцы такихъ имѣній запрашиваютъ за нихъ такія цѣны, которыя были бы странны и во время крѣпостнаго права. Такой запросъ есть нежеланіе продать, облеченное только въ особую форму, отзывающуюся насмѣшкой надъ русскими покупателями. Серьозиыхъ покупщиковъ такихъ имѣній слишкомъ мало, а продавцевъ еще менѣе. Особенно въ головы магнатовъ никогда и не заглядывала

мысль о продажѣ своихъ имѣній, состоящихъ нерѣдко въ городахъ и чуть не въ цѣлыхъ областяхъ. Такіе паны стоятъ внѣ зависимости отъ давленія настоящихъ затрудненій; они могутъ только на нѣкоторое время поузить свои аристократическія затѣи, могутъ немножко погнуться, но не изломаться. У нихъ лежатъ мильоны, выжатые изъ труда русскаго народа и положенные въ англійскомъ банкѣ, про черный день ихъ потомковъ. Однихъ процентовъ съ этихъ мильоновъ болѣе чѣмъ достаточно для привольной жизни и независимости отъ финансовыхъ кризисовъ. Продадутъ свои имѣнія свободно только весьма немногіе паны, увязнувшіе въ безвыходное экономическое затрудненіе, сдѣлавшіе слишкомъ порывистое и усердное приношеніе „ржонду народовому", и притомъ обладающіе если не благоразуміемъ, то хоть индифферентизмомъ политическимъ. А такихъ пановъ (обладающихъ благоразуміемъ) наберется весьма—и весьма не-много, тогда какъ очень—и очень хотѣлось бы, чтобъ ихъ было побольше; потому что польскія имѣнія, свободныя отъ соприкосновенности политической, такъ относятся къ имѣніямъ конфискованнымъ и секвестрованнымъ, какъ (примѣрно) 20:1. О затратѣ капиталовъ на покупку такихъ (свободныхъ) имѣній не стоилобъ и говорить, еслибы мы не были вызваны къ тому контекстомъ рѣчи и полностью обзора; что не продается, или предлагается въ продажу для шутки, того нельзя купить.

Допустимъ даже невозможное,—допустимъ, что пріобрѣтеніе имѣній въ западной Россіи не можетъ совершиться безъ ущерба экономическаго,—и въ такомъ даже случаѣ принципу политическому должны быть принесены нѣкоторыя жертвы принципомъ финансовымъ. Послѣдній касается неудобствъ внѣшнихъ, частныхъ, переходныхъ, тогда какъ первый касается спокойствія, цѣлости, жизни націи. Развѣ Пруссія сдѣлала свои послѣднія пріобрѣтенія безъ всякихъ пожертвованій финансовыхъ? Развѣ Италія поскупилась бы на всевозможныя жертвы, чтобъ овладѣть

Римомъ? Когда рождаедся вопросъ: что спасать во время пожара—жизнь или имущество, мы, конечно, не станемъ сомнѣваться, чему отдать преимущество. Когда на насъ установлено дуло револьвера, мы не будемъ безпокоиться о томъ, что пуля его испортитъ наше модное пальто или дорогую шубу.

Одно только—и весьма серьозное—затрудненіе встрѣчаютъ пріобрѣтатели секвестрованныхъ и конфискованныхъ имѣній—въ тяготѣніи надъ ними долговъ, нерѣдко вдесятеро и болѣе превышающихъ ихъ стоимость. Большинство такихъ долговъ—искуственнаго, политическаго происхожденія. Едвали были такіе польскіе помѣщики, которые, такъ или иначе, не принимали бы участія въ минувшемъ возстаніи. Не зная какой, приметъ исходъ „справа народова“, польскіе обыватели старались заручиться обезпеченіемъ себя съ матеріальной стороны, въ случаѣ fiasco этой справы, компромисса ихъ самихъ и секвестра либо конфискаціи имѣній. Они начали взаимно снабжать своихъ родныхъ и немногихъ другихъ лицъ, на которыхъ могли вполнѣ положиться, закладными на имѣнія, разнаго вида безденежными долговыми обязательствами, которыми могли бы воспользоваться лица, ускользнувшія отъ отвѣтственности предъ закономъ, и которыя дружелюбно подѣлились бы послѣ съ хозяевами имѣній, вырученными за проданныя, или взятыя въ казну имѣнія, суммами; болѣе предусмотрительные предоставляли имѣнія свои въ пожизненное владѣніе ближайшихъ родныхъ и проч. Они расчитывали, что простодушная „*Москва*“, овладѣвъ имѣніями политическихъ преступниковъ, наживетъ себѣ только хлопоты и убытки, будучи поставлена въ необходимости выплачивать долги, далеко превышающіе стоимость имѣній. Прежніе порядки давали имъ право услаждаться подобными мечтами. Смѣло можно сказать, что всѣ почти обязательства, мнимо или дѣйствитель-

но сдѣланные долги, со времени „офяръ на справу народову“, то есть съ послѣдней половины 61 года и далѣе,— сдѣланы или для поддержанія минувшаго бунта, или для выгоднаго сбыта имѣній, въ случаѣ отобранія ихъ въ казну, или для обхода закона, на случай секвестра или конфискаціи имѣній. Этотъ маневръ не укрылся отъ зоркости правительства, и Западный Комитетъ, правилами, составленными для удовлетворенія по долговымъ обязательствамъ, лежащимъ на секвестрованныхъ имѣніяхъ, и 15 марта 1863 года Высочайше утвержденными, постановилъ—удовлетворять, съ особенною осмотрительностію, тѣ только, очевидно-несомнѣнные долги, которые закрѣплены формально до 15 марта 1863 года, „что же касается сохранныхъ и другихъ росписокъ, то никакого по нимъ удовлетворенія не производить“. (*) Сверхъ того правительство хотѣло парализовать расчеты соприкосновенныхъ къ минувшему бунту польскихъ помѣщиковъ посредствомъ указанной выше оцѣнки ихъ имѣній; но эта мѣра оказалась на практикѣ не болѣе какъ полумѣрою: она достигаетъ цѣли въ такомъ только случаѣ, когда сумма признанныхъ судомъ долговъ не превышаетъ оцѣночной цифры имѣній, въ противномъ случаѣ, имѣніе предназначается къ публичной продажѣ и подвергается опытамъ всевозможныхъ ухищреній панскихъ. Если панамъ никакими мѣрами не удастся поднять оцѣночную цифру, они надѣются посредствомъ разныхъ подставныхъ лицъ, и другихъ махинацій, набить цѣну имѣній при публичной продажѣ (**). Правда, судебныя инстанціи сокра-

---

(*) Сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева.—Вильна 1866 года стран. 330, 331. На первой изъ этихъ страницъ допущена весьма важная опечатка,—вмѣсто 1863 г., напечатано 1861 г.

(**) Немѣшало бы распорядиться такъ, чтобы, при публичной продажѣ польскихъ имѣній, въ аукціонной залѣ находились только одни покупщики имѣній, а стороннія лица, особенно польскаго происхожденія, не допускались въ нее.

щають цифру лежащихъ на имѣніяхъ долговъ до невѣроятныхъ размѣровъ, — такъ очевидѣнъ подлогъ и безденежность большинства обязательствъ,—при всемъ томъ есть еще довольно конфискованныхъ и секвестрованныхъ имѣній, лежащіе на которыхъ и такъ или иначе признанные судомъ долги, связываютъ руки правительства и пріобрѣтателей. Мы позволяемъ себѣ думать, что можно бы менѣе стѣсняться этими, болѣе чѣмъ на половину, злонамѣренными и искуственными долгами, и передавало имѣнія по оцѣночной цифрѣ людямъ русскимъ, на льготныхъ условіяхъ. Если самые невинные заимодавцы нерѣдко считаютъ себя счастливыми, когда получаютъ 50 за 100, то тѣмъ болѣе должны считать себя такими люди, которые ссужали польскихъ революціонеровъ деньгами предъ бунтомъ, или во время бунта, и которыхъ можно бы нѣкоторымъ образомъ считать даже пособниками минувшаго возстанія. Безъ этой мѣры вопросъ о русскомъ въ краѣ землевладѣніи будетъ рѣшенъ и не скоро, а можетъ быть и съ пользою для польской справы.

Г. Головачевъ желаетъ, чтобъ обрусѣніе края шло путемъ нравственнымъ, чтобъ „упроченье русскаго элемента въ западномъ краѣ состояло въ усиленіи мѣстнаго русскаго элемента, (*) въ дарованіи ему средствъ самоуправленія, въ развитіи образованія и въ такихъ учрежденіяхъ, которыя не допускалибъ и мысли о возможности польскимъ помѣщикамъ портить русское дѣло.“ Фразы эти требуютъ разграниченія и уясненія. Усилить мѣстный русскій элементъ въ краѣ,—безъ усиленія русскаго землевладѣнія,—не возможно болѣе, чѣмъ сколько онъ усиливается. Большинство народа и чиновниковъ — русское, православное; институтъ мировыхъ учрежденій—полностью—русскій, пра-

(*) Г. Головачевъ любитъ повторенія и плеоназмы.

воспаленный, такъ что только и остается возможность усиленія русскаго элемента посредствомъ увеличенія цифры русскихъ землевладѣльцовъ. Въ какой мѣрѣ важно это послѣднее приращеніе русской въ краѣ силы, очевидно для всякаго, кто хочетъ и можетъ всмотрѣться въ дѣло поближе и пристальнѣе. Хотя г. Головачевъ „не можетъ понять, что могутъ сдѣлать для русскаго дѣла въ этомъ (западномъ) краѣ русскіе землевладѣльцы“, и даже категорически утверждаетъ, что „они, какъ люди пришлые, которыхъ никто не знаетъ, ровно никакого не будутъ имѣть вліянія въ мѣстахъ своего поселенія, а если и пріобрѣтутъ его то оно останется непримѣнимымъ къ жизни“; но мы думаемъ, что г. Головачевъ или приписываетъ себѣ напрасную скромность, или впадаетъ въ непростительную ошибку. Всякій, а тѣмъ болѣе г. Головачевъ, долженъ „понимать“ качество и количество того вліянія, какое можетъ имѣть землевладѣлецъ на окружающую его среду, а тѣмъ болѣе на народныя массы своихъ сосѣдей. Землевладѣлецъ находится въ постоянныхъ, и матеріальныхъ и моральныхъ, соприкосновеніяхъ съ своими односельцами. Онъ составляетъ голову того организма народнаго, среди котораго живетъ,—центръ, къ которому—такъ или иначе—тяготѣютъ интересы околодка. Онъ даетъ иниціативу тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя могутъ распространить вокругъ него довольство, миръ и счастье. Онъ—образецъ для подражанія въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи; онъ можетъ, онъ долженъ способствовать устройству школы, поддержкѣ церкви, причта, организаціи братствъ или церковныхъ совѣтовъ, учрежденію сельскихъ банковъ, устраненію пролетаріата и упадка нравственности, можетъ оказать важныя услуги санитарной сторонѣ населенія, а особенно можетъ способствовать возможности открытія въ западной Россіи земскихъ учрежденій и давать иниціативу ихъ дѣятельности. Солидарность крупнаго (относительно) землевладѣльца (помѣщика) съ мень-

шими (его односельчанами) въ отправленіи всѣхъ функцій народной жизни, устранить много недоразумѣній, прекратить много дрязгъ, столкновеній, натянутыхъ и даже враждебныхъ отношеній, неизбѣжныхъ, при разрозненности взаимныхъ симпатій ихъ, убѣжденій, интересовъ и преданій. Русскій помѣщикъ едва ли откажетъ крестьянину-сосѣду въ разныхъ одолженіяхъ и услугахъ, безъ которыхъ послѣдній не можетъ обойдтись, но которыя находятся въ рукахъ перваго: онъ не отрѣжетъ отъ крестьянъ водопоя и не заставитъ ихъ дѣлать обходъ въ двѣ-три версты, чтобы подойдти къ рѣкѣ или озеру; онъ не потребуетъ тяжкаго выкупа за пойманную на своемъ (нерѣдко и на крестьянскомъ) лугу или пастбищѣ крестьянскую скотину; онъ не заграбитъ телеги, съ везущими ее животными, если сосѣдъ его везетъ на этой телегѣ нѣсколько полѣньевъ полуистлѣвшаго валежнику; онъ—мы въ томъ увѣрены—подѣлится съ сосѣдомъ, въ случаѣ крайности послѣдняго, чѣмъ Богъ послалъ; онъ не будетъ явно и тайно подущать народъ къ разладу съ мѣстными властями, не будетъ распускать ложныхъ, вредныхъ русской вѣрѣ и народности, слуховъ; не станетъ плакать притворно предъ крестьянами о произволѣ мироваго, о „сдирствѣ“ на разные податки, о тяжести рекрутчины, о необразованности и корыстолюбіи православнаго духовенства, о вредѣ отъ посыланія дѣтей въ школу; онъ не поставитъ въ ложное положеніе крестьянъ и тѣмъ не вызоветъ власть къ репрессивнымъ мѣрамъ; онъ не войдетъ съ евреемъ въ интимныя отношенія, направленныя къ обоюдной эксплуатаціи труда, довольства, здоровья и нравственности народа, а главное,—въ случаѣ „повстанья“, онъ не будетъ подущать и насиловать крестьянъ къ уклоненію съ пути долга и присяги. Признательный къ русскому помѣщику за разныя услуги, народъ не оставитъ его съ своей стороны, безъ взаимныхъ услугъ и выручитъ изъ разныхъ экономическихъ затрудненій: поля такого помѣщика не будутъ обсѣменены послѣдними, сѣно не перерос-

теть и не согніеть на покосѣ, хлѣбные колосья не свалятся на землю отъ перезрѣлости, работникъ не станетъ требовать за свой трудъ цѣнъ баснословныхъ,—что теперь поражаетъ вниманіе наблюдателя въ большинствѣ хозяйствъ польскихъ землевладѣльцевъ и тѣмъ поставляетъ экономію края въ самое критическое положеніе. Память народная, слагающаяся изъ мильоновъ памятей, не можетъ быть такъ слаба, какъ память нѣкоторыхъ недѣлимыхъ: онъ не можетъ забыть вѣковыхъ, кровавыхъ обидъ и насилій, перенесенныхъ отъ разнаго панства, и старается теперь, по своимъ средствамъ, разсчитаться за свое прошедшее. Если гдѣ и попадаются случаи добрыхъ отношеній крестьянъ (православныхъ) къ польскимъ помѣщикамъ, то мы имѣемъ основаніе смотрѣть на такія отношенія, какъ на лукавство съ одной и политико-экономическій расчетъ съ другой стороны: крестьяне не вѣрятъ искренности недавняго панскаго доброжелательства, въ своемъ кружку подтруниваютъ надъ нимъ, а паны, въ свою очередь, восторгаются, что поймали—какъ имъ кажется—въ свою ловушку „глупое быдло, хамску кревъ, псю вяру". Такія отношенія, очевидно, опаснѣе натянутыхъ и даже прямо враждебныхъ, такъ какъ въ основаніи ихъ лежитъ фальшъ, задняя мысль, пропаганда, и такъ какъ нравственная сила—на сторонѣ враждебной обрусѣнію края. Хотя г. Головачевъ и называетъ „подобныя воззрѣнія обветшалыми", но это не мѣшаетъ имъ быть правдивыми, основанными на фактахъ, ежедневно поражающихъ вниманіе зрячихъ туземцевъ. То, что представляется въ теоріи такимъ, иногда бываетъ на практикѣ совершенно инымъ; то, что *„кажется"* не всегда похоже на то, что есть. Могутъ иныя явленія представляться въ искаженномъ видѣ, особенно если между ними и наблюдателемъ разстояніе въ полторы тысячи верстъ.

„Могутъ, возражаетъ г. Головачевъ,—быть и русскіе, отъ которыхъ дай Богъ быть подальше"; но онъ снова противополагаетъ нашему *есть* свое *„кажется"*, заключа-

етъ отъ возможнаго къ дѣйствительному, что воспрещаетъ самая элементарная логика. Конечно, исключенія изъ правила возможны; но это не ослабляетъ значенія и силы правила. Если огонь можетъ сжечь зданіе, то неужели не нужно топить въ печкѣ, освѣщать комнаты, варить пищу? Ужели не нужно ловить рыбу, потому что въ рыболовную сѣть можетъ попасть и лягушка? При солидарности въ сосѣдяхъ религіозныхъ и гражданскихъ убѣжденій, при отсутствіи заднихъ мыслей и причинъ къ разладу, апатіи, зложелательству, памятозлобію, трудно предположить между ними безпричинныя ненормальныя отношенія. Въ самомъ крайнемъ случаѣ, „въ семьѣ" русскихъ землевладѣльцевъ, найдется столькоже „уродовъ", сколько можно найдти неуродовъ въ семьѣ польскихъ.

Фраза г Головачева объ усиленіи въ краѣ русскаго вліянія посредствомъ „развитія образованія" тоже нуждается въ анатоміи. Если г. Головачевъ заботится объ образованіи народа, то его желаніе вполнѣ исполняется. Едвали найдется въ западной Россіи село, въ которомъ не было бы такой или иной сельской школы, приспособленной къ *главнымъ потребностямъ* народной жизни. Въ этомъ отношеніи западная Россія опередила сѣверовосточную Впрочемъ, это образованіе, внося свѣточь въ темную доселѣ душу нашего простолюдья, развивая его какъ человѣка, едвали особенно необходимо, какъ средство къ усиленію въ немъ русскаго патріотизма,—къ „усиленію въ западной Россіи русскаго вліянія". Во время минувшаго мятежа, неграмотный народъ далеко упруже и разумнѣй отнесся къ обольщеніямъ и насиліямъ ксендзо шляхетскимъ, чѣмъ образованные и полуобразованные. Сознаніе долга, честное исполненіе обязанностей гражданина не всегда есть прямой результатъ *теоретическаго* развитія человѣка.

Если г. Головачевъ желаетъ „упрочить русское въ западномъ краѣ вліяніе посредствомъ развитія образованія шляхты, то мы еще менѣе можемъ съ нимъ согласиться.

Главное зло края и составляетъ именно огромный излишекъ привиллегированнаго сословія и, слѣдовательно, огромный перевѣсъ интеллектуальной силы на сторонѣ враждебнаго „русскому вліянію“ элемента. И безъ того наши среднія и низшія учебныя заведенія западной Россіи набиты дѣтьми разной шляхты, считающей неизмѣнною обязанностью образоваться на наши деньги и на зло намъ. Мы уже не одно поколѣніе образовали прошедшихъ и образуемъ будущихъ враговъ Россіи. Говоримъ: враговъ Россіи потому, что образованіе шляхты, *на какомъ бы языкѣ оно ни производилось,* никогда не образуетъ въ этой средѣ патріотовъ русскихъ, не ослабитъ ихъ задора, легкомыслія, самомнѣнія, утопій. Образованіе этой среды ведетъ къ результатамъ, радикально—противоположнымъ тѣмъ, какихъ думаетъ посредствомъ его достигнуть г. Головачевъ. Чѣмъ больше будетъ развито въ этой средѣ образованіе, тѣмъ больше изъ нея будетъ выходить ксендзовъ-фанатиковъ, чиновниковъ, служащихъ „польской справѣ“, оффиціалистовъ, портящихъ русское народонаселеніе, враждебной намъ разной буржуазіи,-то есть людей, доставлявшихъ самый большій контингентъ для періодическихъ польскихъ бунтовъ. Не скорѣе ли можно пожелать ослабленія въ этой средѣ образованія,—не посредствомъ, конечно, запрета получать образованіе, а посредствомъ уменьшенія въ западномъ краѣ учебныхъ заведеній, которыхъ тутъ, въ сравненіи съ Великороссіей и русской интеллигенціей края, несоразмѣрно большее число, и обиліе, которыхъ какъ будто приспособлено къ преобладанію польской интеллигенціи, къ обилію эксплуатирующей край, ищущей образованія на счетъ русской казны, шляхты. Мы попреимуществу говоримъ здѣсь о шляхтѣ, то есть о средней и низшей части привиллегированнаго сословія, потому что сколько нибудь достаточный панъ, а тѣмъ болѣе магнатъ, никогда не пошлетъ своихъ дѣтей въ русскія школы, а будетъ воспитывать ихъ или дома, или заграницей.

Если г. Головачевъ разумѣетъ не столько количественую, сколько качественную сторону образованія, думаетъ, то есть, „упрочить русское вліяніе“ посредствомъ сообщенія обученію пропагандирующаго въ пользу Россіи характера и направленія и преподаванія предметовъ на русскомъ языкѣ,—то онъ отчасти неопредѣленно выразился, отчасти опоздалъ съ своимъ желаніемъ: мѣра эта въ полномъ ходу,-примѣненіе ея къ образованію въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ не оставляетъ ничего желать болѣе со стороны педагогической; но нельзя сказать тогоже о результатахъ образованія, какъ бы оно ни было удовлетворительно и цѣлесообразно. Вполнѣ сознавая вліяніе нормальнаго образованія на развитіе человѣка, гражданина, семьянина, мы не можемъ усвоить ему того абсолютнаго значенія въ дѣлѣ обрусѣнія края, какое усвояетъ ему г. Головачевъ. Нашъ пессимизмъ особенно умѣстенъ, когда дѣло идетъ объ образованіи польскаго юношества. Это юношество твердо держится педагогической своей инструкціи, изложенной въ извѣстной рекламѣ: „Uczmy się [1]) (будемъ учиться), и вноситъ въ свою душу тѣ только отрывки научныхъ знаній, которые считаетъ пригодными дтя своей политической миссіи и житейскаго обихода, подобно тому, какъ травоядное животное, бродя по лугу, усѣянному тысячами растеній, выбираетъ изъ нихъ только тѣ, къ которымъ влечетъ его инстинктъ, и которыя удовлетворяютъ его вкусу и потребностямъ. Науки естественныя, математическія, техническія, богословскія, польское юношество, такъ сказать, пожираетъ съ жадностью, полной пастью; изъ наукъ историческихъ пріобщаетъ къ свѣденію только то, что хочется, вѣритъ только тому, что нравится. Половину исторіи Россіи, всю почти исторію Польши, въ томъ видѣ, какъ онѣ преподаются въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и какъ онѣ должны преподаваться, оно назы-

---

1) Документъ этотъ помѣщенъ во II отд. II-й кн. Вѣстника западной 1865/66 годъ и въ Виленск. Вѣст. 1866 г. № 23.

ваетъ „*кламствомъ*“ (ложью, обманомъ), „*байкою*“ (басн
По выходѣ изъ аудиторіи, польское юношество подни
етъ на смѣхъ провозглашенныя тамъ истины историчес
и, вперегонку другъ предъ другомъ, начинаетъ восторга
ся бреднями Лелевелей, Духинскихъ, Мицкевичей и
о вандализмѣ, татарщинѣ москвы, о величіи, благосост
ніи Польши, съ ея вольностью, равенствомъ и други
миражами. Изъ предметовъ филологіи меньше всего у
ляется вниманія языку русскому. Русская филологія,
дучи первымъ предметомъ de jure, дѣлается для этой с
ды послѣднимъ de facto. Только та часть польскаго ю
шества, которая мѣтитъ въ университетъ (не говоримъ
Главную школу) или въ чиновники, понеобходимости
нимается нѣсколько серьознѣе „*бараньимъ іензыкемъ*“. В
школы русская лингвистика не существуетъ для этой м
лодежи, а два—три часа въ день *кое-какой* школьной пра
тики въ русскомъ языкѣ развѣ всостояніи конкуррирова
съ практикой остальной жизни?

Наконецъ предположимъ, что польское юношество впо
нѣ овладѣло русской филологіей,—ужели вы, г. Головачев
думаете, что оно перестало быть польскимъ, сдѣлало
русскимъ? Ужели русскій, свободно владѣющій францу
скимъ (1), нѣмецкимъ, англійскимъ языками, превратил
оттого въ француза, нѣмца, англичанина? Языкъ есть внѣ
няя оболочка мысли, чувства; къ человѣку внутреннему я
зыкъ относится такъ, какъ одежда къ человѣку внѣшнему
порченой души языкъ не сдѣлаетъ ни умнѣе, ни честнѣ
Огрызки, Сѣраковскіе и многіе подобные имъ владѣли язы
комъ русскимъ не хуже насъ съ вами, г. Головачевъ,

---

1) Когда мы спрашивали у поляковъ: отъ чего они не говрятъ меж
собою порусски,-они обыкновенно отвѣчали намъ: «если вы такъ патрі
тично относитесь къ своему языку, то отъ чего это русскіе, считающ
себя сливками общества, постоянно говорятъ между собою пофранцузски
Мы, покрайней мѣрѣ, говоримъ на своемъ родномъ *славянскомъ* языкѣ, а в
мѣняете свой богатый, самостоятельный языкъ краденый изъ латинскаг
языкъ Франціи! Вы сами подаете намъ плохой примѣръ».

) не помѣшало имъ стоять во главѣ враговъ Россіи. Мо-
тъ случиться и то, что люди совершенствуются въ из-
:тномъ языкѣ для того только, чтобы плотнѣе маскиро-
ъся, удобнѣе отправлять *свою* миссію среди націи, го-
ящей этимъ языкомъ. Такое предположеніе всего лег-
примѣнить къ тѣмъ людямъ, о которыхъ говоримъ мы.
школѣ „Propagandae Fidei" разные миссіонеры отлично
ссируются во всевозможныхъ языкахъ, но это не мѣ-
етъ имъ служить только папѣ, а не націи, среди ко-
юй совершается ихъ миссія.

Г. Головачевъ желаетъ еще, для „упроченья русскаго
янія въ западномъ краѣ, самоуправленія". Не знаемъ,
г. Головачевъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ, а потому
отвѣчаемъ ему условно. Если онъ разумѣетъ самоу-
вленіе народа, то такое самоуправленіе, на сколько оно
можно и безопасно, существуетъ уже 6 лѣтъ. Большa-
или лучшаго самоуправленія желать не приходится: оно
ько контролируется и направляется къ общей пользѣ
жайшими къ народу властями; такое самоуправленіе съ
удомъ вы отыщете въ какой угодно націи. Если г.
ловачевъ желаетъ самоуправленія панства, то и панство,
своей стороны, ничего больше не желаетъ. Если да-
г. Головачевъ желаетъ скорѣйшаго открытія въ запад-
й Россіи земскихъ учрежденій, то панство желаетъ ихъ
е больше и нетерпѣливѣе. Оно уже неразъ подсказало
сколько въ этомъ родѣ фразъ нѣкоторымъ публицистамъ
корреспондентамъ, не разъ намекнуло въ газетахъ и не
газетахъ, что главное зло края въ отсутствіи земства.
нство очень хорошо знаетъ, на чьей сторонѣ будетъ о-
мное большинство и кто, слѣдовательно, будетъ заправ-
ъ дѣлами земства,—если только мы не сдѣлаемъ въ за-
дномъ краѣ значительныхъ территоріяльныхъ и инте-
ктуальныхъ пріобрѣтеній.

Еще г. Головачевъ говоритъ о какихъ-то другихъ
чрежденіяхъ, которыя бы не допускали и мысли о воз-

можности польскимъ помѣщикамъ портить (въ западном краѣ) русское дѣло"; но такъ какъ онъ не назвалъ этих учрежденій даже по имени, то объ нихъ неможетъ быть рѣчи. А должно быть эти учрежденія превосходны, ког да ими можно достигнуть такихъ блистательныхъ побѣд и когда безъ нихъ „польскіе помѣщики портятъ и будут портить русское дѣло"!

Третій, разсыпанный въ разныхъ отрывкахъ и оттѣн кахъ, на пространствѣ двухъ статей, аргументъ г. Голова чева, въ пользу собственно безвредности польскаго зем левладѣнія въ западной Россіи, можетъ быть резюмиро ванъ такимъ образомъ: „если будутъ предприниматься разныя мѣры къ упроченію русскаго въ краѣ элемента то прежнія явленія повториться не могутъ. То, что воз можно было при крѣпостномъ правѣ, сдѣлалось невозмож нымъ при настоящихъ порядкахъ (1). Да, и мы соглас ны съ г. Головачевымъ въ томъ, что если мы будемъ при нимать мѣры къ обрусѣнію края, будемъ продолжать на стоящіе порядки, то поворотъ къ прежнему не возможенъ, то край можетъ обруситъся окончательно. Но въ томъ-то и дѣло, что главнѣйшею и дѣйствительнѣйшею изъ этих мѣръ *есть* и должно быть самое энергичное и возможно большее усиленіе русскаго землевладѣнія, безъ котораго всѣ другія мѣры будутъ постройкой на воздухѣ, сѣянь емъ на водѣ, безъ котораго мы не можемъ утвердиться въ краѣ, ослабить силу нашихъ стародавнихъ непріятелей, сидящихъ пока тихо потому только, что шумѣть неудобно. Но пусть только другая—третья газета подхватитъ тео рію г. Головачева, пусть эта теорія изъ прессы перейдетъ въ общество, примѣнится къ практикѣ, пусть только энергія и зоркость администраціи ослабнутъ, настоящія

---

1) А вѣдь г. Головачевъ прежде выражался не такъ категорически,—онъ говорилъ: „*кажется*".

іѣры къ возрожденію края прекратятся, мысль о примиеніи съ тѣми, съ которыми мы и недумали ссориться, и оторые и не мечтали съ нами мириться, заразитъ эпиемически умы и сердца русскаго общества; пусть только ановъ оставятъ на время въ покоѣ, не обращаютъ на нихъ ниманія, дадутъ имъ время и возможность оправиться, мы за будущее не ручаемся. Мы не утверждаемъ, чтобы ъ *близкомъ* будущемъ могли буквально повториться сцены 0 и 63 годовъ, но внутреннія и внѣшнія интриги, наравленныя къ тому, чтобы перессорить насъ съ Европой,- еликороссовъ съ мало—и бѣлороссами, чтобы парализироать мѣры правительства и добрыя начинанія народа, поавить въ сомнительныя отношенія власть къ народу, рессу къ администраціи,—продолжаются и будутъ проолжаться до тѣхъ поръ, пока не накопится достаточно азнородныхъ матеріаловъ для слѣдующаго бунта, или поа Россія не будетъ вовлечена въ какое-нибудь столкноеніе политическое, о чемъ хлопочетъ бѣглая польша съ зумительнымъ рвеніемъ и постоянствомъ и, кажется, хлоочетъ не даромъ.—Крѣпостное право, на которомъ глав ѣйшимъ образомъ хочетъ опереться оптимизмъ г. Голоачева, и прекращеніемъ котораго онъ думаетъ доказать евозможность польскихъ бунтовъ, ровно ничего не доказываетъ. И въ 63 году крестьяне не только не принимаи *никакого* участія въ польскомъ возмущеніи, но во мноихъ мѣстахъ (особенно на югозападѣ Россіи) были главыми виновниками пораженія, разсѣянія и плѣненія краольниковъ. Да и самое возмущеніе началось вмѣстѣ съ вободою крестьянъ и скорѣе было вызвано желаніемъ родолженія крѣпостнаго права, нежели самимъ этимъ равомъ. Такое желаніе и теперь составляетъ любимую ечту головъ панскихъ и, слѣдовательно, не отрицаетъ озможности попытки возвратить столь вожделѣнную для анства эпоху рабства и *панщины*, безъ которыхъ полькіе помѣщики чувствуютъ себя въ положеніи рыбы безъ

воды. Всѣмъ извѣстно, кто составлялъ главную силу всѣхъ польскихъ бунтовъ: это ксендзъ, панъ, пани, чиновникъ, буржуазія и шляхта, но отнюдь не крестьяне, которыхъ не могли сбить съ пути долга и присяги ни золотыя грамоты, ни револьверъ, ни петля, и изъ среды которыхъ явились сотни и тысячи (включительно съ Царствомъ польскимъ) мучениковъ, выбравшихъ между смертью и измѣной—первую. Изъ этой среды весьма немногіе были *втянуты* въ водоворотъ бунта—и то изъ числа людей, составлявшихъ дворню панскую, болѣе или менѣе нравственно-испорченныхъ, пропитавшихся панскимъ панствомъ, панскимъ духомъ, безотчетно подчинявшихся панскому вліянію. Словомъ—очевидно до наглядности, что между крѣпостнымъ правомъ и польскими бунтами, равно какъ и между народомъ и польскимъ панствомъ нѣтъ ничего общаго.

Г. Головачевъ еще опасается, чтобы капиталы наши, вырученные панами за проданныя имѣнія и увезенные за границу, не ослабили нашихъ фондовъ и не „увеличили средствъ противнаго намъ лагеря". Трусливое опасеніе! Г. А. Ж. доказалъ очень ясно, что эти капиталы, за погашеніемъ разныхъ долговъ, тяготѣющихъ на польскихъ имѣніяхъ, окажутся весьма ничтожными. Но положимъ, что эти капиталы будутъ значительны, чтожъ изъ этого? Какой они могутъ намъ причинить вредъ, если уйдутъ за границу, и какую принесутъ пользу, если останутся дома? „Противный намъ лагерь" не сформируетъ на эти капиталы армій, съ которыми могъ бы предпринять походъ противъ Россіи; много-много, если онъ купитъ три-четыре заграничныя газеты, найметъ двѣ-три дюжины лжецовъ—корреспондентовъ, добьется двухъ-трехъ нотъ; къ болѣе серьознымъ и фактическимъ опасностямъ капиталы эти повести не могутъ. Да и для *панской* жизни ихъ хватитъ не надолго, такъ что очень скоро откроется нужда промышлять даже фальшивыми русскими (и иными) ассигнаціями и другими *художествами*. Польза, какую

могли бы принести панскіе капиталы, не вывезенные за границу, еще ничтожнѣе вреда, какой нанесли бы вывезенные. Извѣстно, что польское панство не любитъ никакихъ затратъ на общеполезныя учрежденія, на благотворительныя заведенія, на споспѣшествованіе моральнымъ и матеріальнымъ потребностямъ народа, на устраненіе его нуждъ, пороковъ, невѣжества. Вредъ, какой могли бы причинить намъ не вывезенные изъ Россіи капиталы еще ничтожнѣе пользы; на эти капиталы—исключительно, *безъ другихъ средствъ и случаевъ*, нельзя сочинить и самаго крошечнаго *повстанья*: ихъ едва станетъ для самой неприхотливой жизни, особенно человѣка семейнаго. Продавшему свое имѣніе пану въ селѣ жить не приходится и не захочется, а чтобы прожить въ городѣ, сообразно панскимъ привычкамъ, для этого понадобятся расходы слишкомъ чувствительные. Положимъ, панъ выручилъ отъ проданнаго имѣнія чистыхъ 50т; считая на этотъ капиталъ *вѣрныхъ* 6%, панъ будетъ получать годоваго дохода 3,000 руб. На эти средства, при настоящей дороговизнѣ, можно жить безбѣдно только въ уѣздныхъ городахъ Малороссіи и нѣкоторыхъ внутреннихъ губерній, а въ губернскихъ съ трудомъ можно сводить концы, и то при „пѣшемъ хожденіи". Не нужно забывать и того, что едвали одинъ изъ ста пановъ получилъ бы за свое имѣніе *чистыхъ* 50т. Да, для насъ не опасны тѣ паны, которые продадутъ свои имѣнія; наше зло въ тѣхъ, которые не продадутъ ихъ. Первые будутъ ломоть отрѣзанный, дерево срубленное, а послѣдніе глубоко пустили свои корни въ нашу почву и вѣчно будутъ эксплуатировать—нравственно и матеріально-землю русскую. Первые, такъ или иначе, раньше или позже, улетучатъ свои небольшіе капиталы, а послѣдніе постоянно будутъ извлекать пользы изъ исторически-нашей территоріи,-пользы, которыя будутъ увеличиваться паралельно возрастанію цѣнности земли и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ увеличивать фонды будущихъ бунтовъ. Пер-

вые въ случаѣ переселенія своихъ персонъ за границу, сдѣлаютъ то, лучше и желательнѣе чего ничего они, для обоюдной нашей пользы, сдѣлать не могутъ; послѣдніе будутъ постоянно держать насъ на сторожѣ, въ ожиданіи вылазокъ, постоянно должны побуждать насъ къ изобрѣтенію новыхъ средствъ защиты, новыхъ мѣръ къ обрусѣнію края. Если къ кому, такъ именно къ польскому панству, какъ нельзя вѣрнѣй и буквальнѣе, идетъ фраза г. Головачева: „дай Богъ отъ иныхъ людей быть подальше“!

Кстати о словѣ—„обрусѣніе“. Извѣстно, Кто первый изрекъ его и чью оно получило санкцію; а между тѣмъ г. Головачевъ не оставилъ и этого многознаменатальнаго и завѣтнаго для насъ слова безъ примѣненія къ нему своего остроумія. „Я рѣшительно не понимаю, говоритъ онъ, отъ чего мы говоримъ: это край русскій, а между тѣмъ разсуждаемъ объ упроченіи въ немъ русскаго элемента перифразъ вмѣсто слова)?“ Странная, если только не поддѣльная, непонятливость! Ужели г. Головачевъ не понимаетъ того, что западная Россія, отъ временъ до-историческихъ, была краемъ русскимъ, что этотъ край послѣ, въ теченіи трехъ-четырехъ вѣковъ, усиливались сдѣлать польскимъ, стушевать на немъ природный обликъ и примѣты, что усилія эти не остались безплодными, что къ русскому краю много прильнуло польскаго, въ томъ числѣ и польскій языкъ, и латинская вѣра, и польскіе порядки, и польское землевладѣніе; что теперь шансы измѣнились, исторія вступаетъ въ свои права и на насъ лежитъ святой долгъ очищенія края отъ всего чуждаго ему, наноснаго, враждебнаго, польскаго,—долгъ обрусѣнія края?! Ужели, въ самомъ дѣлѣ, г. Головачевъ ничего этого не понимаетъ?! Если на бѣлой одеждѣ появится много пятенъ, ужели мы не смѣемъ вымыть ее и желать сдѣлать снова бѣлою?

Въ двухъ статьяхъ своихъ, г. Головачевъ сказалъ еще кое-что въ пользу той темы, которой онъ задался, на что мы не обратили вниманія. Это сдѣлано потому, что оставленное безъ вниманія или оговаривается тѣми наблюденіями и выводами, которые намѣчены въ настоящей статьѣ, или повлекло бы къ безполезному словопрѣнію и упражненію въ краснорѣчіи изъ любви къ искуству.

Если бы кто сдѣлалъ намъ упрекъ за поздній отвѣтъ г. Головачеву, то мы отвѣтили бы, что имѣли нѣкоторыя причины къ замедлѣнію отвѣтомъ, что обстоятельства пишущаго лишали его возможности исполнить этотъ долгъ раньше и что, наконецъ, доброе дѣло вообще и трактація о значеніи русскаго въ западной Россіи землевладѣнія вчастности, никогда, *особенно теперь*, не могутъ быть запоздалыми.

IV.

—

ОЧЕРКИ БѢЛОРУССКАГО ПОЛѢСЬЯ

(*Продолженіе*) (*)

Нравственныя и умственныя качества полѣшука довольно замѣчательны и оригинальны для того, чтобы не пройдти ихъ молчаніемъ.

Жители Полѣсья, какъ я намекнулъ выше, народъ древлеправославный. Обращеніе его отъ язычества къ христіанству, безъ сомнѣнія, относится ко времени равноапостольнаго Владиміра и можетъ быть приписано одному изъ сподвижниковъ перваго митрополита кіевскаго св. Михаила. Если миссія св. князя Владиміра касалась Владиміра (на Клязьмѣ), Суздаля, Ростова, Новгорода и другихъ отдаленныхъ отъ Кіева пунктовъ сѣверо-восточной Россіи; то она не могла не коснуться сосѣдняго съ нимъ Полѣсья, перерѣзываемаго единственными въ то время путями сообщенія,—судоходными рѣками. Историческое значеніе главнаго города полѣскаго Турова (1) открывается изъ отрывочныхъ намековъ, встрѣчаемыхъ на первыхъ страницахъ лѣтописей. Составитель Лаврентьевскаго списка находитъ въ Туровѣ (въ X вѣкѣ) княженіе варяжскаго князя Тура: «бѣ боРогвольдъ, говоритъ онъ, пришелъ изъ-за моря и имяше власть въ Полотьскѣ, а Туръ въ Туровѣ» (2). Еще въ началѣ X вѣка князья туровскіе принимали видное участіе въ политическихъ дѣлахъ того времени. Первый князь туровскій воевалъ противъ грековъ, въ походѣ съ Олегомъ и, по договору 907 г., получалъ дань отъ побѣжден-

---

[*] См. книг. 8 Вѣстн. Запад. Россіи.

(1) Нынѣ небольшое и бѣдное мѣстечко Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда.

(2) Лѣтопись Нестора, Лаврентьевскій спис., стр. 32.

ныхъ: «и уклады (получалъ) на русскіе грады и Полтескъ и на Туровъ, по тѣмъ бо градомъ сѣдяху князья» (1). Съ самаго начала XI вѣка, туровское княжество подчиняется власти св. князя Владиміра: въ 1019 г. онъ посадилъ на это княжество своего племянника Святополка Ярополковича, который былъ женатъ на дочери Болеслава Храбраго. Въ этомъ же вѣкѣ является епископія туровская, которой были подчинены въ іерархическомъ,—подобно тому, какъ были подчинены князьямъ туровскимъ въ гражданскомъ отношеніи,—древнѣйшія оседлища полѣскихъ славянъ-Пинскъ Мозырь, Давидъ—городокъ, и др. Въ XIII вѣкѣ является въ Туровѣ Златоустъ своего времени—св. Кириллъ туровскій—словомъ, самыя первыя страницы нашихъ лѣтописей уже говорятъ о бѣлорусскомъ Полѣсьи, какъ о странѣ, довольно знакомой съ возможною для тогдашней эпохи гражданственностью, основанною на началахъ святаго православія.

Коснувшись слегка, можно сказать, случайно, старины полѣской, я тѣмъ охотнѣе перехожу къ религіозной сторонѣ настоящаго Полѣсья, что съ этой стороны оно представляется въ самомъ отрадномъ видѣ. Полѣсье, отъ временъ св. Владиміра и доселѣ, осталось непоколебимо вѣрно православію. Тогда какъ пропаганда папская отторгала отъ церкви православной тысячи и мильоны другихъ ея дѣтей славянскихъ, Полѣсье бѣлорусское устояло и противъ насилій, и противъ примановъ папскихъ миссіонеровъ. Впрочемъ, слѣдовъ насилія со стороны латинской пропаганды почти невидно на страницахъ исторіи полѣскаго православія. Твердость народныхъ убѣжденій, неразрывная солидарность пастырей духовныхъ съ пасомыми. повсемѣстное образованіе корпорацій, которыя извѣстны подъ именемъ братствъ, и главною задачею которыхъ была цѣлость, чистота и неприкосновенность православія,—устраняли всякую возможность легкихъ совращеній съ православія и болѣе подвергали очевидной опасности совратителей. Латинство рѣшительно не привилось къ народу полѣскому. Разница между православіемъ и латинствомъ слишкомъ была замѣтна—для того, чтобы можно было обмануть сходствомъ ихъ даже простодушнаго и въ тоже время недовѣрчиваго полѣшука. На протяженіи всего Полѣсья торчатъ одиноко лишь нѣсколько едва замѣтныхъ—деревянныхъ, безприходныхъ костеловъ латинскихъ, исправляющихъ должность домовыхъ каплицъ (молелень) какого-нибудь совратившагося въ латинство пана и совращенной имъ и ксендзомъ дворской челяди. Даже унія вкралась—въ буквальномъ смыслѣ слова—въ весьма немногія тру-

(1) Тамъ же, стр. 18.

щобы Полѣсья. Этотъ нравственный хамелеонъ, прикрывшій свою волчью натуру овечьей кожей греческой обрядности и славянскаго языка, легче могъ обмануть религіозную бдительность народа, чѣмъ латинство. При всемъ томъ, и пропаганда уніатская вела свое дѣло на Полѣсьи осторожно, едва замѣтно, пріобрѣла весьма мало, сравнительно съ другими мѣстностями, прозелитовъ. Разными неправдами, стачкой съ паномъ, пользуясь смертью или переходомъ на другой приходъ православнаго священника, уніаты прокрались въ двадцат какихъ-нибудь приходовъ полѣскихъ, и то самыхъ бѣдныхъ, малолюдныхъ, изолированныхъ, затерянныхъ въ малоизвѣстныхъ трущобахъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ и отъ бдительности православныхъ братствъ и пастырей. И въ этихъ немногихъ приходахъ унія почти ограничивалась однимъ бритьемъ ксендзовскаго подбородка, одной просфорой при богослуженіи, да кое-какими наростами и вычурностями въ обрядности, совершаемой по уніатскимъ требникамъ, ловко приспособившимся къ чувственности простолюдья и отчасти его суевѣрію. Оттого полѣскіе уніаты въ большей находились уніи съ православіемъ, чѣмъ съ латинствомъ: уніаты исправно посѣщали сосѣдніе и даже отдаленные храмовые праздники православныхъ; они, по прежнему, отправлялись на богомолье и въ Кіевъ, и въ Жировицы; сельскіе священники уніатскіе словно лишены были способности пропагандировать; на храмовыхъ праздникахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, они принимали нерѣдко участіе въ богослуженіи православныхъ; они вели радушное гостепріимство и зачастую роднились съ православнымъ духовенствомъ. Оттого большинство полѣскихъ приходовъ уніатскихъ далеко опередило своимъ возвратомъ на лоно православія общее возсоединеніе съ нимъ уніатовъ. Въ началѣ 30 годовъ, изъ извѣстныхъ мнѣ уніатскихъ приходовъ Полѣсья, едва осталось полу-вѣрными уніи около 7. Вообще консерватизмъ религіозный городовъ, а особенно мѣстечекъ, шелъ въ обратномъ положеніи съ консерватизмомъ бытовымъ затерянныхъ въ лѣсахъ и болотахъ селъ полѣскихъ. Въ послѣднихъ больше сбережены нравы и обычаи древнихъ Кривичей и Дреговичей,—въ первыхъ неизмѣнно сохранилось первобытное православіе. Самостоятельность, нѣкоторая развитость, единодушіе корпораціи горожанъ и мѣщанъ крѣпко гарантировали неприкосновенность православія отъ попытокъ пропагандистовъ. Оттого унія не смѣла и заглянуть въ такія осѣдлища полѣскія, какъ Давидъ-городокъ, Туровъ, Петриковъ, Любечъ, Лоевъ, Брагинъ, (1) и др. Вообще унія на Полѣсьи какъ

(1) Возлѣ Брагиня былъ, правда, даже базиліянскій селецкій монастырь (совращенный въ унію съ православія), но приходовъ уніатскихъ почти не было.

будто стыдилась самой себя и пряталась отъ мѣстностей, прорѣзанныхъ большими рѣками и дорогами, въ полѣскія трущобы.

Изъ этого общаго очерка религiозной стороны Полѣсья видно, что полѣшуки держатъ православiе крѣпко, что бѣлорусское Полѣсье меньше всякаго другаго уголка западной Россiи поддалось влiянiю пропаганды, и что всѣ коренныя вѣрованiя православныя уцѣлѣли тамъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они внушены первыми просвѣтителями русскихъ славянъ. Пристальный взглядъ на простолюдье полѣское еще сильнѣе убѣждаетъ въ этихъ истинахъ. Полѣшукъ глубоко проникнутъ сознанiемъ безпредѣльной благости и всемогущества Творца, всецѣло ввѣряетъ свою судьбу Его провидѣнiю, крѣпко держитъ постановленiя церкви, невыразимо любитъ обрядовую сторону православiя. Не только въ дни праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ, но и въ простые воскресные дни, храмы полѣскiе наполнены молящимися. Даже въ ту несчастную эпоху, когда крѣпостникъ—быдло панское, не всегда былъ свободенъ отъ *панщизны*, или *шарварка*, во дни важнѣйшихъ праздниковъ христiанскихъ, когда для его собственныхъ хозяйственныхъ работъ, по инвентарной записи, разумѣется, нарушаемой на практикѣ, и оставались только свободными дни праздничные, полѣшукъ торопился въ домъ Божiй на молитву, оставляя свое хозяйство на волю Провидѣнiя. Радость и какое то особенное торжественное спокойствiе свѣтлѣется въ лицахъ и взорахъ молящихся. Отрѣшенiе отъ всѣхъ дѣлъ и горечей житейскихъ, достойное мѣста благочинiе, священная тишина, порой лишь нарушаемая шопотомъ молитвы задушевной, вздохомъ покаяннымъ, всеобщими земными поклонами, умиляютъ душу свидѣтеля этого благоговѣнiя, невольно заставляютъ его присоединить и свой вздохъ, свою молитву къ общему хору простыхъ, но доступныхъ престолу Божiю молитвенныхъ голосовъ меньшей братiи Христовой.

Во дни важнѣйшихъ православныхъ праздниковъ, а особенно въ храмовые праздники, рѣдкiй поселянинъ полѣскiй (особенно поселянка) явится въ храмъ Божiй безъ какого-нибудь посильнаго приношенiя. Одинъ несетъ кусокъ воску, другой свѣчу домашняго-весьма неизящнаго—издѣлiя, тотъ немного ладону, льна, этотъ кусокъ полотна, утиральникъ, два-три аршина ситцу, дешевенькiй бумажный платочекъ, иной, подобно вдовицѣ евангельской, отдаетъ Богу послѣднюю лепту.

Люди пожилые, особенно женщины, говѣютъ по нѣскольку разъ въ годъ, а особенно въ великiй и Спасовъ постъ. Не только взрослые, даже дѣти знаютъ на изустъ: «Царю Небесный, Отче нашъ, Бгородице Дѣво, радуйся, Вѣрую во единаго Бога, Помилуй мя Боже, десять заповѣдей», и даже отвѣчаютъ весьма

бойко и сознательно на катихизическіе вопросы. Такое нравственно-религіозное развитіе объясняется тѣмъ, что во всякомъ приходѣ, почти въ каждой значительной деревнѣ заведены сельскія школы, въ которыхъ во время зимы обучаются грамотѣ крестьянскіе мальчики. Такія школы, по распоряженію мѣстнаго преосвященнаго минскаго, открыты, между прочимъ, и во многихъ мѣстахъ Полѣсья, еще въ концѣ 40 годовъ, и положили начало народнаго образованія во всей западной Россіи; теперь, въ разсматриваемой мною мѣстности, число приходскихъ школъ далеко превышаетъ число приходовъ. Причту церковному вмѣняется въ существенную обязанность проходить эту педагогію нелѣностно, подъ опасеніемъ отвѣтственности за нерадѣніе. Даже жены священниковъ и взрослыя ихъ дочери не изъяты отъ обязанности учить въ великій постъ крестьянскихъ дѣвочекъ, не посѣщающихъ школы, употребительнѣйшимъ молитвамъ и разъяснять смыслъ таинствъ и важнѣйшихъ догматовъ православія. Усерднѣйшихъ къ этому важному и, можно сказать, святому дѣлу, равно и проповѣди церковной, богомудрый архипастырь не оставляетъ, какъ безъ своей признательности и разнообразныхъ поощреній, такъ равно и безъ ходатайства о наградѣ предъ высшею властью. Къ такой ревности къ народному образованію духовенства, въ послѣдніе четыре года присоединилась самая просвѣщенная, энергичная и разносторонняя забота о возможно лучшемъ ходѣ столь важной части народнаго благосостоянія и состороны представителей въ краѣ народнаго просвѣщенія. Результатомъ благотворной и солидарной ихъ дѣятельности было переименованіе нѣкоторыхъ многолюдныхъ и болѣе важныхъ въ политико-этнографическомъ отношеніи приходскихъ училищъ— въ народныя, открытіе новыхъ народныхъ училищъ, полная гарантія ихъ со стороны педагогической, нравственной и матеріальной, солидарность взгляда на народное образованіе со взглядомъ на это дѣло духовенства, нравствснно-религіозный характеръ народнаго образованія и подчиненіе большинства народныхъ школъ надзору, обученію и руководству мѣстныхъ священниковъ. Все это вмѣстѣ такъ благотворно повліяло на образованіе народа, что, въ настоящій моментъ, можно считать православное простолюдье западной Россіи вообще и полѣское вчастности развитейшимъ всякаго другаго—со стороны нравственно-религіозной.

Деревни, въ которыхъ нѣтъ храмовъ Божіихъ, избираютъ себѣ для храмоваго праздника день, посвященный памяти такого или другаго святаго, или праздникъ Господскій, либо богородичный, большею частью не зимній. Если деревня недалеко отъ приходской церкви, изъ сей послѣдней совершается крестный ходъ въ деревню, съ несеньемъ четырмя избранными дѣвицами этой деревни—

храмовой иконы, хранящейся въ приходской церкви и большею частью устрояемой въ видѣ подвижнаго кіота, на четырехъ ножкахъ, на которыхъ ставится икона во время чтенія евангелія. Если же деревня неблизко, то икону несутъ братчики, или болѣе почетные старики деревни. Въ приходской церкви совершается литургія, во время которой присутствуютъ всѣ почти жители деревни, совершающей храмовой праздникъ, потомъ причтъ отправляется въ деревню; здѣсь служится молебствіе съ водосвятіемъ, окропляются святою водой домы христіанъ, поля и скотъ ихъ, угощается причтъ, всѣ жители деревни и весьма часто приглашенные на праздникъ изъ сосѣднихъ селъ знакомые, друзья и родственники совершающихъ храмовое празднество. Окропленный святою водою скотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полѣсья прогоняется по такому куску полотна, который, усердіемъ нѣсколькихъ женъ и дѣвицъ, въ одинъ день выпряденъ и возткавъ. Холстъ послѣ вымывается и жертвуется въ приходскую церковь. По мнѣнію простолюдья, скотъ, перешедшій чрезъ такое полотно, не боится скотскаго падежа.

Таже религіозность проявляется во всѣхъ случаяхъ быта полѣшука семейнаго и земледѣльческаго. Онъ проситъ священника прочитать нѣсколько евангелій надъ болящимъ его семьяниномъ, особенно младенцемъ, окропить его святою водою, положить на голову его воздушекъ, подкурить больнаго херувимскимъ ладономъ, освятить колодецъ, оскверненный паденіемъ въ него нечистаго животнаго и проч. Полѣшукъ начинаетъ полевыя работы послѣ благословенія церковнаго, а по окончаніи работъ спѣшитъ въ храмъ Божій съ начатками плодовъ земныхъ въ день Преображенія Господня. Онъ любитъ посѣщать осѣдніе храмы во дни годичныхъ ихъ праздниковъ и совершаетъ далекія путешествія ко св. мѣстамъ, особенно въ Кіевъ. Полѣшукъ свято чтитъ память своихъ родителей и предковъ и чаще другихъ совершаетъ поминовеніе умершихъ сродниковъ. Это духовное единеніе живыхъ съ умершими, эта заботливость о спасаніи сродниковъ, отошедшихъ въ жизнь загробную, такъ завѣтна и священна для полѣшука, что онъ не вступитъ въ бракъ, не начнетъ сѣянія, не помянувъ прежде умершихъ (1). Онъ думаетъ, что среди самыхъ радостныхъ событій жизни нужно помнить о смерти; онъ думаетъ, что поминовеніемъ умершихъ сродниковъ, какъ бы испрашиваетъ ихъ бла-

(1) На Полѣсьи въ большомъ употребленіи, рѣдко гдѣ въ Россіи употребляемый, обрядъ панагіи или возношеніе хлѣба въ честь Божіей Матери. Онъ слѣдуетъ иногда за панихидой, но побольшей части совершается отдѣльно, преимущественно предъ путешествіемъ и называется „заздоровными“.

гословеніе новобрачнымъ, онъ видитъ, что сѣяніе, истлѣніе и возрожденіе сѣмени есть самый точный символъ нашей смерти и воскресенія въ жизнь лучшую, гдѣ мы снова увидимся съ любезными нашему сердцу, разставшимися съ нами на короткое время.

Простолюдинъ полѣскій не только строго соблюдаетъ всѣ посты, установленные церковью, но и весьма часто возлагаетъ на себя добровольные въ этомъ родѣ подвиги воздержанія. Многіе простолюдины, особенно женщины, постятся по понедѣльникамъ, что у нихъ называется *понедзѣлковацъ*, ничего не ѣдятъ до окончанія обѣдни въ дни воскресные и праздничные, не принимаютъ ни какой пищи до захожденія солнца въ навечеріе Рождества Христова, до освященія воды въ навечеріе Богоявленія Господня, до выноса плащаницы въ великій пятокъ. Весьма многіе простолюдины, подобно ниневитянамъ, налагаютъ въ это время постъ не только на себя, но и на скотъ свой. Особенно замѣтна подобная строгость поста въ навечеріе и самый праздникъ Крещенія Господня. Въ навечеріе этого праздника скоту даютъ кормъ не прежде скропленія его св. водою, а въ самый праздникъ послѣ того, какъ скотъ напьется св. воды въ крестѣ, высѣченномъ на льду рѣки, ея притока или озера, для освященія въ этомъ крестѣ воды. Не мало есть и такихъ постниковъ, а особенно постницъ, которыя, поужинавъ въ великій четвертокъ, ничего не ѣдятъ до освященія пасхи. Въ этомъ подвигѣ воздержанія, вопреки убѣжденіямъ родителей, даже дѣти не рѣдко соревнуютъ взрослымъ.

Вообще полѣшукъ такъ строгъ къ себѣ и другимъ касательно соблюденія постовъ, что нарушеніе ихъ считаетъ грѣхомъ самымъ тяжкимъ. Оттого между туземнымъ простолюдьемъ въ ходу много повѣрій о наказаніи Божіемъ, постигшемъ нарушителей поста. Одинъ путникъ,—такъ говоритъ повѣрье,—сѣлъ подъ дубомъ и началъ лакомиться въ среду жаренными яйцемъ какойто большой лѣсной птицы; но не успѣлъ окончить своего нечестиваго дѣла: ударилъ громъ, убилъ преступника и, въ разинутомъ его ртѣ, прохожіе съ ужасов видѣли слѣды его преступленія и причину его погибели. Оскоромился въ Петровъ постъ одинъ пастухъ—также яичницей,—и онъ самъ и его стадо превращены въ камни. Такая же участь постигла и того нечестивца, который поѣхалъ пахать на свѣтлой недѣли. Онъ сказалъ: «говорятъ, что теперь *великъ дзень* (1), а нука посмотримъ, правда-ли, что онъ длиннѣе другихъ- много ли я вспахаю поля.» Сказалъ, запрегъ воловъ, принялся за работу; но не успѣлъ онъ провесть и одной

---

(2) Великій день; такъ называется въ Бѣлоруси праздникъ Воскресенія Христова.

бороздь, какъ онъ самъ, и его волы и соха обратились въ камни. Тѣ которые разсказываютъ подобные ужасы, ссылаются *на достовѣрныхъ* свидѣтелей и отсылаютъ слушателей къ извѣстному имъ мѣсту, или урочищу, гдѣ, дѣйствительно, можно видѣть иногда группу разной формы камней, сходство которыхъ съ животными существуетъ только въ невзыскательномъ и живомъ воображеніи полѣшука. Если же вы возразите, что слыхали объ этомъ превращеніи, видали и самые камни, но не нашли въ нихъ никакого сходства съ человѣкомъ, волами, а особенно сохою,— вамъ обыкновенно отвѣтятъ, что это сходство, при нашихъ предкахъ, было поразительно, но что оно нѣсколько сгладилось отъ времени, перемѣнъ атмосферическихъ, а главное — отъ варварскаго обращенія съ камнями любопытныхъ. Послѣдніе скоблятъ обыкновенно камни какимъ нибудь желѣзнымъ орудіемъ, порой даже отламываютъ себѣ кусочекъ—на память. Тѣ, которые,— продолжаетъ разскащикъ,—такъ издѣвались надъ несчастными жертвами гнѣва Божія—въ самый день ихъ казни, или назавтра, по увѣренію моего дѣда, слышали болѣзненный стонъ внутри камня и видѣли, какъ изъ него текла кровь. Болѣе чѣмъ съ вѣроятностью можно предполагать, что легенды о превращеніи животныхъ въ камни сочинены и распространены на Полѣсьи тѣми книжниками, которые читали о превращеніи жены Лотовой въ *столпъ сланъ*,—овецъ и пастуха, указавшаго Діоскору, гдѣ скрывается дочь его Варвара,—въ камни. Не малой поддержкой такихъ легендъ послужила уродливая форма нѣкоторыхъ, быть можетъ, допотопныхъ камней, изборожденныхъ рытвинами, выпуклостями и округлостями, и находимыхъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, на протяженіи 50 верстъ, вы не найдете въ почвѣ и одного камешка,— равно какъ и уцѣлѣвшіе отъ временъ языческихъ остатки истукановъ славянскихъ боговъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ *каменныхъ бабъ*.

Даже во время суевѣрныхъ опасеній полѣшукъ не рѣдко спѣшитъ подъ покровъ церкви и со слезами проситъ у священника молитвъ, или какихъ-либо священныхъ предметовъ, сила которыхъ моглабъ одолѣть насиліе діавола, или тѣхъ зловредныхъ людей, которыхъ избираетъ онъ орудіями въ причиненіи зла людямъ добрымъ. Иногда (1) приглашаютъ даже священника послѣ обѣдни въ поле для того, чтобъ онъ выдернулъ *завитку* или *заломъ* и сжегъ его на щепахъ осины, разбитой молніей. Для такого истребленія завитокъ есть даже чинъ обряда и молитвословія въ нѣкоторыхъ уніатскихъ требникахъ,—предписывающихъ, между прочимъ, чтобы священникъ, во время совершенія обряда, былъ въ полномъ церковномъ облаченіи.

1) Потому что за этимъ обращаются и къ знахарю, какъ увидимъ ниже.

Столь теплая и крѣпкая вѣра въ Бога, столь тѣсное и частое общеніе съ церковью—весьма благотворно вліяетъ на нравственность полѣскаго простолюдья. Полѣшукъ—существо весьма доброе, безхитростное, незлобивое, послушное, признательное, цѣломудренное, терпѣливое, трудолюбивое.

Полѣшукъ весьма рѣдко наноситъ обиду, еще рѣже помнитъ ее. Если не до захожденія солнца, какъ повелѣлъ Спаситель,—то уже непремѣнно предъ причастіемъ св. таинъ, онъ испроситъ прощеніе у обиженнаго. Если только вы ласково, дружелюбно обратитесь къ полѣшуку съ просьбою услуги, одолженія, и если есть какая-либо возможность удовлетворить вашей просьбѣ, вы не услышите отъ него: нѣтъ. Полѣшукъ до смерти не забудетъ оказаннаго ему благодѣянія и постарается, по своимъ силамъ и средствамъ, отблагодарить благодѣтеля. Неблагодарность онъ считаетъ признакомъ самаго дурнаго человѣка. Отца, мать, старшаго въ домѣ, онъ чтитъ какъ святыню и безпрекословно подчиняется его волѣ, даже капризу. Преступныя связи, незаконнорожденныя дѣти на Полѣсьи—величайшая рѣдкость. Я думаю, что если бы по селамъ не было рекрутокъ, не квартировали войска, эта рѣдкость тамъ и вовсе не встрѣчалась бы. Суровые и грубые до жестокости обряды свадебные, такъ сказать, казнящіе нарушительницъ дѣвства, едвали не столько же способствуютъ процвѣтанію этой добродѣтели между полѣскимъ простолюдьемъ, какъ и стойкость нравственныхъ убѣжденій.

Полѣшукъ,—какъ я замѣтилъ въ общемъ его абрисѣ,—есть существо самое сострадательное. Онъ подѣлится съ неимущимъ послѣднимъ кускомъ своего чернаго хлѣба. Никогда,—рѣшительно никогда,—вы не услышите изъ устъ его холодныхъ, безумныхъ словъ: «Богъ дастъ», которыми такъ часто другіе отсылаютъ обратно къ Богу присланнаго къ нимъ Богомъ нищаго. Да и нищіе полѣскіе вовсе не похожи на другихъ нищихь. Тамъ вы не увидите этого полчища мнимыхъ калѣкъ, мнимыхъ сиротъ, съ малолѣтства изучающихъ науку попрошайства,—молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ, которыхъ порокъ, или лѣность, а по большей части то и тругое, побуждаютъ жить на счетъ другихъ, и которые надоѣдаютъ вамъ на улицахъ, дорогахъ, даже въ церкви и выведутъ изъ терпѣнія существо самое сострадательное. Тамъ не увидите тѣхъ нищихъ, которые отталкиваютъ отъ себя ваше серце своими отвратительными язвами заразительной болѣзни, грудными младенцами (нерѣдко купленными или взятыми на прокатъ), своимъ лаконическимъ и неотвязчивымъ попрошайствомъ, нахальствомъ, грубостью, даже бранью и угрозами, въ случаѣ отказа. Тамъ протягиваетъ руку или безпріютная, безродная ста-

рость, слѣпота, или увѣчье. Эти нищіе, при входѣ въ домъ, —всегда для нихъ доступный,—не христораднячаютъ, подобно другимъ, а начинаютъ читать, на плачевный распѣвъ, всѣ употребительнѣйшія молитвы, иногда даже акаѳисты, присовокупляя къ нимъ толитвы за умершихъ сродниковъ (съ добавленіями собственнаго сочиненія), и получаютъ—непремѣнно получаютъ—что-нибудь: или полкопѣйки, копѣйку, рѣдко двѣ-три, или горсть соли, тарелку крупъ, муки, кусочекъ свинаго сала, десятокъ картофелинъ, какую-либо ветошь, или что-либо другое. Часто нищій самъ говоритъ, въ чемъ онъ особенно нуждается, и не получаетъ просимаго тогда только, когда того нѣтъ у хозяевъ. Оттого и нищій полѣскій съ головы до ногъ увѣшанъ разными узелками и мѣшечками. Даже дворовая собака, такъ сурово относящаяся ко всему чужому, иногда дружелюбно пропускаетъ мимо себя *старца* (1). Въ храмовые праздники, десятки этихъ несчастныхъ собираются изъ всей околицы возлѣ церкви, какъ убѣжища отъ всякаго горя и источника всякой благостыни. Послѣ обѣдни, они идутъ въ домъ священника и поютъ какой нибудь кантъ, всего чаще прекрасный гимнъ Димитрія ростовскаго: «Іисусе мой прелюбезный,» угощаются священникомъ и получаютъ отъ него и гостей его посильное подаяніе. Въ этомъ хорѣ есть что-то въ родѣ регента, непремѣнно слѣпаго на оба глаза (2). Стройность исполненія, выработанная частымъ исполненіемъ однихъ и тѣхъ же мотивовъ одними и тѣми же исполнителями; сочетаніе всевозможныхъ звуковъ—отъ визгливаю дѣтскаго, до дребезжащаго старческаго, отъ высокаго сопрано и контръ—альто женскаго, до замѣчательнаго тенора и баритона мужескаго, преобладаніе носовыхъ звуковъ, странныя ужимки и гримасы слѣпцовъ—дѣлаютъ этотъ концертъ весьма оригинальнымъ и въ тоже время трогательнымъ. При этомъ пѣніи людей убитыхъ горемъ, невыразимо тяжелая дума сжимаетъ сердце, порою выжимаетъ слезы. Иногда этому концерту вокальному аккомпанируетъ лира,—весьма не хитрый, самодѣлковый, клавишно-струнный инструментъ нищихъ бѣло и мало-русскихъ. Впрочемъ, лира чаще сопровождаетъ пѣніе солиста-нищаго.

Разбои, святотатства, поджоги, грабежи, воровства, столь распространившіеся въ послѣднее время по другимъ мѣстамъ, небывалыя почти явленія по селамъ полѣскимъ. Въ рабочее

1) Такъ зовутъ на Полѣсьи нищаго,—большею частію старика.

2) Слѣпцовъ водятъ другаго рода калѣки, а чаще всего дѣти—круглыя сироты.

время, въ селѣ не запираются ни избы, ни сараи, не смотря на то, что село въ это время остается совершенно безлюднымъ. Въ немъ никого вы не увидите, кромѣ малыхъ дѣтей, которыя, при появленіи чужаго человѣка, какъ призраки, исчезаютъ въ коноплѣ, просѣ, соломѣ на гумнѣ, подъ печкой избы. Въ полѣ оставляются на ночь повозки и земледѣльческія орудія. Лошади и всякій скотъ безопасно бродятъ по обширнымъ и отдаленнымъ отъ усадебъ лугамъ. Ульи съ пчелами, совершенно беззащитные отъ вора, разставлены по соснамъ въ далекомъ, по большей части, разстояніи отъ села; при всемъ томъ никогда не слышно, что бы кто-либо воспользовался чужимъ добромъ безъ вѣдома его хозяина. Тогда только полѣщуку угрожаетъ опасность—быть окраденнымъ или ограбленнымъ, когда переходитъ чрезъ его околицу таборъ кочующихъ цыганъ, и тогда только полѣшукъ на сторожѣ. Впрочемъ, если таборъ расположится возлѣ какого-либо села лагеремъ на два—на три мѣсяца, сосѣди цыганъ безопасны на весь этотъ сезонъ отъ цыганскихъ проказъ, а только должны не зѣвать въ день откочеванія табора.

Самымъ преступнымъ воровствомъ полѣшукъ считаетъ *выдиранье* пчелъ, то есть похищеніе меду изъ чужаго улья, не оставляющее нужнаго для труженицъ корма. Это видно изъ ходячаго въ народѣ разсказа о той суровой и изобрѣтательной казни, какой подвергала встарину громада грабителя чужаго улья. Вырѣзывали,—говоритъ преданіе,—у вора пуповину, приколачивали ее гвоздемъ къ той соснѣ, на которой стоялъ ограбленный улей, и гнали вора вокругъ сосны. Онъ бѣгалъ скоро, лице его подергивали адскія судороги, онъ хохоталъ такъ страшно, что кровь останавливалась отъ ужаса въ жилахъ зрителей, а кишки все обвивались вокругъ сосны. Вотъ ихъ не стало, и, съ послѣднимъ, ужаснымъ взрывомъ нечеловѣческаго хохота, рухнулъ на землю трупъ преступника, а зрители, молча, въ остолбенѣніи, расходились по домамъ, не смѣя даже молиться о покойникѣ, а трупъ его бросался въ лѣсу, на пищу его обитателямъ. Думаютъ, что казнь эта—не сочиненіе полѣскаго воображенія, что она принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ былинъ Полѣсья, и что она легко объясняется стародавнимъ самоправствомъ и силой громады.

Въ случаѣ тяжести жизненной ноши, вы не услышите отъ полѣшука ни упрековъ, ни жалобъ, ни стоновъ. Терпѣніе, съ которымъ несетъ онъ крестъ свой,—безпримѣрно. «Его святая воля, не я одинъ»,—вотъ слова, которыми миритъ онъ себя съ судьбой и объясняетъ отношенія другихъ къ себѣ. Онъ думаетъ,

что такъ должно быть, что текущій порядокъ—самый лучшій. И счастливъ онъ! Покрайней мѣрѣ духъ его покоенъ, а это уже большое облегченіе тягости душевной, если не полная отъ нея свобода. Полѣшукъ съ безпримѣрною покорностью и охотой исполняетъ приказанія старшихъ, властей, духовенства.

Трудолюбію полѣскаго простолюдья нельзя довольно надивиться. Оно работаетъ не отъ утра только до вечера, но и утромъ и вечеромъ и даже ночью. Если у полѣшука есть лишняя пара воловъ и двѣ свободныя руки, онъ не потратитъ на сонъ лунной ночи, а проведетъ ее надъ сохой, бороной, или перевозкой съ поля сноповъ. Онъ такъ сроднился съ трудомъ, что тяготится нѣсколькими минутами, которыя долженъ израсходовать на самый лаконическій обѣдъ или *полудзень* (полдникъ). Полѣшукъ всегда чѣмъ нибудь занятъ, и, не зная, на что употребитъ и куда дѣвать руки въ дни праздничные, скоблитъ или рѣжетъ 1) какой нибудь прутикъ ножикомъ, вѣчно болтающимся на ремешкѣ у лѣваго его бока. Въ длинные вечера зимніе и осенніе, когда лучина ярко горитъ жа посвѣтѣ лучника, полѣшукъ плететъ веревку, или лапоть, вяжетъ сѣть, гнетъ ободъ, выдѣлываетъ полозъ, ось, телегу, или дробитъ лучину. А веретена жужжатъ въ это время въ рукахъ женщинъ и дѣвушекъ, а било станка ткацкаго прихлопываетъ нитку къ ниткѣ, а какое-нибудь дитя, еще не умѣющее ничего дѣлать, подкладываетъ лучину на посвѣтъ, а сказка или пѣсня возбуждаетъ дружный хохотъ, или всеобщій испугъ и тревожное молчаніе, которыя даютъ знать, что поэзія сильно подѣйствовала на душу впечатлительной публики.

Для усовершенствованія въ послѣднихъ двухъ добродѣтеляхъ,— терпѣніи и трудолюбіи, у простолюдья полѣскаго было довольно времени и не было недостатка въ безпримѣрныхъ учителяхъ. Когда надъ нимъ царило безконтрольное насиліе и самый дикій произволъ не только пана, разныхъ подпанковъ, но даже панаарендаря и эсаула 1); когда для полѣшука не существовало ни какихъ законовъ, ни какой управы, ни какой защиты; когда вступившійся за обиду своего прихожанина священникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя званіе исповѣдника, —подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ, насиліямъ, стѣсненіямъ, разореніямъ и, волей, а чаще не волей, долженъ былъ бѣжать на другой приходъ; когда въ головѣ полѣшука не было даже мысли о возможности жалобы на своихъ притѣснителей, смягченія тяготѣвшаго надъ нимъ ига, исхода изъ бичевавшей его недоли,—что оставалось ему дѣлать, какъ не терпѣть и молчать? И онъ терпѣлъ и молчалъ годы и вѣка! Полѣшукъ лизалъ ноги пана и подпанка.

Когда панъ велитъ—бывало сдѣлать полѣшуку то, къ чему онъ нисколько не обязанъ, отдать ему то, что пану не принадлежитъ....., разложитъ быдло - холопа для бичеванья, несчастная жертва унылымъ, или отчаяннымъ голосомъ только вопитъ, *«воля Божа и паньска»*. Когда холопъ осмѣлится бывало, въ крайней нуждѣ, предстать предъ грозный ликъ *милостиваго* пана, даже посессора, ржонцы, эконома, и повелитель забаситъ: *цо ты?* онъ ударивъ объ полъ, или землю лбомъ уныло говоритъ *«до Бога и до пана»*. Когда на Преображеніе Господне и на Успеніе Божіей Матери въ церкви молились, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, только старые да малые, а остальное народонаселеніе угонялось на шарварокъ—въ видѣ собиранія сѣна, или другой работы; когда на спину изнемогавшей отъ зноя, голода, беременности, усталости, болѣзни—женщины, или недоступной красавицы-дѣвицы, ложились удары плети, отпускаемые рукою стоявшаго за спиной ихъ эконома, казака, или другой какой панской челяди; когда одна пятая часть способнаго къ работѣ, мужскаго народонаселенія должна была, голодать, обливаться потомъ, отъ работы и коптиться на смолянномъ заводѣ,—этомъ истомъ подобіи ада,-другая пятая должна была въ теченіи тогоже сезона-толкать ельемъ, отъ разсвѣта до темной ночи, *берлины, байдаки*, на протяженіи всей днѣпровской системы, а третья работать тачкой и заступомъ у какого нибудь кіевскаго, или другаго шоссейнаго или крѣпостнаго подрядчика; когда эти несчастные не пользовались даже плодами своей убійственой работы, такъ какъ милостивый всю заработную плату получалъ закону трактовавшаго его подрядчика полностью и складывалъ въ свою *шкатулу*, а хлопы должны были благодарить милостиваго и за то, если онъ платилъ за него подушный окладъ,—когда, говорю, людъ полѣскій обращенъ былъ въ рабочую машину,—что ему оставалось дѣлать, какъ не пріучаться къ работѣ безъ отдыха, какъ не работать для себя только ночью и отчасти въ дарованный паномъ экономомъ, а не православною церковью, праздникъ?! Эпоха этой, тяжкой и продолжительной работы бѣлорусскаго народа вообще и полѣскаго въ особенности, увѣковѣчена въ одной бѣлорусской пѣсни, которую нужно бы писать слезами или кровью. Жаль, что нѣкоторыя, и чуть ли не краснорѣчивѣйшія детали картины, какую рисуетъ эта, сжимающая сердце, гнетущая душу, элегія,—улетучились отъ времени изъ моей памяти. Но и изъ тѣхъ отрывковъ, которые уцѣлѣли въ ней, читатель составитъ вѣрное понятіе о характерѣ и содержаніи элегіи. Вотъ она:

«Цеперь же намъ, пане браце, Содома—Содома 1),
Бо (потому что) нема въ (нѣтъ у) насъ снопа жита ни въ поли ни дома,
Было въ мене трохи жита зелена—зелена,
Да пожали вражи ляхи безъ мене, безъ мене!

. . . .

Послявъ на насъ Буогъ правдзивый цяжкую роботу,
Увесь (весь) тыздень (недѣлю) на панщини, шарварокъ въ субботу.

. . . .

А въ недзѣлю пораненько во всѣ звоны звоняць,
А Саула з козаками на панщину гоняць:
Старыхъ людзей молоцици, жуонокъ—дзѣвокъ прасци (прясть)
Малыхъ дзѣцей до цюцюну (табаку)—у папуши класци, и пр.

Голосъ этой элегіи такъ зауныевенъ, что—она скорѣе плачется, нежели поется.

Даже домашняя, урывочная дѣятельность полѣшука, бѣдная промышленность и производительность его хозяйственная были обложены своего рода контрибуціей. Женщина должна была напрясть извѣстное количество *талекъ* (опредѣленный мотокъ пряжи), доставить въ экономію двѣ—три курицы, гуся, копу (60) яицъ, пять—шесть копъ грибовъ, три—четыре гарнца орѣховъ, ягодъ, рыболовъ обязанъ быль поставлять въ опредѣленныя времена рыбу, охотникъ извѣстное число *штукъ* 2) дичи, пчеловодъ десятину полученнаго осенью съ пчелъ меду, земледѣлецъ третью часть сноповъ, добытыхъ на *пусткѣ* 3), никогда не принадлежавшей пану и проч. Крестьянинъ, или крестьянка, имѣвшія дѣло хоть бы къ эконому, не смѣли являться къ нему съ пустыми руками, а должны были, прежде изложенія своей просьбы, или жалобы, поставить на столъ въ передней копу яицъ, или курицу, гуся, или что либо другое. Поборы эти разнообразились въ качествѣ и количествѣ, смотря по мѣстностямъ и укоренившимся изстари обычаямъ. Чѣмъ мельче былъ панъ, тѣмъ обременительнѣй и многосложнѣе были эти поборы. Ему хотѣлось также жить попански, какъ и ясневельможному, кутнуть на кіевскихъ или

1] Городъ, за беззаконія его жителей, сожженный во времена Авраама, огнемъ небеснымъ и пожранный землею.

2) Понятіе о штукѣ весьма оригинально и произвольно: бекасъ, наприм., рябчикъ, чирянка, глухарь составляютъ по штукѣ; а двѣ крижныхъ утки, какъ бы онѣ жирны ни были, два зайца,—одну штуку. За убитую дикую козу, лося, медвѣдя, дикаго кабана, панъ давалъ—бывало рюмку водки—и даже рубль.

3] Пустопорожній выморочный участокъ земли. Впрочемъ пустки, равно и всѣ другія оброчныя статьи, держалъ въ арендѣ большею частію панъ-арендаръ.

хоть минскихъ *контрактахъ*, учить *цурекъ* хоть въ мозырскомъ или пинскомъ пансіонѣ, бражничать съ сосѣдями, поставить домъ на панскую ногу; средствъ не хватало—и дави, что есть мочи, жалкое быдло. Инвентарное положеніе нисколько не измѣнило къ лучшему быта полѣскаго простолюдина и отношеній его къ пану. Это положеніе не только не выполнялось, но, можно сказать, вовсе не существовало для народа. Оно было упрятано въ самый темный уголъ панскаго архива, и если какой нибудь сострадательный священникъ осмѣливался приподнять нѣсколько завѣсу покрывавшей его таинственности, польское панство и чиновничество представляли его кому слѣдуетъ возмутителемъ народа—и благо, если священникъ отдѣлывался только переводомъ на другой приходъ.

Никогда не забуду того тяжелаго впечатлѣнія, какое выносилъ я изъ прежнихъ наблюденій моихъ надъ нѣкоторыми полѣскими оседлищами. Курныя, будто слѣпленныя изъ каменнаго угля, низкія, покосившіяся, вросшія въ землю, съ заткнутыми, на мѣстѣ разбитыхъ стеклышекъ, какой—нибудь ветошкой или соломой, окнами,—избы—скорѣе походили на жилье термитовъ, нежели усадьбы человѣческія. Возлѣ избы вѣяло какимъ—то запустѣніемъ и безнадежностью; изрѣдка торчало въ озеродѣ нѣсколько десятковъ сноповъ, или высилась узкая, островерхая копна изъ сноповъ разнаго хлѣба; выходившіе изъ избы, такъ же какъ она закоптѣлые, люди—малорослы, тощи, безобразны, до сходства съ орангутаномъ, дики, унылы, растрепаны или увѣшаны колтунами; домашнія животныя—исхудалы, взъерошены, мелки, угрюмы,—словно сочувсвуютъ горю своихъ хозяевъ. Но этотъ грустный очеркъ рисуетъ только значительную часть полѣскихъ оседлищъ, заброшенныхъ въ глубокіе лѣса и болота, а не все Полѣсье. Горожане и мѣщане смотрѣли и смотрятъ совсѣмъ не такъ дико, бѣдно и отчаянно, какъ селяне. Или они принадлежатъ къ другой породѣ славянъ, или селяне измельчали отъ недостатка племенной помѣси и разныхъ лишеній матеріяльныхъ и нравственныхъ,—только между ними поразительное различіе—и физическое и психическое. Простолюдье полѣскихъ городовъ и мѣстечекъ, съ ближайшими къ нимъ оседлищами (1), великорослo, чистоплотно, предпріимчиво, самодовольно, въ большинствѣ—богато. И картина тѣхъ жалкихъ оседлищъ, которыя я старался по силамъ обрисовать выше, болѣе относится къ прошедшему, чѣмъ къ настоящему, и скопирована мною не для эффекта, а для сравненія безотраднаго быдлаго съ восторгающимъ душу настоящимъ, для уясненія того, какое тяжелое бремя давило бѣлорусскій народъ до незабвенныхъ

(1] Особенно по теченію Припяти и отчасти Березины и Днѣпра.

указовъ настоящаго Царствованія: 19 февраля и указа объ обязательномъ надѣлѣ крестьянъ землею. Немного прошло лѣтъ съ того времени, какъ полѣшукъ освободился отъ панской опеки, а какъ онъ съ тѣхъ поръ похорошѣлъ, вытянулся, повеселѣлъ, очистоплотился, обзавелся всѣмъ нужнымъ для счастья его неприхотливой жизни! При его безпримѣрномъ трудолюбіи, устремленномъ на поднятіе своего только довольства, такой счастливый метаморфозъ объясняется весьма естественно. Теперь изба, или гумно полѣшука обставлено,—смотря по числу душъ въ семействѣ и количеству поземельнаго надѣла,—большими или меньшими *стогами* разнаго хлѣба; старыя избы пошли на топливо, огорожу,—на мѣстѣ ихъ стоятъ высокія, просторныя, свѣтлыя, не вездѣ даже курныя, окаймленныя молоденькими фруктовыми деревьями и кустарниками, новыя; домашнія животныя округлились, вытянулись, вылоснились, подросли, повеселѣли; вмѣсто одной—другой пары тощихъ курицъ, теперь кудахтаютъ на гумнѣ стада ихъ и подбиратъ выпавшія изъ созрѣвшаго колоса, или выброшенныя вмѣстѣ съ соломой, хлѣбныя зерна, а стаи гусей и утокъ лакомятся на боровой рѣчкѣ, или притокѣ рѣки, озерѣ жирными вьюнами (1); со времени панскаго порабощенія жеребенки обратились въ лошадей, теленки—въ воловъ и коровъ,—и все это мычитъ на радостяхъ, прыгаетъ, лягаетъ—словно понимаетъ перемѣну недоли на счастіе своего хозяина; лавки и столъ въ избѣ вымыты, кіевскіе, не совсѣмъ благообразные образа окаймлены въ куту чистымъ полотенцемъ, *полица* уставлена поливяною посудой, въ печи варится молочное, или рыбное, или мясное; молодицы и дѣвушки побѣлѣли, похорошѣли, принарядились, дикаренки—дѣти не выглядываютъ на васъ, какъ прежде, изъ подъ печки—полунагія, желтыя, грязныя,—даже собака сдѣлалась какъ-то дружелюбнѣе и не бросается на васъ безъ причины, съ ожесточеніемъ дикаго и голоднаго звѣря. За тожъ, какъ теперь горячо и молится полѣшукъ о здравіи, долгоденствіи и благоденствіи своего Освободителя! Молитва его за лучшаго изъ царей земныхъ настолько же чаще и задушевнѣе молитвы прочихъ его собратій, насколько горе его было непрерывнѣй и тяжелѣ всякаго другаго горя.

Правда, полѣскій мужичокъ не всегда откажется отъ лишней чарки водки, но и эта, общая нашему простолюдью, слабость рѣже теперь возмущаетъ душу наблюдателя, чѣмъ прежде,—во времена крѣпостничества полѣшука не только у пана, но и у еврея-арендатора,—рѣже, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Эта

(2) Когда, подъ зиму, начнутъ у нихъ отростать крылья, птицы залетаютъ или запугиваются орлами такъ далеко, что ихъ съ трудомъ отыскиваютъ, чтобы пригнать на зиму домой.

счастливая перемѣна къ лучшему началась еще съ того незабвеннаго указа, которымъ евреи прогнаны изъ селъ и деревень въ города и мѣстечки. Обманомъ, хитростью, практическимъ изученіемъ души и обстоятельствъ своихъ простодушныхъ сосѣдей, *панъ-арендаръ* прежде отнималъ у нихъ послѣдній *трoякъ* (1½ коп.), десять свѣжихъ яицъ, послѣднюю курицу, *осмину* (восьмая часть бочки, около 2 пудовъ) хлѣба, иногда даже корову. Бывало полѣшукъ хотѣлъ залить свое горе, котораго у него было слишкомъ много,—сивухой, пилъ для того, чтобъ потерять сознаніе тяжкой дѣйствительности и пожить нѣсколько часовъ въ одуряющемъ—нравственно и физически, призрачномъ мірѣ фантазіи; теперь не существуютъ ни субъективныя, ни объективныя причины этого жалкаго самозабвенія. Еврей не истощаетъ уже нравственныхъ и матеріальныхъ силъ народа (1) и встрѣчаетъ въ мѣщанахъ и горожанахъ не слишкомъ податливыхъ и легковѣрныхъ паціентовъ, а мужичокъ, если и выпьетъ на радостяхъ: въ храмовой праздникъ, на свадьбѣ, на крестинахъ, то выпьетъ у себя дома, въ *бесѣдѣ* (2), запасшись предварительно ведромъ или полведромъ (смотря по состоянію) добраго хлѣбнаго—вина, а не валяется, какъ бывало, подъ лавкой въ корчмѣ, или подъ заборомъ на улицѣ. Теперь, когда не стало злаго, разъединявшаго пастыря съ пасомыми, начала, въ видѣ латинопольской силы,—сельскій пастырь вполнѣ свободно и весьма легко можетъ давать иниціативу всякому доброму дѣлу, въ томъ числѣ и трезвости. Съ тѣхъ поръ, какъ полѣскій мужичокъ сдѣлался свободнымъ, а потому богатымъ, онъ сталъ скупѣй и практичнѣе. Бывало, зашибши полтинникъ или рубль, онъ такъ разсуждаетъ: все равно убогому ничего не имѣть, пойдемъ да пропьемъ; а теперь онъ низачто въ свѣтѣ не выпуститъ изъ рукъ золотой или серебрянной монеты,—все суетъ въ кубышку, или *бодню* (3) про черный день.

Не смотря на столь свѣтлый обликъ полѣскаго простолюдья со стороны нравственно-религіозной, внимательный наблюдатель не можетъ не видѣть въ немъ весьма замѣтныхъ отрицательностей со стороны умственной, нарушающихъ единство пріятнаго впечатлѣнія.

Не желая оставаться безучастнымъ зрителемъ явленій міра нравственнаго и физическаго, желая, по крайнему своему разумѣ-

(1) Эту фразу нужно понимать съ ограниченіемъ, потому что евреи прокрались опять (не знаю какими путями) въ села и деревни и эксплуатируютъ постародавнему и трудъ, и здоровье, и нравственность простолюдина.

(2) Бесѣда, означаетъ не разговоръ только, собесѣдованіе, а вообще собраніе домашнее, со всей его обстановкой и времяпрепровожденіемъ.

(3) Особаго устройства круглый сундукъ или кадка, съ крышкой и замкомъ.

нію, постигнуть сокровенныя причины ихъ, а между тѣмъ, встрѣчая неодолимыя препятствія къ пониманію въ недостаткѣ познаній, или точнѣе—невѣжествѣ,—полѣшукъ ищетъ истолкованія своихъ догадокъ въ чудесномъ, иногда просто нелѣпомъ. Эта работа умственная выходитъ еще неудачнѣй оттого, что ею управляетъ ни чѣмъ не сдерживаемое воображеніе,—эта едва ли не самая дѣятельная способность духа полѣшука, постоянно громоздящая чудесное на чудесное, располагающая его къ грезамъ наяву, порою свѣтлымъ и отраднымъ, возбуждающимъ умиленіе и благодарную молитву Творцу, чаще томительнымъ и пугливымъ, ведущимъ къ суевѣрію и безотчетному ужасу. Само собою,—чѣмъ ниже степень умственнаго развитія, тѣмъ порывы воображенія проявляются своеобразнѣй и чудовищнѣй, образы становятся фантастичнѣй и мрачнѣе. Поэтому, преобладающій характеръ полѣсскихъ расказовъ и повѣрій—волшебство и суевѣріе. Дикость окружающей полѣскаго простолюдина природы, мракъ и таинственность его лѣсовъ, длина и широта его болотъ, теряющихся въ синевѣ дали, разнообразный говоръ двуногихъ и четвероногихъ, населяющихъ лѣса и воды животныхъ, обиліе физическихъ, особенно метеорологическихъ явленій, не вполнѣ объясняемыхъ и наукой,—даютъ неразумной его мечтательности и суевѣрію богатую пищу, пугаютъ его воображеніе миѳами о лѣшихъ, русалкахъ, населяютъ ими лѣса и воды, болота и домы. Не умѣя объяснить себѣ окружающихъ его тайнъ изъ законовъ природы, полѣшукъ слышитъ въ крикѣ совы то вой лѣшаго, то хохотъ русалки, то плачъ *упира*,—видитъ въ горящемъ на кладбищѣ или болотѣ водородномъ газѣ—горѣнье, или пересушиванье волшебнаго клада,—въ падающей звѣздѣ—смертъ знакомаго, или паденіе на землю столкнутаго ангеломъ съ неба демона,—въ ночныхъ метеорахъ—перенесеніе огненнымъ змѣемъ клада какому-нибудь, знающемуся съ нечистою силой, богачу,—во всякомъ шумѣ и стукѣ ночью, во всякой неудачѣ, порчѣ, убыли—проказы домоваго (1). Прокатился ли громъ по поднебесью,—это пророкъ Илья, или даже самъ Богъ, разъѣзжаетъ по небу въ огненной колесницѣ, а молнія—это искры, сыплющіяся на землю изъ-подъ копытъ огненныхъ коней. Каждая такая искра, упавшая на землю, непремѣнно убиваетъ діавола. Проклятый хотѣлъ спрятаться отъ нея подъ черную собаку, иногда даже обращался въ нее,—думая, вѣроятно, что огонь Божій не захочетъ оскверниться прикосновеніемъ къ такому нечистому животному; но ему ли обмануть Всевѣдущаго, или убѣжать отъ гнѣва Всемогущаго! По мнѣнію полѣшука, напрасно вы будете тушить

(2) Для умилостивленія его, полѣшукъ оставляетъ ему на чердакѣ избы на ночь нѣкоторыя кушанья.

женное молніей зданіе, тушить его—дѣло богопротивное. По-
ная дерзость погубила бы все село: пламя, въ видѣ огненныхъ
шовъ, упало-бы на всякую хату, и никакая сила человѣческая
моглабъ остановить его жгучести. Такой пожаръ, говорятъ,
кой-то панъ потушилъ молокомъ; но гдѣ его взять въ коли-
твѣ, достаточномъ для погашенія пожара! Понесется-ли вихръ,
не онъ образуетъ тромбы пыли, а нечистая сила. Нужно
екреститься самому, перекрестить и поразить ножемъ землю
то мѣсто, гдѣ вихръ кружитъ столпъ пыли, и изъ земли по-
етъ кровь. А особенно нужно беречься, чтобы вихръ не по-
ъ подъ человѣка; иначе нечистый убьетъ его или изувѣчитъ.
омчится ли ураганъ сквозь чащу—лѣсную и устелетъ путь свой
гантами царства растительнаго,—это пролетѣло надъ лѣсомъ
ортово весѣлье» (свадьба бѣсовъ). Богатое воображеніе полѣ-
ка видитъ пролетающій надъ лѣсомъ весь свадебный поѣздъ,
личаетъ въ немъ новобрачныхъ, *дружковъ*, гостей, музыкантовъ,
скую музыку которыхъ слышитъ въ гулѣ, визгѣ и воѣ урагана.
воетъ-ли собака подъ окномъ, выкопаетъ ли она яму у воротъ,
и у порога, закричитъ ли *пугачъ* (филинъ) на кровлѣ, вѣрно бу-
тъ покойникъ. Застонетъ-ли въ землѣ недавно похороненый,
имо умершій (2),—это стонетъ *упиръ* (вампиръ), сосущій кровь
ящаго человѣка, или великій волшебникъ, выходящій къ полночь
ъ могилы, чтобы дѣлать разный вредъ своимъ бывшимъ сосѣ-
мъ, или передать своимъ роднымъ волшебные секреты, унесен-
е въ могилу начаянною смертію. Нужно раскопать могилу зло-
я, пробить его сквозь сердце осиновымъ коломъ, и онъ уже не
танетъ. Пробѣжитъ ли по селу волкъ,—это пробѣжалъ *вовку-
къ* (оборотень), то есть человѣкъ, превратившійся, или пре-
ащенный волшебникомъ въ волка. Мѣдвѣдь—тоже оборотень.
гда Богъ ходилъ по землѣ, одинъ человѣкъ выворотилъ тулубъ
изнанку и хотѣлъ испугать Его. Разгнѣванный этой дерзостью,
гъ сказалъ ему: быть тебѣ такимъ навсегда, и человѣкъ обра-
лся въ медвѣдя. Падаютъ ли полѣшуки отъ моровой язвы, и
которые будутъ клясться, что они видѣли дѣву смерти, съ ог-
ннымъ вѣнкомъ на головѣ, съ окровавленнымъ платкомъ въ ру-
. Голова ея выше сосенъ. Гдѣ ступитъ смертоносная дѣва,
мъ покроютъ землю—свѣжія могилы, куда махнетъ она платкомъ,
мъ опустѣютъ города и села, въ какой домъ просуетъ она,

(2) Въ старину, когда хоронили (особенно лѣтомъ) мертвыхъ въ самый
ь смерти, это случалось не совсѣмъ рѣдко. Когда сусвѣрные раскапывали
илу и находили покойника лежащимъ ницъ, съ истерзанными руками, съ
овавленнымъ ртомъ,—это только усиливало суевѣрную мысль о похожденіяхъ
ущаго кровь вампира, или извѣстнаго волшебника, никогда окончательно
умирающаго.

сквозь отодвинутое окно, руку съ своимъ кровавымъ платкомъ, тамъ не останется ни одной живой души. Свернулиль ребятишки нѣсколько колосьевъ въ узелъ, плетенку, или изломало ихъ какое нибудь животное,—это *завитка*, или *заломъ*, это дѣло волшебника, а чаще — вѣдьмы, которую видѣлъ такой то, обнаженною и простоволосою, за ея бѣсовскимъ дѣломъ. Нужно пригласить или *панотца* (священника), или *ведзьмака* (волшебника (1)), чтобъ онъ выдернулъ завитку, и тогда несчастіе, угрожавщее хозяевамъ поля, обратится на голову злоумышленника. Безъ этого завитку обожнутъ кругомъ, и она будетъ торчать на опустѣломъ полѣ до глубокой осени и пугать воображеніе мимоидущихъ до тѣхъ поръ, пока птица, или другое, менѣе человѣка пугливое, животное не истребитъ этой выставки суевѣрія людскаго. Если же неопытный или неосторожный жнецъ положитъ завитку въ снопъ, горе несчастному, во внутренность котораго попадетъ хоть одна пылинка муки изъ проклятыхъ и ядовитыхъ зеренъ! Его ожидаетъ или мучительная болѣзнь, или ужасная смерть, или сперва одна, потомъ другая. Заболѣлъ ли полѣшукъ,—это его или *наврочилъ* (сглазилъ) враждебный ему человѣкъ, или испортилъ знахарь, подбросивъ ему въ домъ, или положивъ подъ уголъ его, очарованное зелье, куриное яйцо, или другое снадобье, или снявъ и околдовавъ слѣдъ изъ подъ ноги его, или положивъ въ колесо телеги засушенную лягушку, или *перепивъ*, то есть, поднесши въ сумерки чарку заколдованной, или отравленной чѣмъ нибудь, а особенно *змѣями* (2)—водки. Днемъ знахарь этого не сдѣлаетъ, потому что водка въ рюмкѣ кипитъ, какъ вода на сильномъ огнѣ, и тотчасъ изобличитъ злодѣя. Укусилаль кого *гадзюка* (гадина), началъ ли кто чахнуть, происходитъ ли неладица въ домѣ, два послѣднихъ явленія—дѣло *ведзьмака;* нужно пригласить ведзьмака посильнѣе, чтобъ онъ, разными лѣкарствами—внутренними и внѣшними, а главное—разнородными амулетками, нашептываньями, стираньями, сливань-

---

(1) Смотря потому, кто ближе, или къ кому желающій избавиться отъ послѣдствій завитки, по своимъ убѣжденіямъ, больше имѣетъ довѣрія.

(2) Ядъ этотъ добывается такимъ образомъ: нужно,—говорятъ знахари,—поймать ядовитаго ужа, придавить его къ землѣ деревянными вилочками, положить въ пасть его бобъ и бить ужа розочкой до тѣхъ поръ, пока онъ издохнетъ. Потомъ вынуть изъ пасти ужа бобъ, посадить его, собрать съ него цвѣтъ, высушить и держать пылинку его подъ ногтемъ большаго пальца лѣвой руки. Стоитъ только обмакнуть этотъ палецъ въ рюмку съ водкой, чтобы черезъ нѣсколько минутъ зародились змѣеныши въ желудкѣ выпившаго ее человѣка и истерзали его внутренность.

ями, слизываньями и сплевываньями, предотвратилъ грозящую бѣду или смерть. Даетъ ли корова мало молока, или оно худаго качества, — это вѣдьма приходила ночью—на *купалу* (съ 23 на 24 іюня) съ дойницей и отобрала, или испортила молоко. Нужно пригласить болѣе могучую вѣдьму, для поправки или возврата молока, а для предотвращенія похожденій вѣдьмы на будущее время, нужно повѣсить въ купалину ночь страстную свѣчу надъ воротами коровника. Этой преграды не одолѣетъ никакая вѣдьма, а только свѣча будетъ изгрызена ея зубами. Чтобъ узнать всѣхъ вѣдьмъ въ селѣ, нужно только оставить во рту за щекой отъ масляничныхъ заговинъ кусочекъ сухаго сыру, переносить его во рту (или, по нѣкоторымъ, за пазухой) весь постъ, имѣть его съ собой въ церкви во время заутрени свѣтлаго праздника, —и всѣ вѣдьмы, для обладающаго такимъ сыромъ, представятся или обнаженными, или въ какомъ либо чудовищномъ видѣ. Услышитъ ли полѣшукъ въ лѣсу свое имя, онъ, крестясь и читая молитву, съ ужасомъ ударится въ противоположную сторону, но ни за что не откликнется, думая, что это зоветъ его русалка, качающаяся на древесныхъ (особенно березовыхъ) вѣтвяхъ и заманивающая къ себѣ простодушнаго, чтобы защекотать его до смерти. Демонъ—красавица, съ зелеными волосами, нарочно перечисляетъ популярныя мужескія имена для того, чтобы попасть на имя приведеннаго въ лѣсъ какой-нибудь крайнею нуждой человѣка. Пока человѣкъ, названный по имени, не откликнется, русалка съ нимъ ничего не подѣлаетъ. На Полѣсьи даже одна недѣля (первая по сошествіи Святаго Духа (1) называется *Русальною*. Въ эту недѣлю полѣшукъ ни за что не пойдетъ въ лѣсъ самъ —одинъ.—Словомъ-для полѣшука все воодушевлено: у него живутъ умершіе по земному и часто на землѣ; мать выходитъ изъ могилы, чтобы накормить своимъ молокомъ и укачать своего сиротку—младенца. Въ глубинѣ озера онъ слышитъ звонъ колокола, призывающаго въ праздникъ на молитву церковную жителей села, поглощеннаго когда-то, за ихъ беззаконія, землею. Для полѣскаго міросозерцанія нѣтъ предметовъ неодушевленныхъ: земля у него плачетъ, стонетъ, дерево говоритъ съ сосѣдями посредствомъ шороха листьевъ, видитъ предметы, сокрытые отъ взоровъ человѣка (напр., клады), даже предвидитъ будущее, особенно несчастья. Тою же способностью, по мнѣнію полѣшука, одаренъ всякій цвѣтокъ, всякая травка; а краснорѣчіе звѣрей, особенно

(2) Сказан. рус. народ. Сахарова. т. 2, кн. XII.

птицъ, выше всякаго описанія. Нужно только быть въ лѣсу ночью на купалу, уловить моментъ, когда цвѣтетъ папоротникъ, взять хоть пылинку этого волшебнаго цвѣта, и языкъ всего живущаго и существующаго станетъ понятнымъ для счастливца,какъ его природный, и счастіе его навсегда упрочено, угрожающія бѣды будутъ предвидѣны и предотвращены. Особенно въ ходу по этой части суевѣрія одна сказка. Какой-то счастливецъ искалъ въ купалину ночь заблудившихся воловъ, сбилъ нечаянно ногой цвѣтъ папоротника— крошечный, блестящій какъ искра, живущій одно мгновеніе, раздѣляющее ночь на двѣ равныхъ половины,— унесъ пылинку его въ своихъ лаптяхъ и, къ изумленію своему, вдругъ получилъ способность понимать языкъ всякой твари. Послѣ того, подслушавъ разговоръ между собою двухъ сосенъ, трехъ вороновъ, двухъ собакъ и проч., нашелъ нѣсколько кладовъ, избѣгъ ужасныхъ и неминуемыхъ опасносстей—самъ и спасъ отъ нихъ своихъ родныхъ, изобличивъ нѣсколькихъ тяжкихъ преступниковъ и проч. Такимъ всевѣденіемъ обладалъ счастливецъ только до тѣхъ поръ, пока не переступилъ колоды дерева, сваленнаго бурей; съ тѣхъ поръ онъ сталъ такимъ же темнымъ человѣкомъ, какъ и другіе.

Кромѣ этихъ пятенъ умственныхъ, на душѣ полѣскаго простолюдина нельзя не замѣтить и пятенъ собственно нравственныхъ. Привыкши въ теченіи вѣковъ прятать отъ гнетущей его силы большую половину своей правды,—изгибаться, колѣнопреклоняться, лгать и подличать не только предъ паномъ, но и подпанкомъ и даже *паномъ—арендаремъ* (еврей живущій на селѣ и эксплуатирующій крестьянъ), полѣшукъ и доселѣ остается лукавымъ, двоедушнымъ, недовѣрчивымъ; раболѣпство его и униженіе возмущаютъ душу.

О ПРОИСКАХЪ ПОЛЯКОВЪ МЕЖДУ РУССКИМИ РАСКОЛЬНИКАМИ *).

(*Историческій очеркъ*).

Русскій расколъ, со всѣми своими уродливыми видоизмѣненіями, является глазамъ нашихъ историковъ постояннымъ живымъ фактомъ, требующимъ изъясненія. Кто не знаетъ—сколько самыхъ разнорѣчивыхъ теорій существуетъ въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ о расколѣ, съ цѣлію объяснить это странное явленіе въ жизни русскаго народа. Одни изъ нашихъ ученыхъ говорятъ, что расколъ есть чисто-религіозное явленіе, происшедшее вслѣдствіе исправленія богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ; другіе, наоборотъ, хотятъ видѣть въ расколѣ антигосударственную партію, недовольную государственными реформами по образцу западной Европы, и отстаивающую старые русскіе порядки подъ прикрытіемъ религіи.

Не будемъ передавать всѣхъ взглядовъ на расколъ, а скажемъ только, что дѣйствительно русскій расколъ часто заявлялъ и доселѣ заявляетъ себя въ своихъ догматахъ непріязненно, какъ по отношенію къ государству такъ и къ православной церкви. Этого обстоятельства не могли не замѣтить враги Россіи, чтобы имъ воспользоваться для своихъ цѣлей. Большія надежды возлагала на русскій расколъ революціонная партія, подъ предводительствомъ Искандера; но неменьшія надежды на русскій расколъ лелѣяла и другая враждебная Россіи партія поляковъ.

Поляки видѣли въ русскомъ расколѣ людей недовольныхъ ни русскимъ правительствомъ, ни православною церковью и вслѣдствіе этого недовольства, оставившихъ свое отечество и разбѣжавшихся по чужимъ странамъ, съ затаенною грустію по своей родинѣ. По этому, расколъ, въ глазахъ фантазирующихъ поляковъ, показался сподручною для нихъ силою въ преслѣдованіи своихъ несбыточныхъ мечтаній. Послѣ этого остается, по взгляду поляковъ, сблизиться съ русскими раскольниками, убѣдить ихъ въ своей дружбѣ и пріязни и затѣмъ общими силами нагрянуть

*) При составленіи этой статьи мы руководствовались статьями, помѣщенными въ русскомъ Вѣстникѣ за 1866 г., «Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій.» — Партія Герцена и старообрядцы, тамъ-же за 1867 г.

на Россію. Къ исторической враждѣ раскольниковъ къ русскому правительству и православной церкви, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, особенно въ нихъ усилилось стремленіе имѣть самостоятельную іерархію; осуществленіе этого задушевнаго стремленія раскольниковъ не могло не встрѣтить препятствій и затрудненій со стороны Россіи, что, значитъ, еще болѣе должно развить вражду раскола къ родной ему Россіи. По взгляду поляковъ, было бы недальновидною политикою не воспользоваться такого громадною,враждебною Россіи силою, прямо дающуюся имъ въ руки.

Такъ порѣшили поляки, и заводятъ дружбу съ нашими раскольниками. Какъ и слѣдовало ожидать, начинаютъ съ заграничныхъ раскольниковъ, съ которыми гораздо безопаснѣе вести различныя пріятельскія бесѣды. Потомъ, когда заграничные раскольники будутъ совершенно на сторонѣ новыхъ друзей—поляковъ, тогда уже не трудно будетъ склонить на свою сторону и русскихъ раскольниковъ, съ которыми заграничные раскольники всегда находятся въ живомъ общеніи.

Съ этою цѣлію, послѣ польскаго мятежа 1830 г., Адамъ Чарторыйскій послалъ Михаила Чайковскаго въ Добруджу (въ Турціи) волновать некрасовцевъ, потомковъ той отчаянной шайки казаковъ, которая, вмѣстѣ съ атаманомъ Черкасовымъ, убѣжала изъ Россіи во время булавинскаго бунта; а посредствомъ ихъ взбунтовать единовѣрныхъ имъ казаковъ линейныхъ донскихъ и уральскихъ. Михаилъ Чайковскій принялъ въ Турціи исламъ и сдѣланъ былъ пашею подъ именемъ Ахмедъ-Бея. Такое гражданское значеніе Чайковскаго могло имѣть нѣкоторое вліяніе на некрасовцевъ. Войдя съ ними въ сношеніе, Чайковскій, какъ паша, могъ имъ покровительствовать и оказывать всякія милости— и этимъ расположить ихъ къ себѣ. Дѣйствительно, Чайковскій, съ партіею своихъ соотечественниковъ, поселившихся въ Турціи, и мечтавшихъ съ помощію турецкаго правительства возстановить славянскія народности подъ верховнымъ владычествомъ Польши,—успѣлъ посѣять въ горячихъ головахъ некрасовцевъ что то въ родѣ вражды къ Россіи. Русскій путешественникъ Н. Надеждинъ, въ своей запискѣ о заграничныхъ раскольникахъ, между прочимъ, пишетъ: „Въ особенности поразило меня то, что каждый казакъ, являясь къ Ахмедъ-Бею, прежде всего показывалъ ему половину какой-то медали, съ особенною таинственностію и торжественностію; послѣ этого начинались между

ними отрывистые разговоры, въ которыхъ слышались имена Дуная, Дона, Сѣчи и Москвы, князя Адама и Николая I.» Ухаживанье Чайковскаго за некрасовцами, какъ оказалось по дальнѣйшимъ справкамъ Надеждина, клонилось къ тому, чтобы возбудить некрасовцевъ къ дружному возстанію за козачество и за старую вѣру, когда придетъ время.

Но мечты Чайковскаго—посредствомъ некрасовцевъ взбунтовать русскихъ раскольниковъ не удались. Это фіаско не охладило вниманія и усердія Чайковскаго къ раскольникамъ, въ надеждѣ когда нибудь воспользоваться ихъ неопытностію. Скоро представляется случай Чайковскому заявить раскольникамъ свою безкорыстную къ нимъ дружбу. Нашимъ читателямъ извѣстно, что въ концѣ первой половины настоящаго столѣтія бѣлокриницкіе монахи Алимпій и Павелъ странствовали по востоку за пріисканіемъ епископа для раскольниковъ. Будучи въ турецкихъ земляхъ, эти иноки не забыли посѣтить и своихъ единовѣрцевъ—некрасовцевъ, которые съ полнымъ участіемъ выслушали извѣстіе объ ихъ намѣреніяхъ, и даже извѣстный изъ некрасовцевъ по своимъ сношеніямъ съ Чайковскимъ и вообще революціонною польскою партіею, желавшею подружиться съ некрасовцами—Гончаровъ далъ отъ себя упомянутымъ инокамъ рекомендательное письмо къ Чайковскому, въ которомъ просилъ его помочь подателямъ письма въ предпринимаемомъ ими дѣлѣ, отъ котораго не мало можно будетъ, по взгляду Гончарова, ожидать успѣха и для польскихъ затѣй. Чайковскій и съ своей стороны сообразилъ, что исполненіе предпріятія бѣлокриницкихъ монаховъ послужитъ новымъ пунктомъ соприкосновенія съ раскольниками изъ котораго можно будетъ извлечь выгоды для польскаго дѣла. Если церковная раскольническая власть, думалъ Чайковскій, сосредоточится за границей, то здѣсь, посредствомъ раскольнической іерархіи, можно будетъ вліять и на русскихъ раскольниковъ. Поэтому Чайковскій, вскорѣ по полученіи письма отъ бѣлокриницкихъ иноковъ, взялся усердно хлопотать по ихъ дѣлу. Онъ лично давалъ совѣты бѣлокриницкимъ инокамъ, какъ вести себя въ Константинополѣ, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія со стороны грековъ и турецкаго правительства,—и посредствомъ своихъ агентовъ разъискалъ для нихъ желаннаго архіерея Амвросія, такъ что бѣлокриницкимъ инокамъ, отправившимся по своему дѣлу далѣе на востокъ и возвратившимся оттуда безъ успѣха, Чайковскій указалъ готоваго архіерея, съ которымъ

осталось имъ только переговорить на счетъ его перехода въ расколъ и матеріальныхъ выгодъ. Усердіе къ раскольникамъ по дѣлу бѣлокриницкихъ иноковъ простерлось до того, что Чайковскій ссудилъ ихъ деньгами на дорогу и выхлопоталъ паспортъ для Амвросія на имя майносскаго казака некрасовца, отыскалъ на берегу Босфора домъ, въ которомъ Амвросій незамѣтно ни для кого перерядился въ казацкое платье, такъ что въ однѣ ворота онъ вошелъ греческимъ митрополитомъ, а въ другія вышелъ майносскимъ казакомъ, и въ такомъ видѣ отправился на пароходъ.

Извѣстна послѣдующая судьба Амвросія: онъ, по настоянію русскаго правительства, былъ заточенъ въ г. Цилль. Это, какъ и слѣдовало ожидать, еще болѣе усилило ненависть раскольниковъ къ Россіи, на что не могли не обратить вниманія ея непріятели, и постарались еще болѣе привязатъ къ себѣ враждебную Россіи партію. Когда для турецкихъ раскольниковъ былъ поставленъ епископъ Аркадій; то партія некрасовцевъ, несочувствовавшая бѣлокриницкой іерархіи на томъ основаніи, что она ведетъ свое начало отъ митрополита — обливанца, оклеветала предъ турецкимъ правительствомъ намѣренія принимавшихъ бѣлокриницкую іерархію,—буто бы они вошли въ союзъ съ греками и болгарами противъ турецкаго правительства, пропагандою котораго занимается бѣлокриницкая іерархія съ греческимъ во главѣ ея митрополитомъ Амвросіемъ. Вслѣдствіе такого доноса, епископъ Аркадій и Гончаровъ были заключены въ тюрму. Но на выручку ихъ и на улучшеніе раскольническаго дѣла являются опять прежніе константинопольскіе друзья—панъ Чайковскій съ своею партіею. При содѣйствіи друзей—поляковъ, которые при турецкомъ дворѣ имѣли тогда большую силу, Аркадій и Гончаровъ были освобождены изъ тюрмы и кромѣ того Аркадію было даровано право оставаться епископомъ турецкихъ раскольниковъ, безъ всякой дани правительству за свою должность, какую платили епископы другихъ христіанскихъ населеній; и вообще турецкимъ раскольникамъ даны были такія льготы, какимъ въ Турціи не пользуется ни одно христіанское народонаселеніе.

Получивши одно благодѣяніе, раскольники рѣшились, при пособіи своихъ польскихъ пріятелей въ турецкой чалмѣ, исходатайствовать для себя у турецкаго правительства еще больше правъ въ религіозномъ отношеніи. Чтобы защитить свою іерархію на будущее время отъ всякихъ притѣсненій со стороны мѣстной власти, раскольники задумали просить правительство признать

юридическое существованіе своей іерархіи и на будущее время. Для этого они обратились къ мѣстному начальству, что бы оно дало имъ одобрительную рекомендацію, съ которою они могли бы отправиться къ высшимъ властямъ хлопотать по своему дѣлу. Но и въ этой скромной просьбѣ мѣстное начальство отказало. Раскольники опять обращаются къ Чайковскому за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Старые друзья опять очень усердно хлопочутъ предъ турецкимъ правительствомъ по дѣлу раскольниковъ, и послѣдніе получаютъ фирманъ за подписью султана, въ которомъ подтверждается право раскольниковъ на свободу вѣроисповѣданія и на самостоятельное священство. Всѣ эти милости раскольники получили въ 1851 году, когда приготовлялась восточна война. Пану Чайковскому, стремившемуся дѣлать все во вредъ Россіи, весьма легко было склонить турецкое правительство на милость къ раскольникамъ, отъ задабриванія которыхъ, по убѣжденію Чайковскаго, много можно было ожидать выгодъ для Турціи, въ послѣдствіи времени и для Польши, въ виду готовившихся военныхъ дѣйствій съ Россіею.

Когда открылись военныя дѣйствія въ 1854 г., панъ Чайковскій образовалъ изъ некрасовценъ отрядъ, который не безъ успѣха дѣйствовалъ противъ русскихъ.

Но турецкое правительство, не смотря на расположенность некрасовцевъ къ себѣ, опасалось, чтобы, при встрѣчѣ съ русскими, не прибудилось у нихъ родственное къ русскимъ чувство, и чтобы они не перешли на сторону послѣднихъ; для этого, турецкое правительство предложило некрасовцамъ, для избѣжанія опасности, переселиться поближе къ Константинополю. Нѣкоторыя семейства переселились и имъ оказываемо было самое заботливое вниманіе со стороны турецкаго правительства, а панъ Чайковскій даже предложилъ раскольникамъ въ безмездное пользованіе свою ферму.

Если турецкое правительство и поляки въ турецкой чалмѣ опасались, чтобы некрасовцы не сблизились съ русскими въ силу своихъ родственныхъ связей,—то это опасеніе было не безосновательно. Панъ Чайковскому удалось набрать изъ некрасовцевъ отрядъ, дѣйствовавшій противъ русскихъ, но въ то же время образовывалась и другая партія некрасовцевъ, относившаяся сочувственно къ русскимъ. Къ сожалѣнію, русскимъ начальствомъ сдѣлана была одна ошибка, которая совершенно оттолкнула некрасовцевъ отъ сближенія съ русскими и возбудила прежнія враж-

дебныя ихъ чувства къ Россіи. Русское военное начальство вызвало къ себѣ, подъ предлогомъ переговоровъ, раскольническихъ епископовъ Аркадія и Алимпія и отправило ихъ плѣнными въ Россію. Оскорбленные некрасовцы, метались во всѣ стороны, чтобы возвратить своихъ епископовъ. Посольство некрасовцевъ въ Россію было отправлено, которое повидалось съ своими заключенными епископами.

Затѣмъ польскіе пріятели совѣтуютъ некрасовцамъ перенесть свое дѣло о плѣненныхъ епископахъ на судъ Европы, рекомендуютъ имъ обратиться съ жалобою къ заграничнымъ правительствамъ на несправедливость къ нимъ Россіи. Конечно, польскіе друзья очень хорошо понимали, что заграничныя правительства не станутъ вмѣшиватьея во внутреннія дѣла Россіи, такъ какъ плѣнные епископы были русскіе бѣглецы, о чемъ русское правительство имѣло случай довести до свѣденія турецкаго правительства, по поводу требованія, вслѣдствіе прошенія некрасовцевъ, возвратить плѣнныхъ епископовъ. Русское правительство отвѣчало положительно, что оно упомянутыхъ лицъ не возвратитъ, такъ какъ, по сдѣланному дознанію, оказалось, что плѣнные епископы—русскіе бѣглые подданные. Но поджигая раскольниковъ занесть жалобу на Россію иностраннымъ правительствамъ, поляки этимъ еще болѣе хотѣли развить ненависть некрасовцевъ къ Россіи, которая въ глазахъ некрасовцевъ должна явиться непримиримымъ ихъ врагомъ, когда, не смотря даже на ходатайство иностранныхъ державъ, не хочетъ возвратить некрасовцамъ ихъ плѣнниковъ. Съ этою цѣлію некрасовецъ—Гончаровъ, при содѣйствіи польскихъ друзей, подъ видомъ турецкаго офицера, представлялся французскому императору Наполеону III и подалъ ему лично прошеніе, въ которомъ жаловался на несправедливость Россіи и просилъ заставить русское правительство возвратить некрасовцамъ ихъ плѣнныхъ епископовъ. Наполеонъ III будто бы обѣщалъ Гончарову позаботиться о его дѣлѣ, между тѣмъ какъ въ сущности онъ не думалъ, да и не имѣлъ права, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи. Но на словахъ нужно было сочувствовать некрасовцамъ, чтобы разжигать ихъ страсти противъ Россіи и возбудить ненависть къ русскому правительству и у раскольниковъ, живущихъ въ самой Россіи. Это было бы очень выгодно для нашихъ враговъ.

Такъ могли мечтать поляки, но жизнь ихъ отрезвила и показала имъ въ свое время несостоятельность ихъ мечтаній. На-

прасно поляки думали, что раскольники, различающіеся въ вѣрѣ съ православными русскими, будутъ также различаться съ ними и въ привязанности къ своему отечеству и Государю. Наши поляки всѣхъ людей мѣряютъ по своему.... Настало время польскаго возстанія въ 1863 г., и панъ Чайковскій шлетъ гонцовъ въ Россію, на Донъ и Уралъ, чтобы бунтовать тамошнихъ казаковъ. Вслѣдствіе распоряженія Чайковскаго, идутъ въ Россію плѣнные некрасовскіе попы, но на дорогѣ къ Дону встрѣчаютъ отряды казаковъ, которые съ энергіей спѣшили усмирять, по указанію правительства, крамольныхъ преступниковъ. Со всѣхъ сторонъ россійскаго государства летатъ отъ раскольниковъ адрессы Государю Императору съ выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ, при чемъ они съ сожалѣніемъ оговариваются, что крамольная партія поляковъ оскорбила ихъ патріотическія чувства, когда расчитывала на помощь ихъ единовѣрцевъ. Въ самомъ гнѣздѣ раскола — Бѣлой Криницѣ, сказывается русское чувство. Митрополитъ Кириллъ шлетъ въ Россію „архипастырское посланіе", въ которомъ онъ увѣщеваетъ своихъ единовѣрцевъ покоряться царю и убѣгать *„отъ мятежныхъ крамольниковъ-поляковъ."*

Узнавши преданность русскихъ раскольниковъ своему Государю, агенты Чайковскаго съ половины дороги возвращаются во своя-си и передаютъ врагамъ Россіи взрывъ патріотизма всего русскаго народа.

Такъ кончились связи поляковъ съ русскими раскольниками,— онѣ убѣдили ихъ въ томъ, что ихъ затѣямъ не можетъ сочувствовать ни одинъ членъ русской семьи.

А.—Ичъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПОДЛЯСЬЯ.

II.

Посмотримъ еще на торжественное совершеніе литургіи въ унитской церкви, которое бываетъ въ храмовые праздники, или въ отпусты. Для этого лучше всего поѣхать въ г. Бѣлу, къ одному изъ праздниковъ въ честь Іоасафата Кунцевича, которые бываютъ 16-го сент. и 2 ноября.

Вы видите прекрасную, въ стилѣ р. католическомъ, огромную, но страшно запущенную церковь. Она построена вначалѣ 18

вѣка бывшими владѣльцами г. Бѣлой—Радзивиллами, которые основали здѣсь еще во второй половинѣ 17-го вѣка василіанскій монастырь (уничтоженный въ 1864 году). Въ церковной оградѣ собралось множество еще наканунѣ пришедшаго сюда и ночевавшаго здѣсь простаго народа—съ физіономіями, какія въ теченіи всего лѣта во множествѣ вы видите на погостѣ кіево-печерской лавры. Миновавъ первыя толпы, вы видите здѣсь глубоко потрясающее явленіе. Длинною вереницею ползетъ на колѣнахъ вокругъ церкви убогое крестьянство (конечно, ни одна пани, ни одинъ панъ не исполнитъ этого обряда)—мущины и женщины, старые и малые, набожно нашептывая разныя молитвы и дыша глубокою простодушною вѣрою и тихимъ религіознымъ чувствомъ. Ползетъ одна группа, къ ней присоединяется другая—третья,все больше и больше,такъ что вокругъ церкви образуется сплошное движущееся кольцо. Три раза каждый богомолецъ обойдетъ колѣньми вокругъ огромной церкви.—Вотъ проходятъ въ церковь пріѣзжіе священники унитскіе—а можетъ быть, это и ксендзы р. католическіе,не разберешь до богослуженія,—прошелъ старый доминиканецъ изъ Янова, реформатскій монахъ изъ Бѣлой, паулинскій монахъ изъ Лесна и др., оставленные при своихъ закрытыхъ монастыряхъ для совершенія богослуженій. Проходятъ разнаго рода мѣстные паны, и, разрывая ползущую массу, идутъ прямо въ церковь.—Войдемъ и мы въ церковь.

Кто бывалъ въ кіево-подольской Петропавловской (семинарской) церкви, тотъ сейчасъ вспомнитъ ее, такъ эти двѣ церкви схожи между собою по внутреннему расположенію. Среди церкви скамьи, на хорахъ большой органъ, иконостасъ довольно свѣжій (построенный при кн. Паскевичѣ), съ растворенными царскими вратами, сквозь которыя въ олтарѣ столпилось уже множество мущинъ и женщинъ. Говорятъ, что сейчасъ окончилась тамъ *вотива* (ранняя литургія). У лѣваго, ближайшаго къ олтарю, столба (быка) находится высокая каѳедра, съ славянскою и польскою надписью стиха: *Прійдите, чада, послушайте мене*... У праваго, противуположнаго столба вы видите обыкновенный р. католическій престолъ, а надъ нимъ ближе къ стѣнѣ столба, деревянный, позолоченный закрытый гробъ, съ стеклянными оконцами въ немъ со стороны головы и со стороны ногъ. Это гробъ, въ которомъ находятся, по словамъ унитовъ, *мощи* (?) Іоасафата Кунцевича, патрона уніи, Литвы и Польши, фанатическаго гонителя православія, убитаго православными въ Витебскѣ въ 1623 году; по словамъ Бантышъ-Камен-

скаго, въ этомъ гробѣ лежитъ «восковая фигура» Кунцевича, а по словамъ другихъ, наиболѣе правдоподобнымъ,—подложныя мощи. Извѣстно, что полуистлѣвшее тѣло Іоасафата, выдаваемое уніятскими монахами за мощи, во время шведской войны и занятія русскими войсками Бѣлоруссіи, вдругъ изчезло изъ Полоцка. По словамъ унитовъ, онѣ отправились подальше отъ москалей—схизматиковъ, скрываемы были въ Замостьѣ и другихъ мѣстахъ, пока, наконецъ, нашли себѣ пріютъ въ замковой каплицѣ Радзивилловъ, въ г. Бѣлой. Радзивиллы тотчасъ начали строить для нихъ настоящій пріютъ—великолѣпную церковь при бѣльскомъ, основанномъ ими, василіанскомъ монастырѣ, съ торжествомъ перенесли ихъ въ эту церковь, въ которой онѣ остаются доселѣ. Попросивъ кого либо подержать у окошечка въ головахъ гроба зажженную свѣчку, посмотрите въ окошечко со стороны ногъ,—вы видите человѣческую фигуру въ архіерейскомъ облаченіи,съ епископскимъ католическимъ перстнемъ (надѣтымъ нынѣшнимъ подлясскимъ р. католическимъ епископомъ, Шиманскимъ) на среднемъ пальцѣ правой черной руки, подъ митрою черное засохшее лицо, полуоткрытое. Если бы вамъ удалось когда либо упросить настоятеля церкви открыть гробъ и показать это лицо (но теперь это невозможно потому, что ключъ отъ гроба отобранъ у настоятеля холмскою консисторіею), вы увидѣли бы, что лицо это вовсе не старческое, какое было у старца—Кунцевича, и притомъ безбородое, тогда какъ Кунцевичъ, по обычаю, носилъ бороду и довольно густую. (*) При этомъ, если вы были въ подвалахъ бѣльскаго же по-реформатскаго монастыря и видѣли здѣсь огромное множество открыто стоящихъ гробовъ съ остатками мертвыхъ, между которыми есть полуистлѣвшіе и по мѣстамъ засохшіе, между которыми могъ быть субъектъ, подобный недавно изслѣдованному въ минской губерніи Флавіану Малишевскому,—у васъ невольно родится догадка, которая неотвязчиво будетъ пре-

(*) Въ заштатномъ полоцкомъ Борисоглѣбскомъ (побазиліянскомъ) монастырѣ хранится портретъ Іосафата съ черною окладистою бородой, длинными, не стриженными волосами на головѣ и въ православной архіерейской рясѣ,—да иначе и быть не могло въ началѣ уніи, когда измѣнившіе православію архіереи, въ томъ числѣ и Іоасафатъ, должны были скрывать предъ народомъ и змѣну, прикидиваясь вѣрными вѣрѣ и обрядамъ восточной церкви, съ тѣмъ различіемъ, что будто бы только признавали іерархическимъ начальникомъ римскаго папу, вмѣсто константинопольскаго патріарха, *Ред.*

слѣдовать васъ, если, зная про загадочныя таинственныя путешествія бѣлорусскихъ *мощей* Кунцевича, вы припомните, что, до возсоединенія бѣлорусскихъ унитовъ, полоцкіе василіане показывали въ своей церкви другой *гробъ съ мощами Кунцевича* (?), въ которомъ, по вскрытіи его въ 1839 году, оказались только клочки волосъ и платья. Но затаимъ въ себѣ до времени эти и подобныя догадки, потому что унитамъ крайне опасно сообщать что нибудь подобное. Страшную ненависть возбуждаетъ въ унитскомъ духовенствѣ имя М. О. Кояловича, (**) высказавшаго свою мысль о подложности мощей Кунцевича, и особенно усиленно съ тѣхъ поръ оно пропагандируетъ въ народѣ въ пользу безусловной истинности этихъ мощей. (***)

Надъ этимъ гробомъ находится въ рѣзномъ кіотѣ икона, представляющая общій типъ мученика, съ пальмовою вѣтвію въ рукѣ. Но вотъ подходитъ «закрыстыянъ» (пономарь), дергаетъ веревку у столба, и икона эта опускается внизъ, а на мѣстѣ ея является изображеніе Кунцевича, въ архіерейскомъ об-

---

(**) Авторъ ошибается, не М. О. Кояловичъ первый высказалъ свою мысль о подложности мощей Кунценича, а *К. А. Говорскій*, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1858 году въ Витебскѣ, подъ заглавіемъ „Жизнь Іоасафата Кунцевича", потомъ перепечатанной въ 1862 г. въ издаваемомъ имъ журналѣ „Вѣстникъ Зап. Россіи" и наконецъ, въ изданной имъ внов монографіи Кунцевича, въ 1865 году въ Вильнѣ, и переведенной въ 1866 году на французскій языкъ и напечатанной въ Берлинѣ. Кста и, мы должны замѣтить здѣсь, однажды навсегда, что всякая *инициатива* о рѣшенію, такъ называннаго въ нашей прессѣ, польскаго вопроса, принадлежитъ не Катковымъ, Аксаковымъ и Кояловичамъ, какъ многіе напрасно думаютъ, но именно Говорскому, — документальнымъ, слѣдовательно, неоспоримымъ доказательствомъ сего служитъ издававшаяся имъ неоффицальная часть Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 и 1858 годы, разныя, изданныя имъ брошюры до 1860 года и преимущественно издаваемый имъ съ 1862 года „Вѣстникъ Западной Россіи." *Пріиди и виждь!*

(***) По свидѣтельству базиліянца Стебельскаго, ссылающагося на современные документы, тѣло Іоасафата съ гробомъ, по случаю приближенія къ Полоцку московскихъ войскъ, унесено было тамошнимъ унитскимъ архіепископомъ Антоніемъ Селлявой, въ Польшу, гдѣ, вмѣстѣ съ архіепископомъ, оно странствовало отъ города къ городу, до прекращенія войны, между прочимъ въ Жеровицахъ, Бѣломъ, Замостьи. Преемникъ Селлявы, митрополитъ Гавріилъ Коленда изъ Замостья торжественно перенесъ его въ Вильну, а по возвращеніи Полоцка къ Польшѣ, въ Полоцкъ, гдѣ встрѣчало его все бѣлорусское уніатское духовенство, при участіи латинскаго, въ особенности іезуитовъ. У Стебельскаго (Chronolegia. T. II. Wilna) подробно описаны оба эти торжества перенесенія мнимыхъ мощей Іоасафата въ Вильну и въ Полоцкъ, но нигдѣ нѣтъ намека, чтобы куда нибудь опять переносили его изъ Полоцка, между тѣмъ, при вскрытіи гроба, вовсе не оказалось въ немъ никакихъ останковъ Іоасафата. Спрашивается, кудаже онѣ дѣвались?! О нахожденіи ихъ въ Бѣлой, — это базиліянская выдумка позднѣйшихъ временъ. Есть преданіе въ Полоцкѣ, что прахъ Іоасафата зарытъ подъ поломъ тамошняго Софійскаго собора.

Ред.

лаченіи, безъ митры, съ *бородою* и длинными волосами и съ топоромъ, воткнутымъ въ голову,—глаза его устремлены къ небу, все лицо выражаетъ невинное и безмолвное страданіе, и ни слѣда варварской жестокости, тиранившей православныхъ тысячами.—На хорахъ раздаются звуки органа, играющаго introitum. Изъ олтаря выходитъ и направляется къ гробу Кунцевича, въ полномъ р. католическомъ облаченіи, доминиканскій монахъ и начинаетъ служить латинскую «спевану мшу.» Въ то же время на боковыхъ престолахъ униатскіе священники совершаютъ «тихую мшу» славянскую (до какой степени унитство уродуетъ это высоко-торжественное восточное богослуженіе!). Кончена латинская мисса. Простодушный народъ, ползавшій колѣньми вокругъ храма, подходитъ къ гробу и молится, потомъ густою массою начинаетъ двигаться на колѣнахъ вокругъ всего столба, при которомъ стоитъ гробъ... Окончили и унитскіе священники тихую литургію, пріобщаютъ народъ. Потомъ, стоя подлѣ престола, произносятъ: «За душе змарлыхъ, Здровась Марья, ласки пелна... Здровась Марья, ласки... Здровась...» Подходитъ набожная крестьянка, кладетъ предъ священникомъ на престолъ нѣсколько грошей и шепчетъ ему завѣтное имя, послѣ чего священникъ громко произноситъ: «За душе змарлэго N проше змувиць тши разы Здровась Марья... Здровась Марья... Здровась Марья...» Подходятъ старые и малые, кучка мѣдныхъ денегъ предъ священникомъ ростетъ и ростетъ, и вновь повторяется священникомъ и вслѣдъ за нимъ раздается шопотъ въ народѣ: «Здровась Марья... Богородице Діво...» Около иного престола обрядъ этотъ исполняетъ, вмѣсто священника, холмскій семинаристъ, въ бѣлой рубахѣ поверхъ *сутаны*.

Но вотъ изъ передовыхъ скамей раздается пѣніе какихъ-то польскихъ пѣсней. Поютъ мѣстные мѣщане—*братчики* церковные, сильно пафанатизированные именемъ Кунцевича и уніи. Это—*рожанецъ* въ честь патрона уніи, наполненный такими похвалами ему, какія можетъ измыслить только польско-іезуитская фантазія: въ немъ все есть—и іезуитская ненависть къ схизматикамъ,» и польскія бредни объ «ойчизнѣ,» состоящей изъ Польши и литовско-русскихъ областей, и р. католическія стремленія къ царству на землѣ единаго «пастержа» (папы) и под. Оставимъ ихъ пѣть и пойдемъ съ народомъ въ олтарь. Здѣсь вы прежде всего видите стеклянный продолговатый престолъ, придвинутый къ стѣнѣ, сторона его отъ стѣны завѣшена, а полъ въ немъ устланъ шолковыми и бархатными платами. Что

это за убрянство?... Надъ престоломъ громадныхъ размѣровъ картина въ золоченной великолѣпной рамѣ, представляющая смерть Кунцевима. Русскій православный народъ, съ бородами, съ звѣрскими лицами, кто съ пистолетомъ, кто съ топоромъ, кто съ дубинами, густою толпою бросаются на него. Пораженный выстрѣломъ, Кунцевичъ падаетъ на руки какихъ-то бритыхъ и стриженыхъ молодыхъ монаховъ, а въ это время выступившій впередъ, бородатый, съ засученными рукавами, атлетъ взмахиваетъ топоромъ... Православно-русская группа на этой картинѣ—дикая орда варваровъ, а польско-унитская—ангелы во плоти, устремившіе глаза къ небу и оттуда ожидающіе надежды и утѣшенія. Въ художественномъ отношеніи картина эта великолѣпно представляетъ польско-унитскую мысль (художнику, писавшему эту картину, заплачено 2700 руб. сер.). И эта картина, и стеклянный престолъ, предназначавшійся для помѣщенія въ немъ мощей Кунцевича, сдѣланы и поставлены были одновременно, не задолго до послѣдняго мятежа, заправителями революціонныхъ приготовленій въ Подлясьѣ, на деньги, собранныя преимущественно отъ подлясскихъ помѣщиковъ. Агитаторы мятежа задумали торжественно укрѣпить связь унитскаго народа съ польско-католическимъ и нафанатизировать его противъ «москалей-схизматиковъ.» Престолъ и картина поставлены были при огромныхъ процессіяхъ и церемоніяхъ многочисленнаго, съѣхавшагося въ Бѣлу, унитскаго и р. католическаго духовенства, при чемъ то и другое духовенство, въ многочисленныхъ проповѣдяхъ и разговорахъ, не щадило языка противъ «схизматиковъ.» Въ то же время въ толпахъ тысячами раздавали маленькія бумажныя картинки съ изображеніемъ Кунцевича, причемъ подставные агитаторы кричали въ иныхъ мѣстахъ: «смерць схизматыкамъ,» и ораторствовали предъ окружавшими ихъ на счетъ «ойчизны и москалей.» Это была одна изъ омерзительнѣйшихъ демонстрацій тогдашняго времени. Это былъ безумнѣйшій вызовъ цѣлому восьмидесяти-милліонному народу русскому, попытка торжественнаго отреченія именемъ здѣшней горсти *русиновъ* отъ всякаго родства съ *русскими* и снабженія унитовъ ножами противъ православныхъ братьевъ ихъ. Тогда же, для той же цѣли, революціонною партіею распочаты были предъ папою хлопоты о торжественной канонизаціи Кунцевича, съ обѣщаніемъ отъ имени Польши заплатить сто тысячъ, необходимыхъ для церемоніи. Прежде чѣмъ собрались переложить въ стеклянный гробъ—престолъ мощи Кунцевича, подня-

ся мятежъ, и *москали* расположились въ Бѣлой. *Русины* нетолько не взялись за ножи противъ москалей схизматиковъ, но ловили и передавали въ ихъ руки пановъ—повстанцевъ. Кромѣ унитскихъ священниковъ и многихъ мѣщанъ, никто изъ унитскаго народа не понялъ даже смысла этой манифестаціи и смутно представлялъ себѣ сюжетъ самой картины. Мнѣ не разъ приходилось слышать изъ устъ крестьянъ объясненіе смысла этой картины: народъ увѣренъ, что Кунцевича убили «жиды,» и на физіономіяхъ убійцъ на картинѣ указываетъ даже *пейсики раввина*... Многимъ казалось, что снятіе этой картины вызоветъ бунтъ въ народѣ, но ее сняли (въ 1865 году, теперь она находится въ московскомъ музеѣ), и ни одинъ крестьянинъ—унитъ не выразилъ даже недовольства на это. Паны наказали за все это «глупе быдло унитское» тѣмъ, что не дали ни одного злотаго на канонизацію Кунцевича, и папа за это публично выразился о нихъ—одинъ только этотъ разъ онъ выразился о нихъ справедливо—именно, что «поляки способны только компрометировать всякое дѣло». Но для поляковъ и р. католическаго духовенства Кунцевичъ ничего не значилъ, онъ былъ тогда нуженъ имъ только какъ орудіе для революціонныхъ цѣлей; вышло орудіе неудачнымъ, и они бросили его и теперь открыто смѣются надъ унитскимъ духовенствомъ, простодушно вѣрующимъ, будто поляки въ самомъ дѣлѣ считаютъ Кунцевича «патрономъ Литвы и Польши, какъ то поется въ литаніи въ честь его. Ни одинъ панъ и ни одна пани не заглянутъ въ бѣльскую церковь съ намѣреніемъ помолиться этому мнимому патрону ихъ, они считаютъ такую молитву «хлопствомъ.» (1). Подлясское латинское духовенство, главнымъ образомъ распоряжавшееся этими манифестаціями, еще прежде того порѣшило участь Кунцевича и са-

(1) Но когда папа не на шутку принялся за дѣло канонизація и нашелъ для этаго средства, поляки снова поспѣшили употребить Кунцевича въ свою пользу и высказать вполнѣ, какъ они хотятъ понимать его и какъ презираютъ въ немъ унію и унитовъ. Заграничныя польскія газеты (краковскій Czas и Gazeta Lwowska) сообщаютъ, что въ день канонизаціи Кунцевича (17—29 іюня с. ст.) въ римскомъ папскомъ соборѣ, на одномъ изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, нарисованъ былъ Кунцевичъ въ райскомъ сіяніи, выводящій изъ тюрьмы поляка въ красной конфедераткѣ и зеленомъ контушѣ (достойная честь!). При этомъ торжествѣ эмигранты—поляки и римскіе василіане нанесли тяжкое оскорбленіе присутствовавшимъ здѣсь львовскому унитскому митрополиту Литвиновичу, каѳедральному протоіерею Куземскому и всѣмъ галицко-унитскимъ священникамъ.

маго унитства. Въ 1859 году оно выпросило и съ необыкновенными церемоніями перевезло изъ Рима часть мощей Виктора *поляка 4-го вѣка* (!) въ г. Яновъ, въ сосѣдствѣ съ Кунцевичемъ (Яновъ отъ Бѣлой въ 18 верстахъ); уступая послѣднему громкую славу патрона Литвы и Польши, оно избрало болѣе скромный титулъ для св. поляка 4-го вѣка, именно титулъ «патрона Подлясья,» русско унитской страны; въ самое короткое время успѣло снабдить всѣ унитскіе домы изображеніями его, убѣдить унитское простонародье въ превосходствѣ Виктора предъ Іоасафатомъ и сдѣлать отпусты его несравненне болѣе популярными въ средѣ его, чѣмъ отпусты побѣжденнаго или точнѣе — обманутаго соперника его. Унитское духовенство, которое само принимало горячее участіе въ процессіяхъ перенесенія мощей поляка 4-го вѣка, выходя на встрѣчу имъ съ цѣлыми приходами своими и совершая въ поляхъ литургіи, спохватилось потомъ, но уже было поздо. Нашелся въ средѣ его ревнитель привиллегіи и славы Кунцевича и съ каѳедры протестовалъ противъ соперника его. Но за эту дерзость его заставили съ каѳедры же принести покаяніе въ своихъ безбожныхъ словахъ и признать святость и патронатство надъ унитами—русинами поляка 4-го вѣка. Вскорѣ за тѣмъ рѣшились задобрить унитовъ манифестаціями въ честь Кунцевича...

Надъ главнымъ престоломъ зажигаются свѣчи, звонитъ звонокъ, органъ играетъ introitum, изъ боковыхъ дверей выходитъ въ ризахъ священникъ, въ сопровожденіи діакона и иподіакона. Вы всматриваетесь въ лицо діакона, и узнаете въ немъ хорошо знакомаго вамъ унитскаго священника. Что за метаморфоза? р. католическій обычай. Литургія совершается, *для большей церемоніи,* съ малымъ и большимъ выходами. По прочтеніи евангелія, на каѳедрѣ является монахъ ордена маріановъ-чистокровный польскій казнодзѣя. Имѣйте терпѣніе выслушать эту проповѣдь его, это заносчивое польско-католическое краснорѣчіе предъ «хлопами.» Проповѣдникъ избралъ тему о грѣхѣ клятвопреступленія. Почему? Ужь не хочетъ ли онъ напомнить Нѣсколько разъ выражается онъ, что; желая уяснить свою мысль, будетъ говорить къ простымъ слушателямъ «простымъ ензыкемъ,» то за этимъ слѣдовали только площадныя сравненія и смѣхотворныя изображенія, въ родѣ того, напр., что, при фразѣ: клятвопреступникъ носитъ на языкѣ своемъ «самего дьябла,»

онъ пальцемъ тычетъ себѣ въ ротъ. Слѣдуетъ за душе змарлыхъ тши разы «Здровась Марья»... и за симъ длинное обращеніе проповѣдника къ гробу Кунцевича, съ біеніемъ себя въ грудь, плачемъ и со всѣми другими пріемами и цвѣтами польско-католическаго проповѣдничества.

Окончилась литургія. Въ олтарѣ суета, собирается много священниковъ въ эпитрахиляхъ, со свѣчами въ рукахъ, отъ скамей поднимаются хорюгви. Священнодѣйтвовавшій беретъ въ руки *монстранцію* и, обратившись къ народу, запѣваетъ: «По-слухай-це.» Не успѣлъ онъ кончить послѣднюю ноту, какъ толпа мѣщанъ восторженно подхватываетъ: «цо зробила въ Витебску злыхъ людзи сила...» Играетъ органъ, гремятъ бубны на хорахъ,—процессія обходитъ три раза вокругъ храма съ пѣніемъ этой вѣсни въ честь Кунцевича.

Вечеромъ того дня, вмѣсто восточной вечерни, совершается опять процессія съ монстранціею, по окончаніи которой, предъ гробомъ Кунцевича, поется въ честь его литанія.

Мы видѣли праздникъ въ собственномъ смыслѣ унитскій. Кунцевичъ, это—ядро уніи, прибѣжище и сила ея. Подобнымъ образомъ искалѣченъ весь составъ унитскаго богослуженія и въ мысли, и въ характерѣ, и во всѣхъ частяхъ своихъ. Въ субботу вечеромъ униты рѣдко гдѣ совершаютъ какое либо богослуженіе. Наканунѣ большихъ, особенно храмовыхъ праздниковъ совершаютъ *всенощную*. Но такой всенощной вы не найдете ни въ одномъ уставѣ. Съѣдутся нѣсколько священниковъ и какъ уговорятся, такъ и служатъ, выбрасывая всѣ чтенія, малыя эктеніи и—кто что вздумаетъ. Многіе праздники, особенно напоминающіе Востокъ, или вовсе изгнаны изъ календаря, или измѣнены въ своей мысли. Вовсе уничтожены праздпини: *Іоанна Богослова* (8 мая), *Перенесеніе мощей св. Николая* (9 мая), *Усѣкновеніе главы Предтечи* (29 авг.); ослаблено значеніе *Покрова пр. Богородицы* и *Трехъ святителей*—столповъ восточной церкви. Совершенно измѣнена мысль праздника *Богоявленія*, униты знаютъ въ этотъ день только праздникъ «Тшехъ крулювъ» (какъ у католиковъ) и не совершаютъ торжественнаго освященія воды. *Зачатіе св. Анны* (9 дек.) измѣнено въ «Непокаляне Зачение» (Пренепорочное Зачатіе)—праздникъ, установленный въ Римѣ въ 1856 году. Введено празднованіе *Тѣла Господня*, въ 10-й день по сошествіи Св. Духа по юліанскому календарю, какъ р. католики празднуютъ его въ тотъ же день по григоріанскому. Не только проповѣдь, но и

исповѣдь производится унитскими священниками на польскомъ языкѣ.—Всѣ религіозные обычаи р. католиковъ перешли въ унію, всѣ восточные или изгнаны или совершенно преобразованы въ своемъ духѣ и значеніи. Но что особенно поражаетъ въ этомъ случаѣ безпристрастнаго наблюдателя, это полное отсутствіе единства и совершенный личный произволъ каждаго священника въ богослуженіи и во всей богослужебной дѣятельности. Одинъ свято соблюдаетъ то, что другой называетъ схизмою или безсмыслицею, и всѣ не соблюдаютъ ни требованій своихъ богослужебныхъ книгъ, ни даже позднѣйшихъ унитскихъ уставовъ и не допускаютъ надъ собою въ этомъ отношеніи ничьего контроля, выше всего ставя личное свое воззрѣніе,

Какимъ образомъ произошло это страшное опустошеніе въ восточномъ унитскомъ богослуженіи, и откуда явилось это невиданное ни въ одномъ христіанскомъ исповѣданіи самоволіе духовенства? Зайдемъ къ священнику, можетъ быть, отъ него узнаемъ все это.

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Освященіе виленскаго св. Никольскаго каѳедральнаго собора 22 октября 1867 года.

Послѣ многихъ обновленій и возстановленій изъ праха и развалинъ поруганныхъ изувѣрствомъ пришлецовъ и измѣнниковъ русской вѣрѣ и народности святынь виленскихъ,—Богъ сподобилъ насъ праздновать обновленіе и освященіе первопрестольнаго храма здѣшней области,—виленскаго каѳедральнаго св. Николаевскаго собора.

Чудная судьба этого дивнаго храма! Заложенный тотчасъ по утвержденіи на брестскомъ соборѣ уніи (1596 г.) (1) сыномъ короля—іезуита, княземъ—кардиналомъ Фердинандомъ и освященный во имя королевича—фанатика Казимира, произведеннаго тогда папой во святые за угнетеніе православія,—храмъ этотъ былъ подаренъ іезуитамъ, которые устроили при немъ свою коллегію, или точнѣе—главное въ краѣ гнѣздо пропаганды, разлившейся отсюда, какъ изъ главнаго резервуара, на всю стра-

(1) Тутъ авторъ «Русской Вильны» расходится съ преосв. Александромъ въ указаніи времени основанія храма.

ну и чуть не залившаго скудныхъ убѣжищъ православія. По изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи, храмъ сей переходилъ изъ рукъ въ руки разныхъ учрежденій папскихъ, какъ-бы вѣщуя непрочность своей судьбы, незаконность своихъ обладателей и отыскивая законныхъ хозяевъ. Построеніе храма олтаремъ на востокъ какъ бы предвѣщано, для кого предъуготовлялся храмъ сей и кто внидетъ нѣкогда въ ею святая святыхъ—послужить духомъ и истиной Богу, озарившему Россію свѣтомъ съ Востока. Такъ враги православія «собирали угліе на главу свою,» такъ Промыслъ «разоряетъ совѣты нечестивыхъ,» такъ уготованное папствомъ на погибель православія обращается въ его красоту и утвержденіе. «Слава Тебѣ Богу благодѣющему намъ»!

Но оставимъ подробное изслѣдованіе судебъ первопрестольнаго храма виленскаго—тѣмъ болѣе, что онѣ вполнѣ раскрыты въ превосходномъ словѣ, которое произнесено при освященіи его преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, и которымъ мы имѣемъ счастіе украсить настоящую слабую замѣтку.

Тѣ, которыхъ Богъ удостоилъ быть пособниками возоезданія виленскаго каѳедральнаго собора, не пожалѣли ни издержекъ, ни искуства, ни усердія на сообщеніе ему возможнаго великолѣпія. Въ разное время, ассигновано на устройство собора около 130,000 рублей (1). Тотъ, кто видалъ этотъ храмъ и въ прежнемъ и въ настоящемъ его видѣ, съ трудомъ повѣритъ, чтобы на эту сумму можно было превратить такую бѣдность въ такое великолѣпіе. Теперь, и по мѣстности, занимаемой здѣшнимъ православнымъ каѳедральнымъ соборомъ, и по впечатлѣнію, производимому на зрителя общею панорамой Вильны съ окружающихъ ее горъ, и по великолѣпію отдѣлки, въ которой сказалось послѣднее слово зодчества, съ его аксесуарами,—это—по истинѣ-храмъ вѣры *господствующей* въ нашемъ отечествѣ. Какъ ни богата Вильна громадными памятниками нашествія на здѣшній край латинизма и полонизма, но всѣ они отходятъ на задній планъ, въ сопоставленіи съ недавно-освященнымъ храмомъ православнымъ. Много мы видали храмовъ православныхъ на святой Руси, любящей благолѣпіе дома Божія: видали мы и облитые золотомъ храмы кіевскіе, съ ихъ сребркованными престолами, люстрами и вратами, съ ихъ иконостасами, закутанными въ золото, серебро и дорогіе камни; видали мы и столичные наши храмы, но не одинъ изъ нихъ не возбуждалъ въ душѣ нашей (лично; за другихъ не ручаемся) тѣхъ свѣтлыхъ ощущеній, какія возбудилъ храмъ виленскій. Эти ощущенія не были ни изумленіе, ни чувство ничтожества человѣческаго, ни даже благоговѣніе къ «мѣсту святу», а восторгъ, душевное отишіе и умиленіе: на душѣ было такъ легко и свѣтло, какъ въ храмѣ; такъ бы и порхнулъ, кажется, изъ этого храма въ міръ лучшій, къ „отцу свѣтовъ". Обиліе свѣта (4 свѣта), изящество, разнообразіе, безъ пестроты, и гармонія орнаментовъ и колеровъ, возможность окинуть однимъ взоромъ и мыслію великолѣпіе храма, не смотря на его огромность, дивная—православная живопись иконо-

(1) Первоначально отпущено было 80,000.

стаса и боковыхъ изображеній, тонкая, лѣпная работа, искуство въ поддѣлкѣ мрамора, доведенное до безразличія съ природой, богатство натуральныхъ мраморовъ, красота капителей и орнаментовъ, опоясывающихъ колонны и всѣхъ деталей иконостаса, поставленнаго на бѣло—мраморномъ пьедесталѣ, грандіозность оправославленныхъ, на сколько то было возможно, боковыхъ олтарей латинскихъ, обращенныхъ въ кіоты для православныхъ иконъ, великолѣпіе обширнаго до излишества олтаря, одѣтаго въ разнородныя украшенія изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, съ преобладаніемъ между ними зеленнаго, величественныя бронзовыя, золоченыя чрезъ огонь, царскія врата и такая же! люстра, прекрасный мозаичный полъ (въ олтарѣ парке),—все это порознь и вмѣстѣ—ласкаетъ взоры, услаждаетъ сердце и производитъ на душу наблюдателя то ощущеніе—изящнаго, котораго, опять скажемъ, мы не испытывали даже въ томъ храмѣ, великолѣпіе котораго, какъ то разрозненно, драгоцѣнность матеріала и художественность произведеній искуства, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ, скрываются въ полумракѣ средней башни и боковыхъ придѣловъ, и въ живописи котораго не вездѣ даже выдержанъ характеръ иконописи православной.

Наружность храма, особенно фронтона, неменѣе благолѣпны. Вся отдѣлка церкви—въ стилѣ барроко, строго приспособленномъ къ характеру православнаго храма. Передній фасадъ церкви облицованъ новою кирпичною кладкою, съ раздѣлкою разныхъ выступовъ, для отдаленія архитектурныхъ украшеній. Надъ фасадомъ выведены три башни, съ золоченными куполами и такими же крестами. Средняя башня, ширины 3 сажени, въ пролетѣ 6 саженъ, тремя сторонами оперта на аркѣ, перекинутой отъ одной колокольной башни до другой. Смѣлость постановки этой башни обращаетъ на себя особенное вниманіе специалистовъ. Парадный входъ на паперть увѣнчанъ куполомъ съ золочеными чрезъ огонь украшеніями, располагающими, при первомъ взглядѣ на храмъ, въ пользу цѣлаго. Надъ входомъ написаны три изображенія al fresco: св. Николая, благовѣрнаго князя Александра Невскаго и Обручника—Іосифа, которыя, въ общей массѣ архитектурныхъ украшеній, заканчиваетъ характеръ православнаго храма. Главный куполъ, украшенный внутри и снаружи лѣпными работами, въ ширину около 10, а въ вышину около 27 саженей. Отстройка храма производилась по рисункамъ профессора академіи художествъ, дѣйств. стат. совѣтника Александра Иван. Резанова, архитекторомъ—академикомъ Н. И. Чагинымъ, при участіи помощниковъ его, Розова и художника Ипполита. Живопись исполнена художниками Тихобразовымъ, Васильевымъ, Величомъ, Флавицкимъ и Трутневымъ. Бронзовыя издѣлія производилъ мастеръ Соколовъ, лѣпныя работы—Отто, а мраморныя—Батто. Должно быть работы эти замѣчательны, когда за модели ихъ и рисунки г. Резановъ получилъ первую золотую медаль на парижской всемірной выставкѣ, а Государь Импера-

торъ наградилъ г. Резанова 3-й и г. Чагина 4-й степени орд. св. Владиміра.

Пользуемся случаемъ заявить, что всѣ другія работы тѣхъ же художниковъ, украсившія храмы и памятники возрождающейся православной Вильны, такъ же изящны и необыкновенны, какъ и вѣнчавшія ихъ работы по возрожденію виленскаго каѳедральнаго собора, сосредоточившаго въ себѣ все, что талантъ человѣка можетъ изобрѣсти для благолѣпія дома Божія, безъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ и затраты огромныхъ капиталовъ.

Освященіе каѳедральнаго собора нашего совершилось въ многознаменательный для Россіи день избавленія отечества нашего отъ нашествія вѣковыхъ враговъ нашей вѣры и народности чудодѣйственнымъ заступленіемъ Божіей Матери. Нашъ праздникъ былъ какъ бы юбилеемъ того, которой совершался въ Москвѣ два съ половиною вѣка тому назадъ, при одинаковыхъ почти побужденіяхъ и обстоятельствахъ. Освящая православный каѳедральный соборъ, устроенный изъ бывшаго костела мнимо-святаго Казиміра, мы тѣмъ самымъ торжествовали въ ополяченной—было и олатиненной насквозь Вильнѣ побѣду православія подъ папствомъ, хозяевъ страны надъ пришлецами и ренегатами, праздновали поворотъ судебъ здѣшняго края къ эпохѣ давнопрошедшей. Первоначальный виновникъ этого поворота, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Іосифъ обнаруживалъ сильное желаніе совершить лично освященіе того собора, которой разъ уже освящалъ онъ въ незабвенную для церкви православной эпоху; но удручающій его недугъ превозмогъ силу его воли. Впрочемъ, освященіе храма совершилось съ рѣдкою въ нестоличномъ городѣ торжественностью: въ немъ участвовали три архіерея: архіепископъ (б. минскій) Антоній и епископы брестскій Игнатій и ковенскій Александръ, въ сослуженіи трехъ архимандритовъ и всего виленскаго духовенства. Не только вся православная, но отчасти и неправославная и даже нехристіанская Вильна поспѣшила—первая помолиться въ преизбыточествующемъ сугубою благодатію обновленномъ храмѣ, другая посмотрѣть на чудный этотъ храмъ и торжественное богослуженіе православное; при всемъ томъ въ храмѣ не было тѣсно. По случаю соединенія въ одинъ трехъ праздниковъ, богослуженіе продолжалось до конца 3 часа по полудни. Многая лѣта живущимъ и вѣчная память отшедшимъ въ жизнь загробную покровителямъ православія и споспѣшникамъ обновленія новоосвященнаго храма, смѣняясь нѣсколько разъ одно другимъ, переносили мысль, чувство и молитву нашу отъ земли на небо, съ неба на землю. Торжество было закончено военнымъ парадомъ, въ которомъ приняли участіе всѣ войска, квартирующія въ Вильнѣ и его окрестностяхъ.

Съ восторгомъ украшаемъ и оканчиваемъ настоящую замѣтку копіей человѣколюбиваго предписанія, даннаго высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Іосифомъ виленскому каѳедральному собору, 20 октября текущаго года.

„Желая почтить добрымъ дѣломъ торжество освященія Виленскаго Николаевскаго Каѳедральнаго Собора, обнов-

леннаго нынѣ благолѣпно отъ Высоко-Монаршихъ щедротъ,—препровождаю при семъ *пятьсотъ рублей серебромъ* (500 рублей) въ Каѳедральный Соборъ и поставляю оному въ обязанность раздать сіи деньги неимущимъ, нуждающимся въ пособіи при нынѣшней чрезмѣрной дороговизнѣ на жизненныя потребности,—да молитвы ихъ вознесутся ко Всевышнему о Благочестивѣйшемъ Государѣ, и о добрыхъ исполнителяхъ Высочайшей воли Его!.

СЛОВО

по освященіи виленскаго соборнаго храма во имя св. Николая Чудотворца.

Велія слава храма сего послѣдняя паче первыя. (Агг. 2, 10).

Бр. христіане! При видѣ этого храма, великолѣпно обновленнаго, изящно и благолѣпно украшеннаго и торжественно освященнаго нынѣ, съ особенною радостію умѣстно и благовременно повторить слова ветхозавѣтнаго Пророка: *велія* нынѣ *слава храма сего* въ сравненіи съ прежнимъ его видомъ и украшеніемъ. Велія слава извнѣ, тѣмъ паче по внутренней красотѣ и чрезвычайному благолѣпію новоустроеннаго св. иконостаса. Велія слава и по особеннымъ обстоятелсствамъ, способствовавшимъ къ такому обновленію и украшенію. Велія слава и въ самомъ торжествѣ освященія, совершенномъ нынѣ, по Благодати Св. Духа, соборомъ архіереевъ и іереевъ.

Величественный храмъ сей и прежде былъ, и нынѣ вновь является знаменіемъ торжествъ Православія. Въ судьбѣ этого храма кратко высказывается судьба православной Церкви въ здѣшнемъ краѣ, отображается долгая и тяжелая борьба Православія съ латинствомъ. Довольно сказать: мы совершаемъ нынѣ торжество православной Церкви въ храмѣ, сооруженномъ на гибель Православія злѣйшими врагами онаго іезуитами,—и, при чувствѣ радости, невольно пробуждается въ душѣ нашей тревожное горькое воспоминаніе. Это воспоминаніе обращаетъ мысленный взоръ нашъ къ прошедшему, ведетъ насъ къ началу храма и дальнѣйшей судьбѣ его. Построеніе храма сего относится ко времени скорбному, тяжелому для православныхъ. Въ концѣ XVI вѣка введена унія въ западной Россіи. Насильно, жестокими мѣрами, она распространяема была въ Вильнѣ и во всемъ краѣ. Но въ Вильнѣ унія встрѣтила сильный оплотъ

во множествѣ ревностныхъ православныхъ, населявшихъ по преимуществу эту часть города; встрѣтила оплотъ въ тогдашнемъ православномъ братствѣ, имѣвшемъ (тогда) огромныя средства матеріальныя, и еще большія нравственныя; такъ какъ къ братству принадлежали почти всѣ лучшіе люди города и другихъ мѣстностей,—умнѣйшіе, образованные, богатые и вліятельные, какъ наприм., князь Кон. Острожскій, Θеодоръ Скуминъ и другіе. Чтобы разрушить этотъ оплотъ Православія, вліявшій на массу народную, іезуиты—эти ярые пропагандисты папизма—употребляютъ всѣ средства къ ослабленію и разорванію крѣпкаго доселѣ Православія, утвержденнаго и освященнаго честною кровію св. вилен. мученрковъ: Антонія, Іоанна и Евстаθія. Чтобы противопоставить православной святынѣ свою святыню, они исходатайствовали у папы Климента VIII канонизацію польскаго королевича Казиміра, жившаго въ XV вѣкѣ и бывшаго гонителемъ и губителемъ православія въ Литвѣ. На 3-й день праздника—по поводу канонизаціи Казиміва, 12 мая 1604 г.,—на мѣстѣ семъ, находившемся тогда въ центрѣ православнаго населенія,—торжественно совершена закладка огромнаго костела въ честь новосочиненнаго святаго королевича. Для большаго еффекта, въ основаніе костела положенъ былъ камень громадной величины, найденный на Антоколѣ. Семьсотъ человѣкъ виленскихъ мѣщанъ и другихъ богомолсцевъ, предшествуемые многими высшими сановниками и во главѣ литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, представителемъ короля Сигизмунда III, тащили камень съ Антоколя къ мѣсту сему. Въ произнесенной при закладкѣ проповѣди сказано было, что сей краеугольный камень будетъ служить камнемъ преткновенія для православныхъ и враговъ Польши. На камнѣ сдѣлана надпись, что костелъ сей посвящается Казиміру, могущественному защитнику Литвы, непобѣдимому побѣдителю непріятельскихъ войскъ. Постройка костела производилась подъ присмотромъ Льва Сапѣги, на щедрыя и обязательныя пожертвованія, по преимуществу же иждивеніемъ кардинала князя Фердинанда, сына Сигизмунда III. Новый храмъ, удивлявшій современниковъ своею величественною архитектурою и богатствомъ, по повелѣнію короля фанатика, переданъ былъ іезуитамъ, которые устроили при храмѣ свою коллегію и новиціатъ, На слитіе большаго колокола подарены Сигизмундомъ пушки, взятыя подъ Смоленскомъ, и колокола, награбленые изъ православныхъ церквей. Колоколъ окрещенъ по латинск. обряду и нареченъ Казиміромъ. Въ 1610 году 1 іюня, пожаръ, истребившій половину г. Вильны, не пощадилъ и казиміровскаго костела; но скоро онъ былъ возобновленъ и украшенъ болѣе прежняго. Въ 1655 г., во время взятія русскими войсками Вильны, костелъ подвергся раззоренію; самый гробъ литовско-польскаго патрона Казиміра іезуиты принуждены были скрыть въ Ружанахъ—б. имѣніи Сапѣги, Слоним. уѣзда. Послѣ 1775 г., по упраздненіи папою іезуитскаго ордена, костелъ

Казиміра принадлежалъ ксендзамъ-эмеритамъ изъ іезуитскаго общества; потомъ съ 1799 г. сталъ приходскимъ костеломъ. Въ 1812 г. овладѣвшіе Вильною французы-католики,—друзья Польши—обратили казиміровскій костелъ въ складъ вещей своихъ и конюшню.—Въ 1814 г. костелъ переданъ былъ ордену латинскихъ монаховъ миссіонеровъ. Наконецъ, въ 1832 г., по прекращеніи польскаго мятежа, переданъ по Высочайшему повелѣнію покойнаго Государя Императора Николая I, православному вѣдомству, для устройства въ немъ собора. Блаженной памяти Благочестивѣйшій Государь Николай Павловичъ принималъ особенное участіе въ передѣлкѣ костела; въ бытность свою въ 1837 г. въ Вильнѣ, внимательно распрашивалъ о работахъ по оному,—и вслѣдъ за тѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, приказалъ увеличить назначенную на передѣлку сумму. Возобновленный и обращенный въ православный соборъ, храмъ сей торжественно, 8 сент. 1840 г., освященъ былъ по чину православной Церкви, высокопреосвящен. Іосифомъ, митрополитомъ литовск. и вилен.,—во имя не гонителя, а твердаго ревнителя православной Вѣры, защитника и покровителя Россіи,—святителя и чудотворца Николая. Не смотря на величественность архитектуры, передѣланный изъ костела храмъ казался не вполнѣ соотвѣтствующимъ идеѣ Православія и своему значенію; особенно бросался въ глаза православныхъ малый, довольно простой иконостасъ. Заботливое сердце маститаго Архипастыря нашего постоянно думало о сооруженіи новаго, болѣе благовиднаго иконостаса и изыскивало нужныя къ тому средства. Между тѣмъ наступилъ мятежъ 1863 г. Для усмиренія крамолы и водворенія законнаго порядка въ краѣ,—по Высочайшему назначенію, явился въ Вильнѣ доблестный Михаилъ Никол. Муравьевъ. Принявъ рѣшительныя мѣры къ быстрому подавленію мятежа, возбужденнаго латино-польскою—ксендзо-шляхетскою партіею, покойный графъ всемѣрно заботился о поддержаніи и возвышеніи Православія; съ этой цѣлію старался изыскать средства къ устроенію и приличному украшенію православнымъ храмовъ, отличавшихся бѣдностію. Каѳедральный соборъ первый, по указанію высокопреосв. митрополита, обратилъ на себя особенное вниманіе Михаила Николаевича—и тогдаже рѣшено было устроить въ немъ новый иконостасъ и привесть храмъ въ благолѣпный видъ. Съ Высочайшаго разрѣшенія, немедленно отпущена на передѣлку храма значительная сумма въ распоряженіе особо учрежденнаго виленскаго церковно-строительнаго комитета. И вотъ, благодаря усердной заботливости почтеннаго предсѣдателя комитета, начальника Вил. губерніи (С. Ѳ. П.) и добросовѣстной дѣятельности исполнителей Высочайшихъ предначертаній, храмъ сей нынѣ является въ такомъ блестящемъ великолѣпномъ видѣ, въ какомъ только можно было воображать и желать православнымъ. Такова исторія храма сего, Начало ея представляетъ намъ сильную ожесточенную борьбу папизма

съ Православіемъ,—борьбу, въ которой папство и главный органъ его іезуитизмъ вполнѣ высказались—во всей безобразной, безнравственной наготѣ своей. Въ концѣ же видимъ торжество Православія, торжество истины надъ заблужденіемъ. Исторія эта доказываетъ намъ, что истина, рано ли поздо ли, непремѣнно восторжествуетъ; что единый глава вселенской Церкви—Господь нашъ І. Христосъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Своимъ, попуская на время Церковь Свою угнетенію и униженію отъ враговъ, никогда не оставляетъ ее безъ Своего смотрѣнія—и въ конецъ вѣнчаетъ ее славою. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, въ началѣ XVII в., строится первый латинскій храмъ въ той части г. Вильны, которая дотолѣ была вполнѣ русскою, православною;—строится для истребленія православной вѣры, и черезъ 2 вѣка тотъ же храмъ—первый изъ латинскихъ въ Вильнѣ,— передается православнымъ,—и становится первымъ главнымъ православнымъ храмомъ — по своему значенію въ странѣ, какъ храмъ соборный, каѳедральный,—первымъ и по своему величію и благолѣпію. Въ основаніе храма положенъ іезуитами огромный камень.—съ тѣмъ, чтобы храмъ сей былъ камнемъ преткновенія для православныхъ; а нынѣ храмъ сей является камнемъ истинной Вѣры,—камнемъ Православія,—бываетъ конечно и каменемъ преткновенія, только уже не для православныхъ, а для самихъ латинянъ. Построенъ храмъ сей для уничтоженія православной Вѣры; а нынѣ служитъ источникомъ, изъ котораго благодатныя струи Православія изливаются для цѣлой епархіи, а напоевая жаждущихъ—не только искони православныхъ, но и изъ иновѣрныхъ. *Отъ Господа бысть сіе,* скажемъ словами самаго Господа, *и есть дивно во очію нашею.* (Мѳ. XXI, 42). Іезуитизмъ и вообще папство думало основать крѣпость и могущество свое на внѣшней силѣ, полагало достигнуть своихъ недостойныхъ цѣлей богатствомъ, хитростію и обманомъ,—и послѣ краткаго успѣха, послѣ временнаго торжества подвергается паденію, ослабленію и близится къ конечному уничтоженію. И естественно, заботясь о внѣшнемъ преимуществѣ и силѣ матеріальной, папизмъ небрежетъ о духовномъ совершенствѣ, составляющемъ существенную силу Христіанства. Полагая въ новоизмышленное зданіе церкви своей разные камни, announcing папистъ небрегутъ о томъ Камнѣ, который—во главѣ угла Церкви Вселенской. Представляя св. апостола Петра и его преемниковъ папъ римскихъ—главами церкви, оставляютъ безъ должнаго почитанія истинное основаніе и верховнаго Главу Церкви, забывая слова Апостола, сказавшаго: *камань же бѣ Христосъ* (1 Кор. X, 4). Этотъ—то Камень полагаетъ православная церковь въ основаніе своей Вѣры; въ Него вѣруетъ, какъ Единнаго Главу и Господа; и вѣра ея не посрамила, и никогда не посрамитъ православныхъ.

И тогда, когда по соображеніямъ человѣческимъ представляется большая опасность для Церкви и вѣрныхъ сыновъ ея,—тогда то неожиданно является отъ Господа спасеніе,—и

проявляется слава Божія въ возвеличеніи хранимой имъ св. Церкви и въ спасеніи отечества нашего. Такъ, мятежъ 1831 г. воздвигнутый поляками къ ослабленію Россіи и къ истребленію православной Вѣры, по дѣйствію промысла Божія, послужилъ къ униженію враговъ Россіи, и вызвалъ должныя мѣры и средства къ возвышенію Православія. Подавленная дотолѣ,—забытая въ краѣ семъ православная Церковь стала выходить на свѣтъ Божій изъ своего ничтожества и украшаться—святыми храмами. Ослабленный, вслѣдствіе мятежа, польскій папизмъ не въ силахъ уже былъ воспрепятствовать соединенію незаконной дщери своей—уніи,—соединенію искреннему, съ своею родною матерью—восточною Церковію. Сила Православія естественно возросла, увеличилась чрезъ прибавленіе 2-хъ милліоновъ возсоединенныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ возрозсла и сила русскаго духа. И храмъ сей навсегда останется однимъ изъ памятниковъ возсоединенія, какъ первый храмъ, освященный главнымъ вождемъ возсоединенія уніатовъ съ православною Церковію, доблестнымъ архипастыремъ Литовскимъ и Виленскимъ, какъ первый соборный храмъ въ краѣ, въ которомъ совершалось и совершается торжество Православія. Нельзя кстати не замѣтить здѣсь, что закладка новаго иконостаса совершилась 25 марта 1864,—въ тотъ день, когда праздновалось двадцати—пятилѣтіе послѣ возсоединенія уніатовъ съ православною Церковію, а освященіе храма совершилось въ день, въ который воспоминается изгнаніе поляковъ изъ Москвы, заступленіемъ Божіей Матери. Ксендзовско-шляхетскій матежъ 1863 г., проявившій себя неслыханною жестокостію противъ православныхъ, въ дѣлѣ Православія и обрусѣнія края, сдѣлалъ еще болѣе. Мученическая кровь страдальцевъ не осталась безплодною. Быстро по прекращеніи мятежа стали воздвигаться новые православные храмы. Оскверненные злодѣяніями, клятвопреступленіями и безчинствами, латинскіе костелы—многіе упразднены, а иные изъ нихъ обращены въ церкви и освящены по чину православному, для возвращенія подобающей дому Божію святыни. Убожество православныхъ храмовъ стало замѣняться соотвѣтственнымъ благолѣпіемъ; ощутительный недостатокъ церковныхъ принадлежностей восполняется щедрыми приношеніюми благочестивыхъ жертвователей. И теперь въ краѣ построено и строится много новыхъ храмовъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ значенію господствующей въ Россіи православной Церкви. Благочестивѣйшій Государь Императоръ благоволилъ назначить для сооруженія новыхъ церквей оч. значительную сумму, и вмѣстѣ съ Благочестивѣйшею Государынею Императрицею и другими членами Царственной Фамиліи, навсегда увѣковѣчилъ память свою въ здѣшнихъ церквахъ многими богатыми жертвами. Не остался безъ благихъ послѣдствій недавній мятежъ и въ численности сыновъ православной Церкви. Неистовства, ложь и звѣрство стоявшихъ во главѣ мятежа ксендзовъ-представителей папской вѣры, естест-

венно должны были подорвать въ простомъ русскомъ народѣ прежнее слѣпое довѣріе къ своимъ лжепастырямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать убѣжденіе въ истинности проповѣдуемой ими вѣры. И вотъ, колебавшіеся прежде не многіе возсоединенные вполнѣ утвердились въ Вѣрѣ православной, совращенные въ латинство возвращаются къ вѣрѣ отцовъ своихъ, и десятки тысячь переходятъ изъ латинства въ православную Церковь. Такъ раззоряетъ Господь совѣты нечестивыхъ. *Совѣщаху злая* враги наши на насъ и на Церковь православную; *Богъ же совѣща о насъ во благая* (Быт. 50, 20). И дѣйствительно, посмотримъ ли на этотъ храмъ, великолѣпно обновленный и украшенный, взглянемъ ли на другіе, недавно изящно возобновленные, возсозданные и воздвигаемые изъ развалинъ и запустѣнія,—древніе православные храмы, необходимо должны придти къ убѣжденію, что Господь и самое зло обращаетъ во благо. Теперь, по милости Божіей, Вильна снова начинаетъ возрождаться въ духѣ Православія,—и тотъ конецъ города, который издревле назывался русскимъ, мало по малу принимаетъ прежній видъ—православный. Храмъ сей, два съ половиною вѣка назадъ бывшій въ средѣ православнаго населенія, дѣлается снова средоточіемъ церквей православныхъ. Отъ центра сего въ одной сторонѣ красуются недавно отстроенные и освященные храмы: св. Никольскій, Пятницкій, далѣе св. Андреевскій,—и величественная, вызванная изъ вѣковаго поруганія митрополитальная Пречистенская церковь. По другую сторону привлекаютъ взоры православныхъ древніе монастырскіе храмы: Св. Троицкій, Св. Духовскій и новоустрояемая св. Маріинская обитель.

Да устранитъ Господь и послѣднюю преграду, мѣшающую видѣть этотъ—издревле русскій-острой конецъ вполнѣ православнымъ; да упразднится и послѣдній камень претыканія для православныхъ, стоящій на мѣстѣ *острѣ*, препятствующій многимъ свободно вступать во дворъ овчій—Церковь православную.—Будемъ надѣяться, что Господь, доселѣ сохранявшій православную Церковь въ странѣ сей, среди опасностей и сильныхъ козней вражескихъ, и впредь не оставитъ охранять и возвышать ее Своимъ божественнымъ покровомъ. Не будемъ только забывать при семъ, бр., что съ православіемъ всегда неразлучно идетъ благосостояніе отечества нашего—Россіи. Возрастаетъ и возвышается Православіе, съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаетъ и Россія въ силѣ духовной. Торжествуетъ Россія побѣду надъ врагами, молитвенно торжествуетъ и православная Церковь. Оскудѣваетъ Православіе въ сынахъ Россіи, ослабляется съ тѣмъ и крѣпкая надежная сила отечества. Вѣра православная возвышаетъ духъ русскій, укрѣпляетъ силы нашего отечества и хранитъ достояніе онаго незыблемо,

Братіе православные! Видя великія милости и щедроты, изліянныя и изливаемыя на святую Церковь и Русь право-

славную, благодарнѣ воспоимъ Господеви, благодѣющему намъ. Всегда благодаряще Господа, непрестанно будемъ молиться: да Господь хранитъ и возвышаетъ православную Церковь и ея достояніе; да сокрушаетъ преграды къ славѣ и возвеличенію оной и да избавляетъ вѣрныхъ чадъ Церкви отъ всѣхъ бѣдъ, скорбей и напастей, разрушая всѣ навѣты враговъ!.

Возблагодаримъ, бр., и главнаго Виновника торжества сего, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, ревнующаго о славѣ и пользѣ православной Церкви, соизволившаго назначить богатыя средства къ обновленію и украшенію храма сего и многихъ другихъ храмовъ; возблагодаримъ и помолимся о здравіи, благоденствіи и спасеніи Его и всего Царствующаго Дома. Принесемъ искреннюю признательную благодарность и главному предстоятелю собора сего, маститому іерарху нашему, первому возстановителю Православія въ странѣ сей, такъ много потрудившемуся для Церкви православной и отечества, и помолимся о здравіи и возстановленіи ослабѣвшихъ силъ его.

Воспомянемъ сердечнымъ благодарнымъ словомъ предсѣдателя Церк. Строит. Коммитета, славныхъ зодчихъ и всѣхъ усердныхъ и честныхъ дѣятелей въ возобновленіи св. храма сего. Благословеніе Господне да ниспошлется на нихъ и на всѣхъ ревнителей Вѣры православной!.

Вмѣстѣ съ церковію не престанемъ, бр., поминать въ молитвахъ своихъ предъ Господомь и усопшихъ рабовъ Божіихъ, послужившихъ правосл. Церкви: Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I-го, утвердившаго Православіе въ странѣ сей и передавшаго храмъ сей Церкви православной,—и доблестнаго усмирителя польской крамолы, графа Михаила Ник., позаботившагося о возобновленіи храма сего въ такомъ великолѣпіи и изыскавшаго къ тому средства.

Благодать Божія да будетъ со всѣми вами! Аминь.

Освященіе Езерской церкви.

На сѣверо-востокъ отъ Гродны, въ 25 верстахъ отъ этого города, въ Гродненскомъ же уѣздѣ, есть довольно красивое мѣстечко *Езеры*, которое до послѣдняго мятежа составляло частную собственность, но за участіе владѣльца въ мятежѣ передано въ казенное вѣдомство. Имѣющаяся тамъ библіотека поступаетъ теперь въ составъ новооткрытой виленской публичной библіотеки. Мѣстечко лежитъ при большомъ озерѣ, отчего получило и свое имя. Тамъ постоянно ловится рыба, ко-

торую распродають въ Гроднѣ, окрестныхъ селахъ и мѣстечкахъ. Въ Езерахъ замѣчательно еще пиво, которое и дешево и вкусно. Жители Езеръ—по преимуществу православные. Есть здѣсь и латиняне и деревянный костелъ.

До 1865 года въ этомъ мѣстечкѣ была одна деревянная церковь, на мѣстѣ которой и прежде стояли церкви, уничтоженныя временемъ. Исторія ихъ обща со многими западнорусскими церквами: древлеправославная церковь съ такимъ же приходомъ была приневолена въ унію, потомъ снова возвратилась въ православіе. Но это въ сторону. Прихожане езерской церкви задумали думу крѣпкую, какъ бы имъ построить каменную церковь. Изъ казны было отпущено 6,700 рублей серебромъ. Прихожане раскошелились, стали жертвовать, и въ теченіе съ небольшимъ года словно изъ земли выросъ Божій храмъ, да не деревянный, а цѣликомъ каменный. Кто деньгой, кто матеріаломъ, а кто трудомъ—всѣ православные езерцы посредствали. Видя все это, нижніе чины стоявшей въ то время въ м. Езерахъ 3 стрѣлковой роты кн. Меньшикова полка предложили и свои безмездныя услуги во славу Божію: они выкопали рвы для основаніи церкви. 28-го апрѣля 1865 года была ея закладка. Послѣ литургіи, отслуженной въ старой церкви, скидельскимъ благочиннымъ с. А. Будиловичемъ соборнѣ съ окрестнымъ духовенствомъ, всѣ молящіеся отправились крестнымъ ходомъ на площадь, гдѣ было избрано мѣсто для постройки храма. Во время шествія, пѣвчіе пѣли стихири Пасхи: *«Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!»* Во время закладки этого храма, въ олтарной его части, былъ водруженъ крестъ съ надписью, обозначавшей время закладки. Во рвѣ же, предназначенномъ для запрестольной стѣны, положенъ былъ священнослужащими большой краеугольный камень, освященный съ возліяніемъ на него св. елея. Послѣ этой закладки, было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и вѣрноподданному исполнителю Его мудрыхъ распоряженій, графу М. Н. Муравьеву. По окончаніи этого священнодѣйствія мѣстный мировой посредникъ обратился къ народу съ привѣтствіемъ, при чемъ указалъ на тѣ милости, которыя Государь щедро изливаетъ на крестьянъ, и выразилъ свою надежду, что они на дѣлѣ покажутъ, какъ понимаютъ и цѣнятъ эти милости. Церковно-строительный комитетъ угостилъ прихожанъ хлѣбомъ—солью.

Все это было 28-го апрѣля 1865 года, 11 же іюня сего года, милосердный Богъ увѣнчалъ полнѣйшимъ успѣхомъ труды и настоятеля церкви, почтеннаго іерея о. *Адама Михалевича* и его паствы. Церковь эта освящена. Преосвященный епископъ брестскій Игнатій прибылъ въ Езеры на канунѣ праздника. Съ вечера была торжественная всенощная въ новомъ храмѣ; а на другой день, въ началѣ 10 часа, крестный ходъ изъ старой церкви двинулся медленно, по причинѣ огромнаго стеченія молящихся. Послѣ обычнаго освященія храма, прео-

священный совершилъ въ немъ литургію соборнѣ съ духовенствомъ, съѣхавшимся изъ сосѣднихъ селъ, даже изъ Виленской губерніи. Церковь освящена во имя Св. Духа. Одинъ изъ священниковъ, во время причастнаго, сказалъ слово, приличное случаю. По окончаніи всего богослуженія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Дому Его; потомъ діаконъ вознесъ молитву къ Богу о благословеніи прихожанъ сего храма духовными и земными благами. Архіерейскій хоръ стройно пѣлъ многолѣтіе, а огромнѣйшая масса народа подходила ко кресту съ полнымъ благоговѣніемъ и довольными лицами. Кромѣ самой церкви, вся паперть, вся площадь были залиты народомъ.

Общество, молившееся въ церкви, было приглашено на обѣдъ къ гостипріимному священнику, о. Адаму, который будучи уроженцемъ Малороссіи, посвятилъ всю свою дѣятельность этому краю въ смиренномъ санѣ іерея. Скажу кстати, такихъ незримыхъ русскихъ силъ довольно-таки въ Западной Руси. Онѣ подобно каплѣ, незримо долбятъ камень польщизны. И слава имъ! Да проститъ мнѣ достоуважаемый о. Адамъ эту нескромность. Пишущій эти строки видѣлъ своими глазами, какъ собралось около его дома все его духовное стадо, послѣ богослуженія, и, при его появленіи, окружило его, кланялось ему въ землю, цѣловало его руки, благодарило его за труды для ихъ пользы, и, наконецъ, подняло его вверхъ. Такая любовь народа—вотъ награда незримому, но честному труженику на западнорусской нивѣ! Послѣ обѣда, за которымъ былъ поднятъ бокалъ за Государя Императора, за высокопреосвященнаго митрополита Іосифа, за епископа Игнатія и все западнорусское духовенство, за г. начальника губерніи, за мироваго посредника С. Т. Славутинскаго и всѣхъ, соревновавшихъ дѣлу постройки храма, общество вышло къ народу, все еще толпившемуся около дома своего батюшки. С. Т. Славутинскій поздравилъ, народъ съ праздникомъ. Народъ не умолкая кричалъ «ура!», подбросилъ своего посредника, старосту и старшинъ и говорилъ, что еще не помнитъ, чтобъ такъ было весело на душѣ. Ученики народнаго училища пѣли духовный концертъ. Родители мальчиковъ съ умиленіемъ глядѣли на дѣтей и приговаривали: «*ены все будуць вѣдаць, ихъ доля лепше нашей*». Явилась и сельская музыка. Затѣмъ вся толпа стройно пропѣла длинную пѣсню о бывшемъ мятежѣ. Эта пѣсня распространена и во многихъ другихъ мѣстахъ этого края. Она начинается такъ:

«Въ шестьдесятъ третьемъ году
Завязалъ полякъ войну
На Россѣюшку на всю
Ай люли—люли и пр.

Любо было гладѣть на это народное празднество! Даже женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ сошлись со всего мѣстечка и подтягивали эту пѣсню. «*За Бѣлаго Царя, слышалось*

въ толпѣ, мы и въ огонь и въ воду пойдземъ. Нехъ Богъ порадуецъ Его за нашу волю». Глядя на это доброе простонародье, воскресающее послѣ польскаго ига, невольно воспомнилось мнѣ слѣдующее мѣсто изъ «*Нивы*» Майкова, гдѣ онъ сравниваетъ народъ съ нивою:

«Уже надъ нивою, гдѣ мысли семѣна
«Тобой насаждены, повѣяла весна,
«И непогодами не огубленныя зерна
«Пустили свѣжіе ростки свои проворно...
«О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведро намъ,
«Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ,
«Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ стариками
«Прійти на пышныя ихъ нивы подышать
«И, позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
«Промолвивь: «Господи! какая благодать!»

Гр. К—ій.

Закладка приходской церкви въ с. Рудникахъ.

Настоятель Рудницкой церкви—Гродненской губерніи Пружанскаго уѣзда, священникъ Константинъ Маковельскій сообщаетъ въ редакцію, что 23 дня мѣсяца апрѣля настоящаго года, въ селѣ Рудникахъ произведена закладка новой приходской каменной церкви. Послѣ окончанія божественной литургіи и благодарнаго молебна, торжественный крестный ходъ двинулся изъ кладбищенской церкви и, пройдя полверстное разстояніе, остановился на мѣстѣ, избранномъ для постройки новаго храма. Освященіе закладки и основанія его совершено, по чиноположенію церковному, депутатомъ Пружанскаго благочиния съ духовной стороны, священникомъ Іосифомъ Череминовичемъ, въ сослуженіи мѣстныхъ священниковъ и діакона, въ присутствіи строителя церкви, архитектора Михаловскаго и тысячной массы народа. Послѣ отпуста, тутъ же на мѣстѣ закладки, произнесена имъ, священникомъ Маковельскимъ, приличная торжеству рѣчь. Затѣмъ провозглашено обычное многолѣтіе и процессія возвратилась въ церковь съ пѣніемъ хвалебныхъ пѣсней столько благодѣющему намъ Господу.—Служеніе окончилось во второмъ часу; новый храмъ заложенъ во имя Покрова Пресвятыя Богоматери.

Закладка церкви въ д. Смоляницѣ.

Тотъ же священникъ. о. Константинъ Маковельскій сообщилъ въ редакцію, что 20 іюня 1867 года, въ день священномученика Меѳодія, епископа Патарскаго, торжественно совершена закладка новой каменной церкви (приписной къ Руд-

ницкой), въ деревнѣ Смолянницѣ, о. пружанскимъ благочиннымъ протоіереемъ и кавалеромъ Андреемъ Червяковскимъ, въ сослуженіи мѣстнаго духовенства,—во имя святителя Николая Мурликійскаго чудотворца. Приличная торжеству рѣчь, произнесена 'имъ же, священникомъ Маковельскимъ'. Неподдѣльная радость и умиленіе блистали, въ собственномъ смыслѣ слова, на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Закладка церкви въ с. Мокре.

—Проповѣдническая дѣятельность о. Константина Маковельскаго, не смотря на многолюдность его прихода и полевыя сельскія работы и заботы, не устаетъ для слова вѣры и благочестія и чуждой, братской паствѣ. 29 іюня сего 1867 г. совершена закладка новой каменной церкви въ селѣ Мокре, пружанскаго благочинія. Церковь заложена во имя св. апостоловъ Петра и Павла,—священникомъ сѣхновицкой церкви о. Іоаномъ Левицкимъ, въ сослуженіи 4-хъ сосѣднихъ священниковъ, въ присутствіи многочисленнаго собранія народа.

Послѣ закладки, сказана ввященникомъ К. Маковельскимъ надзидательная, рѣчь.

Освященіе церквей въ селахъ Докудовѣ и Орлѣ.

28-го минувшаго мая—въ селѣ Докудовѣ, а 30 мая—въ селѣ Орлѣ, совершены были преосвященнѣйшимъ Александромъ освященія каменныхъ новопостроенныхъ церквей,—въ Докудовѣ въ честь Рождества пресвятыя Богородицы, а въ Орлѣ—въ память Покрова Пресвятыя Богородицы. Къ празднествамъ этимъ въ то и другое село стеклось множество богомольцевъ изъ мѣстныхъ и сосѣднихъ приходовъ; здѣсь присутствовали также уѣздныя власти и мировой съѣздъ въ полномъ составѣ. Сверхъ своего торжественнаго значенія, настоящія празднества ознаменованы были молитвами слезной радости и восторженнаго благодаренія о спасеніи драгоцѣнной жизни Помазанника Господня, Благочестивѣйшаго Государя нашего отъ злодѣйскаго покушенія 25 мая въ Парижѣ. Послѣднія молебствія совершаемы были внѣ церквей, на площадяхъ—предъ церковными дверями, окруженныхъ хоругвями и мѣстными иконами. Каждое молебствіе было предначинаемо краткою и вмѣстѣ сильною рѣчью его преосвященства, епископа Александра, о той милости Божіей, которая явлена сколько въ устроеніи и освященіи храмовъ, столько и въ избавленіи Царя—Благодѣтеля отъ злобной руки измѣнника Престолу и отечеству. Особенно трогательна была картина, когда тысячныя массы колѣнопреклонен-

наго народа, столпившись на площади около мѣста молебствія и умиленно поникнувъ главами, безмолвно изливали во глубинѣ душъ своихъ моленія—радостныя и бладарственныя: слышался только голосъ архипастыря, возносившій молитвы, при тихомъ колебаніи церковныхъ хоругвей... Хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ сладкозвучнымъ и стройнымъ своимъ пѣніемъ оказывалъ видимое впечатлѣніе на простыя сердца деревенскихъ молитвенниковъ. Нельзя неупомянуть также и о томъ, что при освященіи обѣихъ церквей, на лѣвомъ клиросѣ, къ великому утѣшенію родителей и знакомыхъ, пѣлъ хоръ крестьянскихъ мальчиковъ, составленный въ Лидѣ и хорошо обученный пѣнію почтеннымъ мировымъ посредникомъ Княземъ Трубецкимъ; этотъ хоръ стройно поетъ Божественную службу въ лидской церкви; сіятельный регентъ счелъ за особенное удовольствіе и честь употребитъ его и на праздникахъ православія и русской народности,—при освященіи докудовской и орлянской церквей. Церкви устроены по красивому рисунку; свѣтлы и благолѣпны. Лидскій церковно-строительный комитетъ, благодаря неутомимому усердію мироваго посредника П. А. Ушакова, образцово дѣйствуетъ: дай Богъ, чтобы и въ другихъ мѣстахъ было тоже. Отцы благочинные, священники Іосифъ Кояловичъ и Николай Теодоровичъ соревнуютъ свѣтскимъ дѣятелямъ, или лучше—по долгу своего призванія, стараются превзойти ихъ въ энергіи и заботливости на этомъ поприщѣ. И благодаря миролюбію и общей любви къ дѣлу, оно совершается спѣшно и прочно: concordia res parvae crescunt, discordia magnae dilabuntur. Послѣ каждаго освященія той и другой церкви, предъ Божественною Литургіею, призносены были о. ректоромъ литовской духоной семинаріи архимандритомъ Іосифомъ, сопутствовавшимъ преосвященнѣйшему въ этой поѣздкѣ, поученія.

Закладки церкви въ Голдовѣ кладбищенской.

Лидскій благочинный донесъ въ консисторію, что 29-го минувшаго іюня—въ праздникъ св. Апостоловъ Петра и Павла, послѣ Божественной Литургіи, при не маломъ стеченіи народа, освящена закладка каменной кладбищенской села Голдова церкви во имя св. равноапостольныхъ царей Константина и Елены.

2) въ Гершоновичахъ и 3) Мотикалахъ:

Брестскій благочинный, протоіерей Василій Соловьевичъ донесъ въ консисторію, что имъ совершены соборнѣ: 1) 6-го минувшаго іюля закладка новой каменной церкви въ селѣ Гершоновичахъ, въ присутствіи мѣстныхъ уѣздныхъ и сельскихъ властей и въ собраніи прихожанъ; церковь строится на отпущенную заимообразно св. сунодомъ мѣстнымъ прихожанамъ

сумму въ 6000 рублей серебромъ; 2) 25-го минувшаго іюля закладка новой каменной церкви въ селѣ Мотыкалахъ, въ память покрова Пресвятыя Богородицы, въ присутствіи городскихъ и сельскихъ чиновъ, при многочисленномъ собраніи народа изъ мѣстнаго и сосѣднихъ приходовъ; предъ закладкою въ старой церкви совершена была протоіереемъ Соловьевичемъ Божественная Литургія, за которою сказана имъ народу соотвѣтственная случаю назидательная рѣчь, а послѣ Литургіи къ мѣсту закладки совершенъ былъ торжественный крестный ходъ.

4) *Закладка новой каменной церкви и другія церковныя торжества въ Волковыскѣ.*

Вотъ, что сообщаютъ объ этомъ изъ Волковыска, „16 мая нынѣшняго года — день очень памятный для нашего города. въ этомъ день совершены—заложеніе церкви, освященіе хоругви въ памятъ 4-го апрѣля и открытіе церковнаго братства.

Еще наканунѣ, по всему городу разнеслась молва, что прибылъ къ намъ преосвященнѣйшій Игнатій, епископъ брестскій, чтобъ освятить наше торжество. Раздался благовѣстъ ко всенощному бдѣнію: и мы всѣ, члены нашего небольшаго православнаго общества, поторпились въ церковь присутствовать при рѣдкомъ у насъ архіерейскомъ Богослуженіи. Не мало собралось богомольцевъ изъ окрестныхъ селеній; крестьяне, большею частію новоприсоединенные къ Православію, прибыли съ своими семействами въ церковь. Въ Богослуженіи, въ извѣстныхъ частяхъ его, участвовалъ самъ преосвященнѣйшій въ сослуженіи духовенства, и имѣлъ утѣшеніе видѣть радость и благоговѣніе на лицахъ молитвенниковъ. Стройное пѣніе крестьянскихъ мальчиковъ, обучающихся въ уѣздномъ училищѣ и составляющихъ хоръ нашей православной церкви съ нѣкоторыми чиновниками, приводило въ умиленіе родителей—отцовъ и матерей.—На другой день осуществились задушевныя наши думы. Къ этому дню подоспѣли изъ Москвы выписанныя хоругви, которыя и были поставлены по обѣимъ сторонамъ церкви. Каждый изъ крестьянъ старался пробраться впередъ, чтобы посмотрѣть на изящную отдѣлку хоругвей и полюбоваться ими; и онѣ, дѣйствительно, заслуживаютъ этого,—металлическія позолоченыя, стоющія 475 рублей. Къ Богослуженію Литургіи собралось народу свыше 2,000 человѣкъ, такъ что небольшой храмъ городской далеко не вмѣщалъ всѣхъ богомольцевъ. Литургію совершалъ его преосвященство съ соборомъ окрестныхъ священниковъ; предъ ея началомъ освящены были хоругви по чиноположенію церковному; а на литургіи произнесено было настоятелемъ волковыской церкви и благочиннымъ окрестныхъ церквей, священникомъ Мартиномъ Касперовичемъ поученіе—по случаю описываемыхъ торжественныхъ событій. Благолѣпіе Богослуженія видимо благотворно дѣйствовало на народъ. По окончаніи Литургіи совер-

шенъ крестный ходъ на мѣсто заложенія новой церкви. Погода была ясная и тихая; несмотря на сильный жаръ, народъ усердно и радостно слѣдовалъ за процессіей, и по дорогѣ увлекалъ за собою любопытныхъ иновѣрцевъ; мѣстныя войска шли шпалеромъ около процессіи; видъ былъ у насъ невиданный, умилительно—торжественный. Улица, по который проходили, была усыпана елкой, а на домахъ развѣвались флаги съ государственными цвѣтами. Шествуя медленно при стройномъ пѣніи, мы пришли наконецъ на ту площадку, на которой уготовано заложить новую каменную церковь. Эта площадка очень замѣчателлна и по воспоминаніямъ; здѣсь до 1812 года ютилась православная церковьво имя св. Николая Чудотворца. Въ этотъ годъ французы сожгли ее, какъ схизматицкую, а съ ея уничтоженіемъ ослаблали православная вѣра въ народѣ. На мѣсто церкви были поставлены латиняна три креста; къ нимъ въ былое время они совершали свои процессіи, какъ оживленіе воспоминанія торжества своего надъ православіемъ. Теперь все это перемѣнилось: крестовъ нѣтъ латинскихъ; на мѣстѣ ихъ возстановляется православная церковь.... Чье же сердце послѣ этого не забьется чистою радостію?.... За тѣмъ, по окончаніи церковной закладки, приступлено къ открытію церковнаго братства въ домѣ А., въ который собрались всѣ желающіе быть братчиками; его преосвященство удостоилъ это собраніе своимъ присутствіемъ и благословилъ начатіе добраго дѣла къ процвѣтанію св. вѣры православной и къ укрѣпленію русской народности въ краѣ. Объ обѣдѣ братскомъ и торжествахъ народа по этому случаю говорить не буду; объ нихъ самимъ догадаться можно.

Освященія церквей:

Приписныхъ 1) къ Пѣсковскому приходу, 2) къ Добромысльскому приходу, и 3) придѣла въ Ольшевской церкви.

Благочинный бытенскій, священникъ Наркисъ Пѣсковскій, донесъ въ консисторію, что 9-го декабря прошлаго 1866 г. освящена новоустроенная приписная церковь въ деревнѣ Соколовѣ Пѣсковскаго прихода—въ память знаменія Пресвятыя Богородицы, а 8-го января сего 1867 года освящена въ деревнѣ Руднѣ новоустроенная церковь, приписная къ Добромысльскому приходу; 22-го же января освященъ новоустроенный придѣлъ во имя св. Василія Великяго, въ Ольшевской приходской церкви.

4) Починенной приходской церкви въ с. Альбѣ, Слонимскаго уѣзда.

Косовскій благочинный, священникъ Круковскій донесъ, что *Альбянская церковь* 15 Января *освящена* имъ въ сослуженіи

духовенства: при этомъ, представляя отчетъ израсходованныхъ 804 руб, на починку и устройство означенной церкви, благочинный свидѣтельствуетъ объ усердіи мѣстнаго священника Гриневича и прихожанъ, пожертвовавшихъ означенные 804 рубля на этотъ предметъ. Его высокопреосвященство прихожанамъ Альбянской церкви за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподалъ архипастырское благословеніе, а священника Іосифа Гриневича, за особенное усердіе къ церкви и по училищу, наградилъ набедренникомъ.

5) *Придѣла въ м. Роготной.*

Дзенціольскій благочинный, священникъ Паньковскій донесъ, что 26-го истекшаго марта при множествѣ свекшагося народа, освященъ имъ придѣлъ во имя св. Александра Невскаго, въ упраздненномъ и обращенномъ на православную церковь роготенскомъ римско-католическомъ костелѣ. Главный олтарь по обширности церкви, не могъ быть такъ скоро устроенъ. Храмъ св. православія выйдетъ великолѣпный.

6) *Освященіе красносельскаго костела на православную церковь.*

Молодечнянскій благочинный, священникъ Кириллъ Троянъ донесъ, что въ упраздненномъ красносельскомъ костелѣ, переданномъ на православную церковь, до времени устройства въ ней иконостаса и прочихъ принадлежностей для церкви, освящена имъ благочиннымъ 27 марта часовня, для отправленія въ ней, до показаннаго времени, часовъ, обѣдницъ, вечернихъ и утреннихъ службъ, молебновъ, панихидъ и другихъ требъ для новоприсоединенныхъ православныхъ. Для освященія прибыло духовенство съ многочисленнымъ народомъ отъ сосѣдней батуринской церкви крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи уѣзднаго предводителя дворянства К. М. Снитки, исправника и мѣстныхъ сельскихъ властей; во время освященія сказано о. Трояномъ соотвѣтственное случаю слово, а послѣ освященія, во время молебствія съ акаѳистомъ Іисусу Сладчайшему, пріобщены св. Таинствъ Тѣла и Крови Христовой бывшіе прихожане костела, присоединившіеся вмѣстѣ съ нимъ къ св. православной церкви.

7) *Волянской приписной къ щарской приходской церкви.*

Деречинскій благочинный, священникъ Іосифъ Михаловскій донесъ, что 2-го минувшаго апрѣля освящена имъ, въ сослуженіи сосѣднихъ священниковъ, перестроенная въ с. Великой—Волѣ церковь во имя св. великомученика Георгія, приписная къ приходской церкви м. Щары; стеченіе народа было многочисленное; церковь перестроена и украшена очень прилично на собственныя средства прихожанъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ приходскаго попечительства.

8) Велико-берестовицкой церкви.

Объ этомъ торжественномъ событіи какъ по частнымъ описаніямъ, такъ и по оффиціальнымъ донесеніямъ, сообщено слѣдующее.

Въ 60 верстахъ отъ Гродны, въ Гродненскомъ же уѣздѣ, есть владѣльческое мѣстечко *Великая Берестовица*, имя которой перековеркано поляками въ *Вельку „Бжостовицу.“* Имя свое это мѣстечко получило отъ большого или, по народному, *великаго* лѣса, состоящаго изъ однихъ исключительно берестовъ и находящагося не въ далекомъ разстояніи отъ него. Теперь это мѣстечко переполнено, по обыкновенію, евреями. Здѣсь есть даже и лавки. Но все это въ сторону. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время въ этомъ мѣстечкѣ относительно мало христіанъ. До послѣдняго времени здѣсь было два приходскихъ храма: убогая деревянная церковь православная и величавый каменный костелъ. Къ первому принадлежатъ многое множество православнаго народа, живущаго вокругъ и около Великой Берестовицы (*); къ костелу же были причислены деревушки, удаленныя отъ этого мѣстечка и прилегающія къ другимъ гораздо ближайшимъ латинскимъ приходамъ. Скажу болѣе: къ этому латинскому приходу были причислены нѣкоторыя деревни совершенно другаго уѣзда, именно Волковыскаго. Знатоку этого края становится понятнымъ, что усопшіе строители велико-берестовицкаго костела воздвигнули его не потому, чтобы въ немъ была потребность, а для чего-то другаго. Не трудно отгадать цѣль этой постройки, ежели мы возьмемъ во вниманіе, что на всемъ пространствѣ этого края костелы и кляшторы усердно воздвигались среди православнаго или уніятскаго населенія.... Велико-берестовицкій православный храмъ съ приходомъ искони были православными, потомъ приневолены въ унію; потомъ, слава Богу, снова возвратились въ православіе. Искони этому храму, до обращенія его въ уніатскій, были даны благочестивыми жертвователями разныя угодія; но за давностію лѣтъ, имена этихъ жертвователей неизвѣтны. Когда же этотъ храмъ съ приходомъ были приневолены въ унію, то усопшіе предки владѣльцевъ Великой-Берестовицы имѣли бойкость, отъ своего имени, подтвердить право этого прихода на древнія угодія и даже съ клятвеннымъ завѣщаніемъ, что если велико-берестовицкіе уніаты возвратятся *въ схизму*, то *фундушовыя* угодія отнимутся отъ нихъ. И дѣйствительно, фундушъ этотъ впослѣдствіи былъ отнятъ отъ велико-берестовицкой церкви.... Не утаимъ и того, что въ гораздо позднѣйшее время эта церковь получила денежное пособіе отъ владѣльца этого мѣстечка,—разу-

(*) Въ православн. приходѣ числилось за прежніе годы 1,206 душъ муж. и 1,165 женскаго пола; нынѣ же, послѣ присоединенія латинянъ, еще болѣе.

мѣется, вслѣдствіе того, что въ Бозѣ почивающій незабвенный Государь Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣть соизволилъ р.-католическимъ владѣльцамъ заселенныхъ православнымъ людомъ селъ и мѣстечекъ озаботиться о благолѣпіи православныхъ храмовъ въ ихъ имѣніяхъ. Вотъ такъ-то, въ Великой-Берестовицѣ при необходимой, хотя и убогой, православной церкви, безъ надобности возвышался каменный костелъ; съ котораго разносился между православнымъ народомъ звонъ латинскаго колокола,—изъ каковаго костела раздавались звуки такъ соблазнительной для простонародья органной музыки.... Послѣ этихъ строкъ не нужно дальнѣйшихъ объясненій. Присутствіе костела въ Великой-Берестовицѣ было не нужно, за неимѣніемъ потребности въ немъ;—было и небезвредно для укрѣпленія въ православіи возсоединившихся тамошнихъ уніятскихъ прихожанъ. Въ сентябрѣ 1865 года велико-берестовицкій костелъ упраздненъ и переданъ на православную церковь, послѣ чего скоро 147 душъ латинскихъ мужичковъ этого прихода приняли православіе (*). А 23 минувшаго апрѣля мѣсяца текущаго года, т. е. въ Юрьевъ день, этотъ упраздненный костелъ освященъ на церковь во имя Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя, каковой образъ былъ подаренъ Государемъ Императоромъ. Ко дню освященія этой церкви прибылъ въ Великую-Берестовицу этотъ Монаршій даръ и внесенъ въ деревянную кладбищенскую церковь.

Торжество освященія новаго храма началось слѣдующимъ образомъ: духовенство съ крестами, образами, хоругвями и до пяти тысячь народа отправилось крестнымъ ходомъ изъ кладбищенской церкви въ новый храмъ. Шествіе двинулось въ такомъ порядкѣ: сперва несли крестъ и свѣчи, потомъ два священника несли образъ, подаренный Августѣйшимъ Монахомъ; потомъ два священника несли евангелія; потомъ два священника несли плащаницу; потомъ два священника несли Св. Дары. Во главѣ шелъ съ крестомъ въ рукѣ гродненскій протоіерей о. Антоній Шеметылло. Масса народа съ благоговѣніемъ слѣдовала за святынею. По прибытіи въ новый храмъ этимъ духовенствомъ было совершено молебствіе съ водосвятіемъ. Вслѣдъ за этимъ прибылъ епископъ брестскій Игнатій. *Входъ со славою* начался далеко отъ церкви, потому что за массой народа нашему владыкѣ нельзя было подъѣхать къ самому храму. Вся церковь, вся паперть, вся площадь кишмя—кишѣли народомъ! Послѣ обычнаго освященія церкви преосвященный совершилъ въ ней соборне литургію, во время которой одинъ изъ священниковъ, прибывшихъ изъ окрестныхъ селъ на это торжество, о. Лукіанъ Романовскій, сказалъ слово, приличное случаю. Когда въ этомъ словѣ было упомянуто о милостяхъ

(*) Правительство въ 1866 году отпустило на приспособленіе костела въ православную церковь 1,584 руб.; не опустили принести нужныя жертвы на это дѣло и мѣстные прихожане.

Царя къ западному-русскому народу, мужички усердно молились за нашего общаго Благодѣтеля; когда же проповѣдникъ замѣтилъ о трудахъ покойнаго графа Муравьева по приведенію въ исполненіе Высочайшихъ милостивыхъ распоряженій на пользу этого народа, то у многихъ мужичковъ навернулись слезы.

Послѣ богослуженія народъ былъ угощаемъ на площади. Во дворѣ же приходскаго священника были угощены хлѣбомъ—солью братчики, пришедшіе крестнымъ ходомъ съ своимъ духовенствомъ къ этому освященію церкви, изъ двухъ сосѣднихъ селъ—Голинскаго и Кузьмицкаго.

Это духовное торжество заключилось обѣдомъ у приходскаго же священника, гдѣ были, кромѣ духовенства, и лица, пріѣхавшія изъ Гродны на этотъ праздникъ.

Теперь среди м. Великой Брестовицы возвышается великолѣпная православная церковь, какой не имѣютъ и наши города. Да привлечетъ она своею святынею остальныхъ, блуждающихъ овецъ по дворамъ чуждымъ!

9) Каменной Георгіевской часовни въ забрескомъ приходѣ Ошмянскаго уѣзда.

Въ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ (№ 13-й 1866 г.) уже было описываемо заложеніе этой часовни и ея значеніе для мѣстныхъ и сосѣднихъ христіанъ. Нынѣ 23 апрѣля совершено ея освященіе. Господь видимо споспѣшествовалъ устроенію этого молитвеннаго дома: благоговѣйный князь Н. А. Оболенскій пожертвовалъ на это святое зданіе 300 рублей; прихожане принесли свои труды и доставили свой камень; и вотъ мѣсто благодатнаго дивнаго явленія Св. Великомученика Георгія занимается святынею въ честь Его. Кто бы лѣтъ 5 и даже 4 назадъ могъ подумать, что въ бѣдномъ приходѣ, члены котораго доселѣ еще не оправились отъ тяжести крѣпостнаго состоянія, явятся два каменныхъ священныхъ зданія? Ибо и новая церковь каменная, устрояемая по красивому плану, будетъ въ нынѣшнемъ году, кажется готова къ освященію. Къ освященію часовни прибылъ воложинскій благочинный священникъ А. Адамовичъ съ своимъ причтомъ, а также словенскій священникъ Филаретъ Орловскій съ хоромъ пѣвчихъ—учениковъ своего народнаго училища. Народу собралось множество; въ томъ числѣ не мало было и р. католиковъ. Сначала была въ церкви отслужена соборне Бож. Литургія при пѣніи двухъ хоровъ словенскаго и забрескаго; народъ былъ въ умиленіи, слыша внятное и довольно стройное пѣніе своихъ дорогихъ дѣтей и родныхъ, славящихъ Господа. По окончаніи обѣдни всѣ отправились крестнымъ ходомъ на мѣсто часовни, при пѣніи обоихъ хоровъ въ 60 голосовъ; нѣкоторые римскіе католики, бывшіе въ близь стоящемъ костелѣ за своей мшой, вышли изъ костела и примкнули къ нашему торжественному ше-

ствію. Предъ начатіемъ освященія часовни, священникомъ Адамовичемъ произнесено приличное случаю воодушевленное слово, а на благодарственномъ молебнѣ, который былъ отслуженъ послѣ освященія часовни, была произнесена мѣстнымъ священникомъ рѣчь къ прихожанамъ. Память этого дня навсегда останется въ народѣ; ибо такого рода торжество въ первый разъ совершилось въ нашемъ темномъ уголкѣ и обрадовало православныхъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Юбилей Андреевской церкви въ Кіевѣ.

Въ *Кіевлянинѣ* пишутъ: «Исполнилось благочестивое желаніе жителей Кіева! Храмъ Первозваннаго, этотъ чудный памятникъ зодчества геніяльнаго Растрелли, возобновленъ опять въ прежней красѣ своей, раззолоченный внутри и снаружи, и зардѣлись золотые верхи его въ нашемъ полуденномъ нѣбѣ, какъ вѣнецъ христіанства въ землѣ русской. Будетъ утвержденъ и тотъ завѣтный холмъ, гдѣ водрузилъ апостолъ первый крестъ, въ залогъ просвѣщенія нашего. Десница царская положила основаніе храму, десница царская и обновила его, изливъ нынѣ обиліе своихъ щедротъ на святилище, которое служитъ украшніемъ не только Кіеву, но и для всей Россіи. Памятенъ будетъ для древней матери городовъ нашихъ день его столѣтняго юбилея—19-е августа. Все было устроено, чтобы придать торжеству церковному подобающее великолѣпіе и знаменательность, которая бы соотвѣтствовала самой мѣстности и значенію сего праздника.

«Въ ближайшей Десятинной церкви собрались многочисленное духовенство и всѣ свѣтскія власти, какъ въ древнѣйшемъ каѳедральномъ соборѣ святаго князя Владиміра, и на самой ракѣ равноапостольнаго положены были драгоцѣнные дары царскіе: священная икона Господа Вседержителя, пожалованная Государемъ Императоромъ, и изящное Евангеліе, благоговѣйное приношеніе Государя Цесаревича и Цесаревны. Старшіе священно-служители, обѣихъ степеней пресвитерской и діаконской, облачены были въ богатыя голубыя ризы орденскаго цвѣта, съ вытканными на нихъ серебрянными орлами и крестами Первозваннаго, которыя за нѣсколько только дней присланы были царственнымъ усердіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ къ радостному торжеству юбилея.

«За сто лѣтъ предъ симъ, во дни великой Екатерины, довершившей зданіе императрицы Елисаветы, митрополитъ Арсеній Могилянскій, кіевскій и галицкій и тогда еще всея Малороссіи, освящалъ великолѣпный храмъ сей, при сослуженіи епископа далматскаго, намѣстника лавры, архимандритовъ братскаго и пустыннаго, выдубицкаго и иныхъ обителей кіевскихъ. Имена сихъ обителей повторились и нынѣ, ибо настоятели братскаго и пустыннаго присутствовали въ лицѣ обоихъ ректоровъ академіи и семинаріи; тутъ же были и старецъ выдубицкій и намѣстникъ лавры, которые съ 8-ю протоіереями сослужили владыкѣ кіевскому. Но что́ весьма замѣчательно: повторилось и самое имя Арсенія, въ лицѣ маститаго первосвятителя нашего. Съ нимъ были два епископа: его викарій и ревностный Іоаннъ, поспѣшившій изъ Переяславля ко дню юбилея. Лицо же пришельца далматскаго, бывшаго при первомъ освященіи храма замѣнилъ отчасти епископъ болгарскій, присутствовавшій, хотя и безъ служенія, при нынѣшнемъ его обновленіи. Такъ согласно отразилось минувшее въ настоящемъ.

«Облаченные святители подошли къ священной ракѣ просвѣтителя нашего; митрополитъ поднялъ съ нея драгоцѣнное Евангеліе и вручилъ епископу полтавскому, подалъ затѣмъ икону Первозваннаго епископу чигиринскому, своему викарію, а самъ взялъ царскую икону Господа Вседержителя, и двинулся крестный ходъ изъ Десятиннаго храма къ высокой лѣстницѣ Андреевскаго холма, при стеченіи народа, предшествуемый разноцвѣтными значками всѣхъ городскихъ цеховъ Кіева. Поразительно было это торжественное шествіе, когда подымалось оно по чугуннымъ ступенямъ величественнаго крыльца на паперть Андреевскую.

«Когда совершено было посреди храма освященіе воды, двинулось опять вокругъ него церковное шествіе. Четыре архимандрита подняли серебряную раку, въ которой хранится часть мощей Первозваннаго, принесенная благовѣрнымъ паломникомъ русскимъ съ горы Аѳонской—мезинецъ священной стопы его, стоявшей нѣкогда на этомъ холмѣ, при водруженіи имъ честнаго креста: такимъ образомъ самъ апостолъ какъ бы предшествовалъ крестному ходу въ предносимой ракѣ, утверждая своимъ осѣненіемъ и холмъ и храмъ свой. Владыка окроплялъ ихъ святою водою, останавливаясь на четырехъ странахъ церкви для литіи и осѣняя царскою иконою Вседержителя; онъ высоко воздвигалъ ее надъ главами молящагося народа и надъ всѣмъ Кіевомъ, который простирался вокругъ во всей красѣ своей, у подножія завѣтнаго холма, съ своими златоверхими церквами, предсказанными апостоломъ, и за синимъ Днѣпромъ по водамъ коего онъ нѣкогда пришелъ. Картина чудная! Вся паперть была обставлена кругомъ разноцвѣтными значками; между коими стройно двигались церковныя хоругви, кресты и иконы, съ ликами священнослужителей, при пѣніи гимновъ на выспреннемъ холмѣ. Казалось, шествіе совершалось между

небомъ и землею, въ синевѣ прозрачнаго эѳира, ярко проникнутаго полденнымъ солнцемъ. Это было какъ бы нѣкое видѣніе, мгновенно облиставшее горній храмъ и опять исчезнувшее въ глубинѣ его предъ благоговѣвшею землею.

«Послѣ торжественнаго хода, митрополитъ произнесъ молитву на обновленіе храма и вслѣдъ затѣмъ трогательную рѣчь, въ которой объяснилъ значеніе радостнаго дня и судьбы обновляемой церкви, возбуждая тѣмъ благоговѣніе въ душахъ слушателей. Началась божественная литургія, совершенная тремя архіереями, съ полнымъ великолѣпіемъ церковнымъ, какого доселѣ не видалъ храмъ Первозваннаго, со дня его освященія. Умилительно было пѣніе ликовъ. Вмѣсто причастнаго стиха, настоятель церкви взошелъ на высокую каѳедру, на которую давно не восходили проповѣдники, противъ обновленнаго царскаго мѣста, и сказалъ слово о томъ, что нѣкогда было съ симъ храмомъ, объ его славномъ началѣ, послѣдовавшемъ затѣмъ оскудѣніи нынѣшнемъ обновленіи отъ щедротъ Царскихъ; онъ перешелъ отъ описанія вещественнаго храма къ высокому значенію храма духовнаго, т. е. души христіанской, которую преобразуетъ собою внѣшній храмъ, призывая насъ къ охраненію сей внутренней святыни нашей. Такъ совершилось торжество.»

(*Кіев. Еп. В.*)

Современная дѣятельность древнихъ братствъ въ югозападномъ краѣ.

Духъ христіанской любви всегда объединяетъ людей между собою. Но любовь христіанская особенно высказывается въ тажкія минуты людей, связанныхъ между собою общими интересами. Тогда духъ христіанской любви, вѣющій когда хочетъ и какъ хочетъ, принимаетъ извѣстную опредѣленную форму, и направляется къ извѣстной дѣятельности въ пользу общества, съ цѣлію взаимнаго поддержанія и воспомоществованія его членовъ въ несчастныхъ обстоятельствахъ и защиты ихъ общихъ интересовъ. Таковъ былъ характеръ свободныхъ древнихъ братствъ, за которыми въ древнее время было признано юридическое существованіе.—Это христіанское учрежденіе пустило глубокіе корни въ сердце южно-русскаго народа, и теперь вы повсюду можете встрѣтить ясные и живые слѣды древнихъ братствъ.

Правда, въ настоящее время братства не имѣютъ прежней юридической силы, но духъ древняго братства остается жизненнымъ и теперь. Народъ нашъ помнитъ древнее славное братство и чувствуетъ въ своей душѣ его наслѣдственность. Братство—это дорогое для нашего народа слово, потому что подъ этимъ именемъ его предки крѣпко сплотились между собою и отстаивали свою православную вѣру и русскую народность отъ латино-польской пропаганды, стремившейся подчинить себѣ

нашъ народъ и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніи, посредствомъ истребленія его вѣры и русской народности. И въ настоящее время братство составляетъ живую силу, которою можетъ пользоваться церковь съ большою выгодою для себя какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ отношеніи, если только пастырь церкви съумѣетъ хорошо направить его дѣятельность.

Пояснимъ: что это за братство, которое существуетъ теперь при каждомъ приходѣ, какъ бы онъ малъ ни былъ, даже при каждой приписной церкви?

Братство состоитъ въ послѣднее время изъ братчиковъ и сестричекъ. На званіе братчика имѣютъ право лучшіе изъ прихожанъ—что опредѣляется какъ хозяйственнымъ, такъ и нравственнымъ ихъ состояніемъ, а главное его пожертвованіями въ пользу церкви. Поступившій въ число братчиковъ дѣлаетъ для себя особую большую свѣчу изъ желтаго воска, которая на концѣ мѣтится какимъ нибудь значкомъ, чтобы хозяинъ могъ узнать свою свѣчу. Эти братскія свѣчи, служащія символомъ того, что сердце братчика должно горѣть пламенемъ христіянской любви, хранятся въ особо приготовленномъ для нихъ въ церкви ящикѣ. Вотъ и все, составляющее внѣшнее отличіе братчика (*). Тѣмъ же самымъ правомъ—имѣть большія свѣчи пользуются и *сестрички*, между которыми всегда первою считается жена священника—и также имѣетъ свою свѣчку; только свѣчи сестричекъ бываютъ, большею частію, нѣсколько поменьше и потоньше свѣчей братчиковъ. Эти братскія свѣчи возжигаются во время главныхъ частей богослуженія, какъ то: при чтеніи евангелія, при пѣніи херувимской пѣсни, выносѣ святыхъ даровъ и при освященіи ихъ; а также возжиганіе братскихъ свѣчей составляетъ главную принадлежность всѣхъ церковныхъ процессій и церемоній; какъ то: крестныхъ ходовъ, встрѣчи архіерея, погребеній съ *проводомъ* и проч. (**) Поэтому каждый крестьянинъ, желающій торжественно съ проводомъ совершить погребеніе, оповѣстивши священника о смерти члена своей семьи, идетъ къ братству поговорить на счетъ свѣчъ, или, какъ обыкновенно выражаются крестьяне—*світла*. За участіе братчиковъ въ процессіи съ возженными свѣчами крестьянинъ платитъ въ церковь извѣстное количество денегъ, смотря по средствамъ. Впрочемъ, не всегда въ погребальныхъ проце-

(*) Если братчикъ дурно ведетъ себя, тогда онъ лишается почетнаго названія братчика. Лишеніе чести братчика производится по совѣту всѣхъ братчиковъ и непремѣнно при участіи священника. Удаленному изъ братства возвращается его свѣча и онъ не имѣетъ права ее зажигать въ церкви. Подобное обстоятельство считается большимъ безчестіемъ и случается весьма рѣдко.

(**) Возжиганіе братскихъ свѣчей большею частію производится старшимъ братчикомъ, который вынимаетъ ихъ изъ ящика въ указанное время и раздаетъ присутствующимъ братчикамъ, а также постороннимъ важнымъ лицамъ присутствующимъ въ церкви,—этимъ дѣлается имъ честь. За тѣмъ опять старшіе братчики отбираютъ свѣчи и кладутъ ихъ въ свое мѣсто.

ссіяхъ лично участвуютъ сами братчики и сестрички съ своими свѣчами.—Это бываетъ тогда, когда умретъ почетный и богатый прихожанинъ—братчикъ, потому что семья такого только крестьянина обращается къ братчикамъ принять участіе въ погребальной церемоніи лично, такъ какъ тогда предполагается въ домѣ осиротѣлой семьи угощеніе, соотвѣтственное почетнѣйшимъ прихожанамъ (*). При погребеніи бѣднаго крестьянина, желающаго хорониться съ проводомъ, испрашивается только у *братства* дозволеніе взять его свѣчи для погребальной процессіи, и эти свѣчи несутъ провожающіе покойника.

Мы сказали, что крестьянинъ, имѣющій въ домѣ покойника, обращается къ братству за *свiтломъ* для погребальной процессіи. Да не подумаетъ читатель, что по этому случаю непремѣнно собирается цѣлое братство, чтобы опредѣлить цѣну за горѣніе его свѣчъ при погребальной процессіи. Рѣшеніемъ этого дѣла занимается церковный староста и ключникъ, а также случайно попавшійся какой нибудь братчикъ. Они то составляютъ, такъ сказать, постоянный совѣтъ братства, и опредѣляютъ,— какое количество выдать свѣчъ и за какую плату въ церковь.

Въ чемъ же еще больше состоитъ дѣятельность настоящаго братства? На этотъ вопросъ мы будемъ отвѣчать фактами; такъ какъ настоящія братства,—разумѣю тѣ, которыя юридически еще не признаны, но которыя фактически существуютъ въ каждомъ приходѣ, не имѣютъ для своихъ дѣйствій никакихъ опредѣленныхъ уставовъ или инструкцій. По этому выводить изъ фактовъ какую нибудь инструкцію, которою настоящія неоффиціальныя братства, (мы такъ будемъ называть ихъ въ отличіе отъ тѣхъ братствъ, которыя въ послѣднее время утверждены преосвященными и дѣйствуютъ по извѣстному, напередъ составленному уставу), по преданію отъ отцевъ и дѣдовъ, руководствуются, я опасаюсь, чтобы не составить своей теоріи и не выдать ее за основу и духъ братства неоффиціальнаго; въ фактахъ же всякій читатель осязательно увидитъ подлинный духъ неоффиціальнаго братства и тѣ правила, которыми оно руководствуется, при обсужденіи и рѣшеніи своихъ дѣлъ.

Вотъ пріѣхали въ село русскіе купцы съ церковными товарами. Они обращаются къ священнику,—не купитъ ли онъ у нихъ чего нибудь въ церковь. Священникъ призываетъ церковнаго старосту и приказываетъ ему созвать старшихъ братчиковъ (**). Приходятъ старшіе братчики и священникъ ведетъ

(*) На этотъ счетъ существуетъ такая поговорка: „Якъ умре богатырь, то іде весь мыръ; а якъ умре бидиякъ, то іде попъ тай дякъ.

(**) Считаю нужнымъ пояснить — что это за старшіе братчики: это не есть какое нибудь особенное званіе между братчиками, дающее извѣстному братчику какія нибудь особенныя права. Старшимъ братчикомъ называется старшій, такъ скажемъ, во всѣхъ отношеніяхъ: по лѣтамъ, уму, нравственному вліянію на братство и большему жертвованію въ церковь. Въ званіе старшаго братчика онъ опредѣляется не какимъ нибудь, такъ скажемъ-

къ нимъ такую рѣчь: Вотъ, указывая на купцевъ, пріѣхали къ намъ купцы съ церковными вещами,—я нахожу нужнымъ купить полное новое священническое облаченіе. При этомъ священникъ указываетъ на самыя вещи, которыя онъ желаетъ пріобрѣсть.

Старшіе братчики нѣсколько призадумались и одинъ изъ нихъ говоритъ священнику: „Батюшка, можетъ быть, намъ не нужно новыхъ ризъ, вотъ у насъ есть еще двое или трое ризъ совершенно цѣлыхъ“.

На это замѣчаніе братчика священникъ говоритъ: „Положимъ, что у насъ есть двѣ или три ризы совершенно цѣлыя, но онѣ уже маленько поприношены; а не мѣшало бы имѣть въ церкви ризы совершенно новыя.

Братчикъ, подумавши, говоритъ: оно—то такъ, имѣть лишнія ризы—хорошо; но можетъ быть намъ деньги понадобятся на какія нибудь другія церковныя нужды; а въ новыхъ ризахъ, благодаря Бога, пока не видится особенной нужды, такъ какъ имѣющіяся на лицо ризы, хотя уже не много и попритерты, но все таки цѣлы.

Священникъ, видя что его братчики начинаютъ отнѣкиваться отъ покупки нужныхъ, по его мнѣнію ризъ, на томъ основаніи, что имѣющіяся въ церкви ризы, хотя уже и приношены, но цѣлы, обратился къ братчикамъ съ такимъ убѣжденіемъ: Послушайте, Степанъ (такъ назывался братчикъ, который говорилъ отъ лица другихъ), я думаю, что у васъ кромѣ этой *сермяги* (верхняя одежда суконная) есть еще новая одна, а можетъ быть—и другая.

А, таки *дяковаты Богови*, есть, подхватываетъ крестьянинъ.

И хорошо дѣлаете вы, что имѣете запасъ въ одеждѣ—одна сермяга будетъ у васъ для будничнаго дня, а другая новая—про праздникъ. Оно такъ и годится, чтобы человѣкъ въ будничный день имѣлъ одну одежу, а въ праздникъ—другую получше и почище, потому что въ святомъ храмѣ нужно являться прилично одѣтымъ. Это справедливо по отношенію къ вамъ. Я думаю, что также было бы справедливо, если бы въ церкви было нѣсколько разъ, изъ которыхъ однѣ, менѣе цѣнныя употреблялись бы при требоисправленіяхъ въ дурную погоду, другія для служенія въ церкви въ обыкновенные воскресные дни; а третьи—лучшія для великихъ праздниковъ. Я думаю, продолжаетъ священникъ, что и прихожанамъ пріятнѣе бываетъ по-

---

юридическимъ актомъ, а просто народною молвою, питающею больше уваженія къ извѣстнымъ лицамъ за ихъ усердіе къ церкви. Жены этихъ почтенныхъ лицъ обыкновенно называются старшими сестричками, между которыми, впрочемъ, жена священника всегда пользуется названіемъ старшей сестрички, хотя въ послѣднее время жены священниковъ изъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ *паньнокъ*, стыдятся имѣть ближайшее общеніе съ сестричками и не учавствуютъ въ ихъ торжествахъ.—Это не дѣлаетъ имъ чести!

смотрѣть, когда на священникѣ чистыя, новыя и хорошія ризы; да оно такъ и годится. Вѣдь вы въ праздникъ одѣваетесь въ лучшую одежду, оно бы хорошо, чтобы и священникъ одѣлся въ праздникъ въ лучшую ризу и пр.

Послѣ такого дружескаго убѣжденія священникомъ своихъ прихожанъ купить новыя ризы, прихожане соглашаются на покупку новыхъ ризъ. Да, батюшка правду говорятъ, что нужны лучшія ризы про праздникъ.

Послѣ этого священникъ, въ присутствіи братчиковъ, сторговалъ полное священническое облаченіе у купцовъ, и за тѣмъ пошелъ въ церковь съ ключникомъ и тамъ расплатился съ купцами за вещи.

Вотъ еще другой фактъ. Одинъ священникъ, прибывши на свой приходъ, засталъ въ церкви очень мало денегъ, а между тѣмъ ему хотѣлось покрыть свою церковь желѣзомъ. Вотъ онъ призываетъ къ себѣ старшихъ братчиковъ, разъясняетъ имъ задуманное дѣло. Братчики соглашаются съ священникомъ, что настоитъ надобность покрыть ихъ церковь желѣзомъ. Но гдѣ же взять денегъ, необходимыхъ для расхода по этому дѣлу? Священникъ предлагаетъ имъ такое средство: пусть всѣ прихожане цѣлымъ міромъ назначатъ по одному дню въ недѣлю—работать у помѣщика въ пользу церкви, это предложеніе было сдѣлано во время уборки хлѣба,когда заработки бываютъ хороши:да кромѣ того назначить большій сборъ въ церковь при различныхъ требоисправленіяхъ, пока не совершится нужная починка церкви (*).

Старшіе прихожане согласились на предложеніе священника, и взяли на себя трудъ провести въ массу этотъ проэктъ для собранія нужныхъ денегъ на починку церкви. Народъ, по убѣжденію старшихъ братчиковъ (**), безпрекословно принялъ предложеніе священника и въ томъ же году починка церкви состоялась.

Нужно ли священнику сдѣлать починку въ своемъ домѣ и службахъ—онъ обращается къ старшимъ братчикамъ и дѣло рѣшается тѣмъ, что изъ кружечныхъ денегъ выдается сумма, нужная на починку дома и службъ, или же сами прихожане личнымъ трудомъ производятъ починку. Иногда бываетъ такъ, что болѣе смѣлый священникъ не совѣтуется съ братчиками, а самъ приказываетъ церковному старостѣ произвесть починку

(*) Увеличенная, по предложенію приходскаго священника, плата въ церковь на требоисправленія уменьшалась бѣднымъ прихожанамъ, если ихъ бѣдность была засвидѣтельствована предъ священникомъ кѣмъ нибудь изъ старшихъ братчиковъ или церковнымъ старостою.

(**) Старшіе братчики всегда имѣютъ вліяніе на массу народа—ихъ слушаются, какъ людей пожилыхъ и опытныхъ въ жизни, а также болѣе другихъ жертвующихъ въ церковь и этимъ пріобрѣтающихъ большій авторитетъ Поэтому, иногда въ разговорѣ крестьянъ можно подслушать слѣдующую иронію на счетъ людей, претендующихъ на авторитетъ въ глазахъ другихъ, а между тѣмъ не пользующихся имъ. „*Его*, остритъ веселый собесѣдникъ, *треба слухаты, бо—то бачь, старшій бра тчыкъ*“.

на церковный счетъ; тогда обыкновенно слышится глухой ропотъ между братчиками, что священникъ незаконно тратитъ церковныя деньги, между тѣмъ какъ ничего подобнаго не бываетъ, если это дѣлается съ ихъ вѣдома. Равно также священникъ съ братчиками опредѣляетъ количество взноса денегъ въ кружку при исповѣди каждымъ исповѣдующимся. Вообще братчики, а особенно старшіе братчики, заправляютъ въ селѣ общественнымъ мнѣніемъ. Священникъ, если желаетъ привести въ массу народа какое нибудь свое предположеніе, относящееся къ благу церкви, обыкновенно обращается къ посредству старшихъ братчиковъ, и тогда его предположеніе большею частію вѣнчается желаннымъ успѣхомъ. И положительно можемъ сказать, что всякая затѣя священника въ приходѣ помимо братчиковъ большею частію не имѣетъ успѣха, развѣ бы его дѣло было правительственнымъ распоряженіемъ.

И такъ, приведенные нами факты говорятъ, что дѣйствительно въ нашемъ народѣ существуютъ слѣды древнихъ братствъ и при томъ слѣды глубокіе и живые.

Слѣды древняго братства можно видѣть еще въ учрежденіи такъ называемыхъ громадскихъ обѣдовъ, которые всегда бываютъ по инициативѣ старшихъ братчиковъ. Эти громадскіе обѣды бываютъ, ежегодно, осенью, послѣ уборки хлѣба. Побужденіемъ къ устроенію этихъ обѣдовъ бываетъ исключительно одна братская любовь, желающая накормить, вмѣстѣ со всѣми прихожанами села, нищую братію. Вотъ братчики условились между собою на счетъ громадскаго обѣда, предлагаютъ это доброе дѣло на обсужденіе массѣ народа, которая охотно соглашается на предложеніе братчиковъ. Назначается день громадскаго, обѣда заранѣе оповѣщается священникъ, чтобы онъ отслужилъ въ этотъ день обѣдню. Наступаетъ самый день обѣда, и прихожане, по преимуществу ихъ жены—сестрички, сносятъ къ церкви всѣ хозяйственные продукты, необходимые для обѣда. Здѣсь уже начинаютъ главную роль играть сестрички. Избирается на улицѣ недалеко отъ церкви безопасное мѣсто, на которомъ разводится огонь и приготовляется обѣдъ сестричками, а братчики и другіе прихожане собираются въ церковь и слушаютъ обѣдню. По окончаніи обѣдни, въ оградѣ церковной накрываются столы и всѣ присутствующіе садятся за столъ, (*) въ числѣ которыхъ всегда бываетъ множество нищихъ, пришедшихъ изъ окольныхъ селъ на громадскій обѣдъ, о которомъ нарочно заблаговременно оповѣщается, за недѣлю, а иногда за двѣ, съ тою цѣлію, чтобы по больше собралось нищихъ на обѣдъ. Священникъ благословляетъ столъ, начинается обѣдъ. Здѣсь то, въ братскомъ собраніи людей, льется задушевная искренняя бесѣда о разныхъ предметахъ домашней, общественной и даже религіозной жизни. Иногда прихожане обращаются къ

(*) На громадскихъ обѣдахъ накрывается нѣсколько столовъ, смотря по количеству обѣдающихъ, но сестрички и вообще женскій полъ всегда обѣдаютъ на отдѣльномъ столѣ отъ мущинъ.

священнику за рѣшеніемъ разныхъ богословскихъ предметовъ и вопросовъ, которые иногда бываютъ довольно остроумны. Намъ, однажды, приходилось присутствовать на одномъ изъ такихъ громадскихъ обѣдовъ и вотъ одинъ крестьянинъ обратился къ намъ съ такимъ вопросомъ:

Скажите мнѣ, паничь, когда Богъ стоялъ на одной ногѣ?

Я не нашелся отвѣтить своему собесѣднику на этотъ вопросъ, и замѣчая изъ выраженія его физіогноміи, что ему отвѣтъ на этотъ вопросъ знакомъ, я попросилъ его отвѣтить мнѣ на заданный имъ же вопросъ, если онъ можетъ это сдѣлать.

Крестьянинъ съ улыбкой отвѣчаетъ: Богъ стоялъ на одной ногѣ тогда, когда садился на осла для шествія во Іерусалимъ.

Вообще должно замѣтить, что крестьянинъ на громадскихъ обѣдахъ держитъ себя свободно, но въ тоже время деликатно, —онъ задаетъ вамъ остроумные вопросы и остроумныя загадки, но никогда васъ не оскорбитъ.

Въ бесѣдѣ на громадскихъ обѣдахъ самое лучшее время для священника растолковать міру какое нибудь доброе предпріятіе, клонящееся къ пользѣ церкви. Здѣсь чувства малороссовъ объединяются и большая семья прихода составляетъ теперь одинъ духъ и одно сердце. Тогда бываетъ самое лучшее время поразсудить съ прихожанами о какихъ нибудь важныхъ дѣлахъ и всегда можно расчитывать на успѣхъ. Опытные священники пользуются этими случаями для проведенія въ массу народа своихъ добрыхъ намѣреній и предположеній.

Обѣдъ заканчивается церковною пѣснію. Послѣ обѣда прихожане надѣляютъ нищихъ,—кто чѣмъ можетъ и за тѣмъ расходятся по домамъ, унесши каждый съ собою много впечатлѣній, которыми долго ему прійдется жить.

Такъ совершаются обѣды громадскіе, назовемъ ихъ, постоянные, для которыхъ хотя не назначается, каждый годъ, одного опредѣленнаго срока, но которые непремѣнно бываютъ осенью—въ каждомъ приходѣ послѣ уборки хлѣба. А то еще бываютъ подобные громадскіе обѣды по особеннымъ какимъ нибудь обстоятельствамъ въ жизни народной. Такъ, напримѣръ: по случаю счастливо миновавшей повальной болѣзни, или, какъ въ послѣднее время, по случаю освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Мы знаемъ одно село, гдѣ крестьяне присудили праздновать 30 августа—день совершеннаго освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, ежегодно громадскимъ обѣдомъ. На первомъ такомъ обѣдѣ крестьяне порѣшили, по совѣту священника, сдѣлать на складочныя деньги великолѣпную икону въ церковь, съ надписью дня освобожденія. Мы думаемъ, что этотъ приговоръ крестьянъ—праздновать день окончательнаго освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости останется неизмѣннымъ обычаемъ у ихъ потомковъ, на всѣ послѣдующія времена. (*).

(*) Кромѣ общихъ—громадскихъ обѣдовъ, бываютъ еще частные громадскіе обѣды, или поминки. Этотъ обычай такъ вошелъ въ духъ народа,

Еще слѣды древняго братства выражаются въ заботливости братчиковъ о снабженіи своей церкви достаточнымъ количествомъ восковыхъ свѣчъ. Всякій братчикъ, имѣющій пасѣку, непремѣнно пожертвуетъ нѣсколько фунтовъ воску, смотря по количеству своей пасѣки, въ церковь на свѣчи. Иной братчикъ, не имѣя пасѣки, покупаетъ воскъ у своего сосѣда, или же въ мѣстечкѣ и за тѣмъ жертвуетъ въ церковь. Впрочемъ, это не есть обязательный какой нибудь обычай, чтобы непремѣнно каждый братчикъ жертвовалъ воскъ въ церковь,—это будетъ зависѣть отъ его усердія; а непремѣнно каждый изъ нихъ имѣетъ свою большую восковую свѣчу, доходъ отъ который поступаетъ въ пользу церкви. Изъ этого пожертвованнаго воска, или и прикупленнаго, если мало бываетъ пожертвованнаго, выдѣлываются церковныя свѣчи различной величины. Впрочемъ, для продажи употребляются большею частію грошовыя свѣчи; а свѣчи большаго размѣра выдѣлываются для употребленія ихъ на престолѣ, предъ на мѣстными иконами и проч. Маленькія, равно какъ и большія свѣчи, выдѣлываются самими братчиками, или церковнымъ старостою, подъ ихъ наблюденіемъ. Для выдѣлыванія маленькихъ свѣчей, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ *офірокъ*, (*) употребляется самый простой способъ. Обыкновенно сучится длинная толстая нитка, которая потомъ погружается въ разстопленный воскъ, или лучше сказать, проводится по разстопленному воску; и когда она остынетъ, тогда разрѣзываютъ ее на маленькія свѣчки, называемыя *офірками*. *Офірки* эти цѣною бываютъ въ одинъ грошъ (полкопѣйки сер.) Дѣлаютъ еще такъ называемый *сточекъ*. Это таже самая длинная нитка, обмакнутая въ воскъ, только она не разрѣзывается на отдѣльныя маленькія свѣчи, а свертывается на подобіе клубка. Этотъ сточекъ употребляется священникомъ, или причетникомъ, при отправленіи богослуженія вечеромъ.

Такимъ образомъ снабженіе церкви восковыми свѣчами на половину бываетъ даровое. Правда, свѣчи собственной мануфактуры бываютъ очень некрасивы, но за то дешево достаются.(**)

Въ настоящее время, у насъ въ подольской епархіи заведенъ свѣчной епархіальный заводъ, имѣющій цѣлію выдѣлывать свѣ-

---

что отсутствіе этихъ обѣдовъ, или рѣдкое учрежденіе ихъ считается въ глазахъ народа, особенно—нищихъ, грѣхомъ. Потому—то вы можете подслушать въ пѣсняхъ *лирниковъ* (нищіе, играющіе на лирѣ) такія выраженія осуждающія скупаго богача:

Священыку на молытву не дававъ,
И старцямъ обідивъ несправлявъ.

(*) Офірка, офіра значить жертва.

(**) Считаемъ нужнымъ присовокупить, что (при описаніи слѣдовъ древняго братства, мы руководствовались фактами, замѣченными нами въ Волынской губерніи. Но эти обѣ епархіи, равно какъ и кіевская совершенно похожи одна на другую по характеру и нравственному складу своихъ жителей. Да и при томъ мы имѣли случай говорить объ этомъ предметѣ съ людьми, весьма коротко знакомыми съ подолянами—и мы еще болѣе утвердились въ той мысли, что народные обычаи той и другой страны совершенно сходны между собою.

чи въ количествѣ, потребномъ для снабженія всѣхъ церквей подольской епархіи. Такимъ образомъ настоящія домашнія мануфактуры по приходскимъ церквамъ должны прекратить свою выдѣлку церковныхъ свѣчъ, а каждая церковь должна обращаться за нужнымъ количествомъ ей церковныхъ свѣчъ къ своему мѣстному благочинному, которому свѣчной заводъ высылаетъ свѣчи для подвѣдомыхъ ему приходскихъ церквей. Такимъ образомъ, свѣчному епархіальному заводу приходится столкнуться съ древнимъ обычаемъ жертвованія въ церковь воска прихожанами и выдѣлки изъ него церковныхъ свѣчъ. Но это только съ перваго раза такъ представляется, а, всмотрѣвшись въ дѣло поближе, мы находимъ, что устройство центральнаго епархіальнаго завода, откуда должны получаться свѣчи во всѣ церкви, не только не противорѣчитъ доброму обычаю прихожанъ жертвовать въ церковь воскъ на свѣчи, но совершенно можетъ съ нимъ мириться, и даже можетъ быть выгоднымъ для церквей въ томъ отношеніи, что изъ завода получаются свѣчи приличной выдѣлки, даже изящной, если только священники, понявши сами эту выгоду, уяснятъ ее своимъ прихожанамъ. Пожертвованіе воска въ церковь на свѣчи можетъ продолжаться и теперь и не должно выводить этого обычая изъ употребленія, а напротивъ нужно его поддерживать; только теперь, вмѣсто того, чтобы сами прихожане выдѣлывали свѣчи, довольно некрасивыя по виду, они будутъ отдавать этотъ воскъ благочиннымъ, а въ замѣнъ его будутъ получать свѣчи красивой выдѣлки изъ завода. Конечно, фунтъ свѣчъ изъ завода обойдется дороже, чѣмъ таковой собственной выдѣлки, но развѣ не стоитъ прибавить нѣсколько копѣекъ на фунтъ, чтобы имѣть приличныя свѣчи въ церкви. Мы думаемъ, что прихожанину пріятнѣе будетъ поставить красивую свѣчку предъ иконою, которая будетъ горѣть яркимъ пламенцемъ, служащимъ символомъ его горячей и пламенной любви къ Богу, а не кусокъ толстой нитки, обмоченной въ воскъ, некрасивой по наружности, которая скорѣе тлѣетъ съ постояннымъ нагаромъ и коптитъ, а не горитъ равнымъ пламенемъ. Желательно, чтобы священники уснили это дѣло своимъ прихожанамъ, которые можетъ быть, жалѣютъ о своемъ правѣ—выдѣлывать собственно-ручно довольно некрасивыя свѣчи и своимъ горѣніемъ коптящія церковь, и пусть стараются поддерживать прежній добрый обычай жертвовать войскъ въ церковь, который, потомъ, какъ мы выше сказали, можно, съ большою выгодою для церкви, мѣнять на свѣчи епархіальнаго завода. При этомъ хорошо было бы, если бы священники извѣщали заводъ заблаговременно особыми отношеніями за подписью причта и церковнаго старосты и церковною печатію, что у нихъ собрано пожертвованнаго воска столько-то, и церковь можетъ продать заводу воскъ по такой-то цѣнѣ за фунтъ, поэтому приходъ проситъ епархіальный заводъ выслать ему церковныхъ свѣчей на такую сумму денегъ, которыя можно выручить за воскъ. Это будетъ вы-

годно и для прихода и для завода, который можетъ расчитать, какое количество воска онъ можетъ получить отъ церквей, и сколько затѣмъ онъ долженъ прикупить у стороннихъ лицъ, а для прихожанъ та выгода, что имъ, при запрещеніи самимъ выдѣлывать свѣчи, не будетъ нужды возиться съ собраннымъ по ярмаркамъ и тамъ торговаться съ жидами.

А. И—чъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА

Оберъ-прокурора святѣйшаго сѵнода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1866 годъ.

(Отрывокъ).

Въ минувшемъ 1867 году отечественной церкви предстояло вообще продолжать уже начатое прежде, поддерживать и развивать, что созидалось ея же попеченіями, въ болѣе или менѣе близкомъ или отдаленномъ прошломъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выступили на первый планъ новые насущные нужды и вопросы, новыя современныя событія, настоятельно и неотложно требовавшія ея руководительнаго участія, направленія и разрѣшенія. Очеркъ этой церковной дѣятельности я имѣю счастіе всеподданнѣйше представить нынѣ на Высочайшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

УТВЕРЖДЕНІЕ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ ВѢРЫ.

Заботы церкви были сосредоточены главнымъ образомъ на выполненіи важнѣйшей ея обязанности—служить высшимъ интересамъ православія. Въ этомъ отношеніи предлежала двойственная задача. Съ одной стороны, православная свыше-пятидесятимилліонная русская паства, съ каждымъ годомъ возрастающая, требовала постоянныхъ трудовъ къ возвышенію въ ней духа благочестія, а съ другой—церковь не могла оставаться безучастною къ дѣлу спасенія тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои доселѣ чужды еще великихъ благъ единой спасительной вѣры. Въ томъ и другомъ случаѣ церковь дѣйствовала оружіемъ слова и всепокоряющею внутреннею силой содержимой ею вселенской истины ученія, каноновъ и учрежденій.

Присоединеніе изъ латинства.

Побѣдоносное вліяніе православной церкви въ особенно поразительномъ свѣтѣ обнаружилось въ многочисленныхъ присоединеніяхъ къ ней изъ латинства, начавшихся еще въ 1865 году въ западномъ краѣ, преимущественно въ епархіяхъ ли-

товской, минской и отчасти полоцкой. Здѣсь присоединялись одновременно цѣлыя семейства, даже цѣлые р.-католическіе приходы. Такъ въ мѣстечкѣ Николаевщинѣ, минской епархіи, приняли православіе всѣ прихожане римско-католическаго исповѣданія, числомъ до 700, не считая дѣтей. То же было въ мм. Вѣницѣ и Воложинѣ, Ошмянскаго уѣзда. Многіе костелы остались вовсе безъ прихожанъ. Въ одномъ Воложинѣ новообращенные составили съ древле-православными большой приходъ, свыше 6000 душъ. Общее число лицъ, оставившихъ латинство, простирается въ литовской епархіи, въ 1866 году, до 25,194, не включая сюда 4,254 человѣкъ, принятыхъ въ лоно церкви въ 1865 году, а въ минской до 20 т. Не одни простолюдины переходили въ православіе, но и лица образованныхъ классовъ: въ Кіевѣ подполковникъ Сѣмашко съ своимъ семействомъ; въ литовской епархіи князь Радзивиллъ, князь Любецкій, помѣщики Лопацинскій, Деспотъ-Зеновичъ, Бѣлинскій, Биспингъ, многіе чиновники, дворяне и четыре ксендза *).

Религіозное движеніе, открывшееся въ столь обширныхъ размѣрахъ, является фактомъ особой важности, какъ само по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ. Оно совершается въ краѣ, гдѣ латинскій элементъ занималъ доселѣ преобладающее положеніе. Такъ въ литовской епархіи, обнимающей три губерніи, римско-католическое населеніе болѣе нежели вдвое многочисленнѣе православнаго, находившагося притомъ въ теченіе многихъ вѣковъ подъ чуждымъ гнетомъ. Но никакія препятствія и противодѣйствія не были въ силахъ помѣшать успѣхамъ дѣла, къ торжеству нашей церкви и къ вящему упроченію въ краѣ началъ русской жизни, знаменемъ которой всегда служила православная вѣра.

Присоединенія въ большомъ числѣ начались почти непосредственно за подавленіемъ тамъ польскаго мятежа и по Всемилостивѣйшемъ дарованіи населеніямъ западныхъ губерній разныхъ гражданскихъ правъ. Предоставленіе ихъ, усиленіе въ краѣ чисто-русскаго элемента и принятіе другихъ мѣръ неминуемо повлекли за собою ослабленіе прежняго вліянія на народъ со стороны польщизны и ксендзовъ, довѣріе къ которымъ и безъ того уже сильно поколебалось вслѣдствіе преступнаго ихъ поведенія во время послѣдняго мятежа. Къ тому же значительное число присоединившихся были русскаго происхожденія, совращенные нѣкогда въ латинство изъ православія или изъ уніи, а нынѣ добровольно оставившіе то, къ чему предки ихъ принуждены были силою. Такъ присоединенные къ православной церкви 673 человѣка крестьянъ въ

*) По настоящее время (т. е. по 1-е января 1868 г.) обратившихся въ православіе латинянъ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ, считается до 80,000 душъ обоего пола. Ред.

мѣстечкѣ Шумскѣ, Виленскаго уѣзда, всѣ русскіе, отцы и дѣды которыхъ совращены въ латинство доминиканами. Тоже должно сказать о новоприсоединенныхъ крестьянахъ въ Рудоминѣ и Рукойняхъ, Виленскаго уѣзда, и въ Крѣвѣ, Ошмянскаго уѣзда. Князь Александръ Друцкой-Любецкій принадлежитъ къ потомкамъ того князя Павла Друцкого-Любецкаго, который еще въ 1617 г. былъ въ числѣ учредителей луцкаго братства, основаннаго для отпора нападкамъ римско-католицизма и уніи. Благотворное также вліяніе имѣлъ переходъ въ праславіе самихъ ксендзовъ, и въ особенности ксендза подбрежскаго прихода, Іоанна Стрѣлецкаго, принятаго въ число членовъ литовской православной паствы съ оставленіемъ въ санѣ священства. Путемъ изученія духовной литературы дойдя до убѣжденія въ истинности восточной церкви, Стрѣлецкій своими наставленіями и примѣромъ содѣйствовалъ обращенію въ православіе болѣе 1,500 прежнихъ своихъ прихожанъ. Въ новомъ званіи настоятеля православнаго прихода, Стрѣлецкій выказалъ замѣчательное безкорыстіе. Онъ добровольно отказался отъ вознагражденія за требы, и вся сумма получаемаго имъ нынѣ содержанія не превышаетъ 600 руб. въ годъ, тогда какъ прежде, въ бытность ксендзомъ, онъ получалъ 400 руб. жалованья и до 1,000 р. дохода съ прихожанъ.

Умноженіе православной паствы десятками тысячъ присоединившихся изъ латинства вызвало усиленную дѣятельность со стороны мѣстнаго духовенства и епархіяльныхъ начальствъ. Они прилагали всѣ старанія поддержать пробудившееся въ народныхъ массахъ стремленіе къ православію; на нихъ лежали труды благовѣстія слова истины и всѣ труды по присоединенію возвращавшихся изъ латинства, по утвержденію ихъ въ спасительныхъ догматахъ вѣры. Скоро явилась потребность въ образованіи новыхъ православныхъ приходовъ и въ сооруженіи храмовъ. Потребность эта быстро удовлетворена. По одной литовской епархіи въ послѣдніе два года учреждено, съ разрѣшенія святѣйшаго синода, 19 новыхъ приходовъ, на Высочайше ассигнованные 500 т. руб. въ теченіе пяти лѣтъ, на средства, указанныя мѣстною администраціею, и на способы, доставленные прихожанами работою, матеріялами и деньгами, построено 57 новыхъ церквей, въ томъ числѣ 40 каменныхъ, при полномъ содѣйствіи къ тому со стороны гражданскихъ властей, устроившихъ для этой цѣли губернскіе, уѣздные и мѣстные комитеты, въ которыхъ отъ духовенства были депутаты.

Въ самомъ центрѣ сѣверозападнаго края, въ Вильнѣ, дѣятельно производилось возстановленіе древнихъ памятниковъ русской святыни. Согласно Высочайше утвержденному представленію бывшаго главнаго начальника края, графа Муравьева, обновлена уже древняя Николаевская приходская церковь; возстановлена еще древнѣйшая ея церковь Пятницкая; велико-

лѣпно обновляются соборы каѳедральный Николаевскій и митрополичій Пречистенскій. Такимъ образомъ древняя столица литовскихъ князей съ своими десятью православными храмами снова принимаетъ, послѣ вѣковыхъ невзгодъ, видъ вполнѣ русскаго города.

Благочестивое сочувствіе православнаго народа къ дѣлу созиданія и обновленія сихъ храмовъ выразилось въ многочисленныхъ пожертвованіяхъ церковной утвари, иконъ и денегъ, а нѣкоторыя церкви удостоились получить приношенія отъ Государыни Императрицы и Особъ Августѣйшаго Дома.

Освященіе новыхъ храмовъ дало епархіяльнымъ начальствамъ прекрасный случай показать новоприсоединившимся во всемъ блескѣ православное Богослуженіе. Это былъ цѣлый рядъ торжествъ, на которыя стекались тысячи народа всевозможныхъ исвовѣданій: провославныхъ, латинянъ, лютеранъ, евреевъ, магометанъ. Освященія совершались большею частью самими архіереями; всякій разъ они сопровождались приличнымъ случаю словомъ назиданія, причащеніемъ св. таинъ множества присоединившихся; раздачею народу крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ. Благолѣпіе священнодѣйствій, стройное, внятное и умилительное пѣніе и чтеніе производили глубокое и спасительное впечатлѣніе на молящихся. Были случаи, когда многіе десятки католиковъ, посѣтившихъ православное служеніе, тотчасъ послѣ него заявляли рѣшительное желаніе вступить въ нѣдра св. нашей церкви. Гражданскія и военныя власти, вообще единодушно дѣйствовавшія съ епархіяльными, подавали народу поучительный примѣръ благоговѣйнаго уваженія и предаанности къ церкви. Народъ почти постоянно имѣлъ утѣшеніе видѣть ихъ на торжествѣ освященія новыхъ приходскихъ храмовъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ. Они являлись сюда въ благочестивомъ желаніи принять участіе въ народной молитвѣ, выразить живое сочувствіе православно-народному дѣлу. Во время, напримѣръ, крестнаго хода, бывшаго въ Вильнѣ вокругъ Николаевской церкви, въ день ея освященія, 8-го ноября, запрестольный крестъ несенъ былъ впереди начальникомъ губерніи; хоругви, пожертвованныя отъ мировыхъ учрежденій—мировыми посредниками и другими чинами высшей мѣстной администраціи. Подобныя отрадныя явленія, происходившія и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, высоко поднимали значеніе православія, которое еще такъ недавно шляхетско-іезуитскія козни пытались низвести въ глазахъ народа на степень хлопской вѣры.

Обнаружившееся повсемѣстно, на всемъ пространствѣ западнаго края, настроеніе латинствующихъ населеній къ принятію православіи внушаетъ епархіяльнымъ начальствамъ надежду, что присоединенные останутся твердыми въ преданности православной церкви, что присоединенія продолжатся. Но

вмѣстѣ съ тѣмъ епархіяльныя начальства не скрываютъ и тѣхъ опасеній и трудностей, какія можетъ ожидать начавшееся движеніе въ будущемъ. Они вполнѣ сознаютъ невозможность обойдтись въ подобномъ дѣлѣ безъ колебаній при сильномъ противодѣйствіи со стороны римско-католическихъ ксендзовъ, столь опасномъ при вѣковой привычкѣ народа къ латинскимъ обрядамъ и костеламъ.

Опасность для православія съ этой стороны была всегда велика въ западныхъ губерніяхъ, особенно для православныхъ паствъ, кои образовались изъ уніятовъ, возсоединившихся въ 1839 году. Здѣсь сохранились доселѣ нѣкоторые латинскіе обычаи и порядки; въ самыхъ церквахъ видны слѣды прежняго вліянія латинства, или остатки уніи въ украшеніяхъ, не свойственныхъ православнымъ храмамъ, въ разныхъ изваяніяхъ и изображеніяхъ святыхъ на иконахъ въ латинскихъ одѣяніяхъ, въ священныхъ принадлежностяхъ богослуженія (монстранціи, подсвѣчники на престолахъ и т. п.); даже священники въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при совершеніи таинствъ и обрядовъ допускаютъ нѣкоторыя уклоненія отъ древняго чина православной церкви, не касающіяся впрочемъ существенныхъ догматовъ вѣры и коренныхъ законовъ и не вредящихъ единству съ вселенскою церковію. Но и эти уклоненія и отступленія мало по малу прекращаются. Начиная съ 1839 г., употребляются всѣ старанія къ сближенію западныхъ православныхъ паствъ съ общимъ типомъ нашей церкви, къ веденію въ нихъ однообразія въ обрядномъ отношеніи съ прочими русскими православными епархіями. Непрерывное разумное дѣйствованіе епархіяльныхъ начальствъ западныхъ епархій въ этомъ направленіи было вполнѣ плодотворно. Такъ литовская епархія, находившаяся при возсоединеніи почти въ олатиненномъ положеніи, по свидѣтельству митрополита литовскаго Іосифа, совершенно преобразилась нынѣ въ церковномъ устройствѣ, богослуженіи, духовенствѣ и съ честью можетъ стоять въ ряду древне-православныхъ русскихъ епархій. При обозрѣніи преосвященнымъ подольскимъ своей епархіи найдено, что давно укоренившійся тамъ обычай крестить чрезъ обливаніе нынѣ выводится изъ употребленія, св. таинство крещенія совершается чрезъ погруженіе; при церквахъ имѣются купѣли и въ большомъ количествѣ крестики для возложенія на крещаемыхъ. Въ епархіи полоцкой хотя и держится еще при нѣкоторыхъ церквахъ обычай обливанія, но народъ православный глубоко уважаетъ погруженіе и считаетъ его преимуществомъ въ таинствѣ, что должно служить залогомъ успѣшности предпринимаемыхъ мѣръ къ уничтоженію въ паствѣ послѣднихъ остатковъ латинства.

Въ то же время въ западныхъ епархіяхъ продолжается постепенное развитіе чистоправославныхъ учрежденій, которыя

должны служить разсадниками вѣры, благочестія и русскихъ началъ въ тамошнемъ православномъ населеніи. Еще въ концѣ 1864 г. въ сихъ именно видахъ былъ основанъ въ Вильнѣ женскій первоклассный Маріинскій монастырь, съ пріютомъ при немъ для воспитанія сиротъ духовенства и дочерей недостаточныхъ русскихъ чиновниковъ. Въ 1866 г. монастырь этотъ, по ходатайству бывшаго главнаго начальника сѣверо-западнаго края, генералъ-адютанта Кауфмана и согласно Высочайше утвержденному Вашимъ Величествомъ опредѣленію святѣйшаго синода, переименованъ въ общежительный съ цѣлію освобожденія инокинъ отъ личныхъ заботъ о собственномъ содержаніи и предоставленія имъ полной возможности всецѣло посвятить себя на дѣло своего служенія. Игуменья и монахини для него вызваны изъ Москвы. Теперь онъ имѣетъ до 45 сестеръ и устроивается въ матеріяльномъ отношеніи.

Пастырская дѣятельность епархіяльныхъ начальствъ и приходскаго духовенства въ западномъ краѣ, во всѣхъ потребныхъ случаяхъ, всегда находила себѣ поддержку со стороны святѣйшаго синода. По его распоряженію и въ 1866 году, въ видахъ уничтоженія книгъ уніятскаго типа, безмездно отпускаемы были церковно-богослужебныя книги изданія синодальной типографіи для церквей епархій: подольской 965 экз., минской 246 и волынской 34. Сверъ того снабжены книгами многія вновь устроенныя церкви въ литовской, минской и могилевской епархіяхъ. Расходъ на этотъ предметъ составилъ сумму въ 20,691 р. 93 коп.

Мѣстечко Бездѣжъ.

Оно находится въ юго-восточной части Кобринскаго уѣзда, въ 63 верстахъ отъ г. Кобрина, въ сторонѣ отъ кобринско-пинской почтовой дороги. Мѣстечкомъ оно называется, съ одной стороны, по своему сравнительно многолюдному населенію, такъ какъ въ немъ находится 124 двора и 386 ревизскихъ душъ муж. пола; съ другой, потому что жители его когда-то пользовались магдебургскимъ правомъ. Мѣстность Бездѣжа сухая и ровная, пути сообщенія, какъ съ сосѣдними городами, Кобриномъ и Пинскомъ, такъ и мѣстечками Мотолемъ и Дрогичиномъ хороши, отъ евреевъ пока Богъ миловалъ, поэтому жители Бездѣжа довольно зажиточны, рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ пары лошадей и двухъ паръ воловъ; лучшіе же хозяева имѣютъ и болѣе того, сѣрая, длинная, тонкой пряди свита, шапка чернаго сукна съ барашковымъ околышемъ, сапоги съ длинными голенищами, рѣзко отличаютъ бездѣжанина отъ прочихъ окрестныхъ жителей. Промы-

селъ бездѣжанъ—хлѣбопашество и извозъ; послѣднее занятіе въ особенности пришлось имъ какъ-то по нраву. Увлекаясь примѣромъ своихъ сосѣдей мотолянъ (жит. мѣстечка Мотоля), у которыхъ извозъ составляетъ спеціальность, они, вмѣстѣ съ послѣдними, отправляются въ Пинскъ, берутъ оттуда разную кладь, какъ-то: зерно, соль, сахаръ, стекло и т. п., и везутъ куда надо. Бездѣжане бываютъ въ Вильнѣ, въ Гроднѣ и разныхъ городахъ Гродненской губерніи, въ Бердичевѣ и т. д. Эти путешествія, доставляя имъ порядочныя матеріальныя выгоды, содѣйствовали вмѣстѣ съ тѣмъ и къ поднятію уровня умственнаго ихъ развитія. Бездѣжанинъ очень смышленъ. Мѣщанство, о которомъ онъ еще и теперь мечтаетъ, коренится въ немъ глубоко. Житель Бездѣжа смотритъ на своихъ сосѣдей, въ особенности на жителей болотистыхъ мѣстностей (здитовцевъ, споровцевъ) свысока и весело подтруниваетъ надъ ихъ неуклюжестію; за то и тѣ не остаются въ долгу и тоже насмѣхаются надъ его слишкомъ большою смышленностію, не рѣдко доходящею до плутовства. Есть, напр., анекдотъ о томъ, какъ бездѣжанинъ продавалъ никогда не телившуюся корову. Желая доказать, что она тельна, онъ клялся передъ покупщиками такъ: «коли неправда, то дай Боже мнѣ того не спожити (съѣсть) что у меня за пазухой лежитъ», а за пазухой-то у него въ то время былъ кирпичь. Или, продавая старую лошадь за молодую, онъ клялся: «дай Боже, штобъ я жонки своей не засталъ дома»—а между тѣмъ, приближаясь къ дому, онъ предупредилъ свою жену, чтобъ она вышла.

Народъ бездѣжскій весьма расположенъ къ грамотности. Въ мѣстечкѣ есть училище, существующее болѣе уже 40 лѣтъ, изъ котораго вышло и выходитъ много грамотныхъ людей. Все народонаселеніе православное. Въ Бездежѣ есть двѣ церкви, одна деревянная, построенная въ 1784 г., на мѣстѣ прежней старой, другая каменная, вновь отдѣланная изъ упраздненнаго римско-католическаго костела. Такъ какъ Бездѣжъ служитъ центральнымъ пунктомъ между окрестными селеніями, то онъ избранъ и мѣстомъ волостнаго правленія, которому принадлежитъ въ настоящее время 567 дворовъ съ 1821 ревиз. душею муж. пола.

Казалось бы, что очень благопріятныя обстоятельства, въ которыя поставлены бездѣжане въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, должны были въ нихъ, болѣе чѣмъ въ сосѣднихъ жителяхъ, развить народно-русское самосознаніе, и гражданскій тактъ, но этого-то въ нихъ пока и недоставало. Недавно еще то время, когда шайка мятежниковъ, сформировавшаяся изъ окрестной шляхты и дворовыхъ людей, въ числѣ коихъ были и уроженцы Бездѣжа, неистовствовала въ этомъ

мѣстечкѣ, и, до прибытія туда отряда войска, некому было возвысить противъ нихъ голосъ, кромѣ священника, волостнаго старшины и наставника училища. Близость помѣщичьихъ дворовъ, постоянные съѣзды окрестной шляхты въ бывшій бездѣжскій костелъ, для пѣнія возмутительныхъ гимновъ и участія въ демонстраціонныхъ крестныхъ ходахъ, вліяніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ грамотѣвъ, служившихъ при помѣщичьихъ дворахъ, сильно колебали мысли бездѣжскихъ жителей. Но не въ этомъ случайномъ вліяніи на бездѣжанъ заключается причина такого ихъ гражданскаго дуализма. Почти вся прошедшая исторія этого мѣстечка условливала эту нравственную надломленность его жителей.

Мѣст. Бездѣжъ издавна было имѣніемъ польской княжеской фамиліи Гедройцевъ. Послѣдній изъ потомковъ ихъ, усердный папистъ и полякъ, вступивъ въ управленіе имѣніемъ Бездѣжъ въ началѣ настоящаго столѣтія, сначала сильно поддерживалъ введенную здѣсь унію. Но потомъ, видя, что дѣло латино-польской миссіи мало подвигается впредъ, обратилъ все свое вниманіе на народное образованіе. Пользуясь огромными доходами съ своихъ имѣній, онъ ничего не жалѣлъ для того, чтобы приманить бездѣжанъ въ костелъ и привить къ нимъ польскую науку. Въ 1824 году онъ устроилъ первую школу въ Бездѣжѣ. Собравъ значительное количество крестьянскихъ и шляхетскихъ дѣтей, онъ, при помощи мѣстнаго ксендза, которому порученъ былъ главный надзоръ за школою, положилъ начало народному образованію въ латино-польскомъ духѣ. Вскорѣ школа начала процвѣтать и приносить свои плоды. Въ 1825 году Гедройць принимаетъ духовный санъ и, получивъ пробоство трокское, уступаетъ имѣніе Бездѣжъ виленскому университету, съ тѣмъ, чтобы послѣдній взялъ подъ свое непосредственное покровительство и мѣстную школу, не измѣняя даннаго ей направленія. Администрація университета, вѣрная волѣ жертвователя и своему собственному назначенію распространять просвѣщеніе въ народѣ, начала усердно поддерживать училище. Въ томъ же 1825 году, по предварительному условію съ пробощемъ, она сдѣлала распоряженіе о постройкѣ новаго каменнаго училищнаго дома, распорядилась назначеніемъ туда особаго наставника, выслала множество польскихъ книгъ, издала программу обученія, начертала инструкцію и дала сельской школѣ надлежащій училищный видъ. Новый домъ былъ построенъ близь самаго костела какъ бы въ ознаменованіе того, что училище это будетъ предвѣріемъ къ сближенію православныхъ съ римско-католическою церковью. На верху его устроена была костельная колокольня, какъ бы съ цѣлью показать наглядно, что отсюда со временемъ выйдутъ провозвѣстники и распространители латино-

польскихъ идей. Вскорѣ училище переполнилось учащимися. Дѣти мелкихъ дворянъ, однодворцевъ и крестьянъ стекались въ училище, чтобы поучиться: закону Божію, ариѳметикѣ, географіи, сельскому хозяйству, огородничеству, правиламъ житейскаго приличія (наука обычаевъ), пѣнію, музыкѣ, а главное—польскому языку, какъ дававшему ключь юношеству къ полному усвоенію польской цивилизаціи. Скоро бездѣжане не узнавали себя въ лицѣ своего поколѣнія. Всѣ дѣти защеголяли польскимъ языкомъ, начали пѣть латинскіе канты въ костелѣ и, одѣвшись въ бѣлыя рубашки (комешки), прислуживать ксендзамъ то въ мессахъ, то въ крестныхъ ходахъ; многіе даже играли на органахъ.

Все направлено было въ бездѣжской школѣ къ тому, чтобы перевоспитать въ лицѣ молодого поколѣнія жителей этого мѣстечка. Польская молитва предъ ученіемъ и послѣ ученія, польская рѣчь въ классѣ и внѣ онаго, частныя рекреаціи (прогулки) съ пѣніемъ польскихъ пѣсенъ—все это какъ бы чародѣйскою силой сглаживало въ душѣ дитяти тѣ слабыя начала русскаго самосознанія, какія оно выносило изъ подъ своего домашняго крова, устанавливая въ немъ новое міросозерцаніе. Школьныя рекреаціи еще и до сихъ поръ въ памяти у нѣкоторыхъ бездѣжанъ, какъ особенно веселыя времена. Въ училищной описи за 1840 г, значатся нѣкоторые музыкальные инструменты, употреблявшіеся въ этихъ училищныхъ торжествахъ, напр. большой барабанъ съ двумя палками и стальной трехъ-угольникъ. Какъ на томъ, такъ и на другомъ инструментѣ лучшіе ученики, идя впереди хора пѣсельниковъ, аккомпанировали своимъ товарищамъ. Музыка, какъ можно предполагать, была не особенная, но впечатлѣніе оставляла сильное.

Такой порядокъ вещей въ бездѣженскомъ училищѣ продолжался de jure до 1834 г., когда изданъ былъ министерствомъ народнаго просвѣщенія новый уставъ для училищъ, de facto до 1842 года, до поступленія имѣнія Бездѣжъ и мѣстной школы въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ. Многое можно было сдѣлать въ Бездѣжѣ въ эти 18 лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени не мало вышло изъ школы дворовыхъ прикащиковъ, сельскихъ писарей, даже ксендзовъ, изъ коихъ каждый въ свое времени принесъ лепту на алтарь отчизны, если не дѣломъ, то словомъ, поселяя превратныя мысли въ массѣ народа и направляя его симпатіи въ ту сторону, куда самъ тяготѣлъ. Послѣ этого не удивительно, что бездѣжане явились нравственно надломленными. Они долгое время были какъ бы въ чаду, не будучи въ состояніи осмыслить своего настоящаго положенія и привесть, такъ сказать, къ одному знаменателю разныя вліянія, дѣйствовавшія на нихъ. Конечно, въ настоящее

время, благодаря другому направленію школы, дѣйствію мировыхъ учрежденій и духовенства, постепенному уясненію самими крестьянами благихъ мѣръ правительства относительно улучшенія ихъ быта, сознанію польской неправды, все въ Бездѣжѣ приняло другой видъ. Теперь всякій, какъ выразился предо мною одинъ почтенный бездѣжскій старикъ, начинаетъ свою родную *думку думать*: служить вѣрою и правдою своему Государю-Отцу и вѣчно благодарить Его за всѣ милости Его къ народу. Закрытіе римско-католическаго костела и обращеніе его въ православную церковь имѣетъ также свои благія послѣдствія. Костелъ этотъ въ послѣднее время не имѣлъ достаточно средствъ для своей поддержки и украшенія, но, съ обращеніемъ его въ православную церковь, онъ поновленъ, какъ снаружи, такъ и внутри, украшенъ изящнымъ иконостасомъ, образами, хоругвями и т. п. и въ свою очередь служитъ украшеніемъ Бездѣжа. Такимъ образомъ, то мѣсто, гдѣ нѣкогда водружено было знамя религіознаго и политическаго сепаратизма и вражды, въ настоящее время служитъ мѣстомъ воспитанія народа въ единомысліи, мѣстомъ моленія о мирѣ и благосостояніи всего міра и святыхъ Божіихъ церквей. Бездѣжане народъ религіозный. Усердіемъ ихъ поддерживается въ исправномъ видѣ и древняя православная деревянная церковь, находящаяся въ мѣстечкѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ церкви р. католической. Всякій воскресный и праздничный день проводится ими чинно и свято. Такъ какъ въ Бездѣжѣ пока одинъ только приходъ, то и богослуженіе бываетъ поочередно то въ одной, то въ другой церкви. Во всякомъ случаѣ одна изъ церквей бываетъ всегда полна народомъ. Учащіяся дѣти чтеніемъ на клиросѣ и стройнымъ пѣніемъ не мало способствуютъ благолѣпію православнаго богослуженія и тѣмъ самымъ, не мало привлекаютъ своихъ отцовъ и матерей къ церкви. Добрый бѣлорусскій народъ! Сколько потерпѣлъ ты отъ иновѣрцевъ, а между тѣмъ какъ живуче въ тебѣ родное православно-русское чувство! Итакъ, да не будетъ поставлено бездѣжанамъ въ вину ихъ прошлое. Не они виноваты въ томъ, что долгое время вліялись всякимъ вѣтромъ ученія. Вина тому заключается въ историческихъ обстоятельствахъ, какъ этого мѣстечка, такъ и всего сѣверо-западнаго русскаго края.

Говоря о Бездѣжѣ, нельзя не продолжать разсказа о древнемъ его училищѣ.

Дальнѣйшая судьба бездѣжскаго училища была различна. До 1832 года имъ завѣдывалъ виленскій университетъ. По закрытіи же университета, оно перешло въ вѣдѣніе бѣлорусскаго учебнаго округа, въ которомъ находилось до 1842 года. Въ 1842

году, съ поступленіемъ имѣнія Боздѣжъ въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, и училище перешло въ тоже вѣдомство. Наконецъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 11 день февраля 1867 года мнѣнія государственнаго совѣта о передачѣ сельскихъ училищъ изъ управленій государственными имуществами въ вѣдѣніе дирекцій народныхъ училищъ, училище бездѣжское перешло въ вѣдѣніе гродненской дирекціи народныхъ училищъ.

Сначала это училище было одноклассным, потомъ бѣлорусскій учебный округъ преобразовалъ его въ двухклассное училище, каковымъ оно было въ продолженіе 1841/42 учебнаго года, до поступленія его въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Впослѣдствіи гродненская палата государственныхъ имуществъ устроила его по образцу ланкастерскихъ школъ и назвала его училищемъ ланкастерскимъ, впрочемъ также не надолго, на два года. Это было въ 1843 и 1844 г. Съ 1845 г. оно стало называться приходскимъ училищемъ, по примѣру всѣхъ сельскихъ училищъ, вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, такъ называвшихся. Въ послѣднее время оно называлось просто сельскимъ училищемъ, а въ настоящемъ 1867 году— бездѣжскимъ народнымъ училищемъ.

Со времени открытія бездѣжской школы, обученіе происходило въ ней на основаніи особыхъ распоряженій и по руководству программъ, издаваемыхъ виленскимъ университетомъ. Программа университета была слѣдующая: законъ Божій, польскій языкъ, ариѳметика, географія, чистописаніе, правила житейскаго приличія (наука обычаевъ), сельское хозяйство, огородничество, пѣніе и музыка. Съ 1834 года по 1840 годъ включительно предметы обученія преподавались на основаніи устава министерства народнаго просвѣщенія, изданнаго въ 1834 году. Предметы обученія были слѣдующіе: законъ Божій, польскій языкъ, русскій языкъ, чтеніе по книгамъ церковной печати, чистописаніе, географія и ариѳметика. Съ этого года (1834) училищная отчетность, классные журналы и другія статьи училищнаго дѣлопроизводства начали вестись на русскомъ языкѣ. Съ 1841 по 1844 г. училищная программа, въ силу новыхъ распоряженій, является значительно расширенною. Въ составъ ея входили слѣдующіе предметы: законъ Божій (священная исторія и катихизисъ, (языки: русскій, польскій, латинскій, нѣмецкій и французскій, ариѳметика, географія и чистописаніе. Съ 1845 по 1853 годъ кругъ предметовъ обученія былъ еще пополненъ и образовалъ слѣдующую программу: законъ Божій (катихизисъ, свящ. исторія и объясненіе литургіи), пѣніе молитвъ и обѣдни, чтеніе: славянское, русское, польское, какъ по печатнымъ

книгамъ, такъ и по рукописямъ, языки: русскій, польскій, латинскій, нѣмецкій и французскій, ариѳметика: четыре правила простыхъ и именованныхъ чиселъ и употребленіе счетовъ, географія съ черченіемъ картъ, новѣйшая исторія съ хронологіей, чистописаніе съ правописаніемъ по диктовкѣ и музыка. Въ 1853 и 1854 г. преподавалось то же, съ тѣмъ только различіемъ, что музыка замѣнена была русскою исторіей, а классъ правописанія по диктовкѣ— урокомъ чистописанія и рисованія вмѣстѣ. Наконецъ, что касается хода науки въ беждѣжскомъ училищѣ въ послѣдующіе затѣмъ годы, до поступленія его въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ, то за недостаткомъ въ училищѣ документовъ по этому предмету, ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Должно сознаться, что дирекція приняла это училище не совсѣмъ въ удовлетворительномъ состояніи. Слабая грамота, письмо и кое-что изъ ариѳметики, вотъ все, чѣмъ пробавлялись въ послѣднее время въ этой школѣ. Училище бездѣжское, какъ и всѣ сельскія училища, будучи поставлено въ связи съ вопросомъ о казенныхъ крестьянахъ, какъ видно, испытало въ послѣднее время болѣзненный кризисъ. Можно надѣяться, что съ переходомъ его въ вѣдѣніе специальнаго учрежденія, для управленія народными училищами, ученіе и порядки въ немъ пойдутъ лучшіе.

Какъ бы то ни было, только изъ представленнаго нами обозрѣнія предметовъ обученія въ бездѣжской школѣ въ разное время, между прочимъ, видно, что со времени открытія училища 1824 по 1834 годъ ученіе въ немъ происходило исключительно на польскомъ языкѣ. Да иначе и быть не могло, такъ какъ учителями были лица римско-католическаго исповѣданія, польскаго происхожденія, не знавшіе ничего по русски. Хотя съ 1834 года и велено было обучать на русскомъ языкѣ, но такъ какъ наставниками оставались тѣже лица, то и порядки оставались прежніе. Одна только училищная отчетность, производившаяся на ломанномъ русскомъ языкѣ, свидѣтельствуетъ, что съ этого времени русскому языку дано было право гражданства въ школѣ. Въ 1845 году назначенъ былъ въ Бездѣжъ первый православный русскій наставникъ, но и онъ, отдавая дань стариннымъ порядкамъ, долженъ былъ хоть разъ въ недѣлю заниматься съ учениками по польски. Насилу ужъ въ 1857 году положенъ былъ конецъ польскому языку въ бездѣжскомъ училищѣ. Наставниками бездѣжскаго училища, въ продолженіе всего періода существованія его, были: Чераховскій, Гроховскій, Виторскій и Кояловичъ. Въ настоящее время наставникомъ училища въ Бездѣжѣ воспитанникъ низшаго отдѣленія литовской духовной семинаріи Пискановскій.

Средства содержанія училища всегда были незначительныя. До

1845 года училищу даваемо было готовое помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе, а наставнику 30 руб. жалованья въ годъ и отъ 3 до 5 бочекъ хлѣбнаго зерна изъ мірскаго магазина. При этомъ, въ давнія времена, если наставникъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ дворовымъ управленіемъ, то пользовался еще оттуда нѣкоторыми жизненными припасами. Съ 1845 г. всѣ статьи, относящіяся къ обезпеченію училища помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, остались тѣ же, но жалованье наставнику было прибавлено, именно ему отпускалось отъ 85 до 115 рублей въ годъ, смотря по количеству учащихся. Уплата наставнику производилась казначействомъ изъ общественнаго сбора. Въ послѣдніе годы изъ того же источника на содержаніе бездѣжскаго училища ежегодно отпускалось 174 рубля, изъ коихъ 100 руб. полагалось на жалованье наставнику, 30 руб. на содержаніе дома, 27 р. на учебныя пособія и 17 р. на уплату училищному сторожу.

Училище, какъ прежде сказано, сначала помѣщалось въ нарочно построенномъ для него, близъ костела, каменномъ домѣ. Домъ этотъ былъ вполнѣ удобенъ для училища; но такъ какъ при немъ не было училищнаго огорода, то одинъ изъ наставниковъ, семейный человѣкъ, просилъ люстрацію, при производствѣ ею размежеванія въ Бездѣжѣ въ 1858 году, дать училищу другое помѣщеніе, при которомъ былъ бы участокъ земли. Вслѣдствіе такого заявленія наставника, бездѣжское училище переведено было изъ своего стариннаго помѣщенія за 1/4 версты отъ церкви, въ другой домъ, деревянный, принадлежавшій прежде дворовому управленію, получивъ при этомъ въ надѣлъ имѣвшійся здѣсь же участокъ земли въ количествѣ 3/4 десятины. Домъ этотъ въ настоящее время крайне ветхъ, весь на подпоркахъ и угрожаетъ неминуемою опасностію, если не дадутъ училищу другаго помѣщенія. Прежній же училищный домъ, вслѣдствіе претензій на оный одного изъ бездѣжскихъ ксендзовъ, какъ на собственность костела, снова поступилъ въ вѣдѣніе римско-католическаго духовенства, которому и принадлежалъ до закрытія костела. Въ настояшее время онъ принадлежитъ православному бездѣжскому причту.

Въ прежнія времена въ бездѣжскомъ училищѣ обучались дѣти дворянъ, однодворцевъ и крестьянъ въ слѣдующей пропорціи: изъ 40 человѣкъ (среднимъ числомъ) учащихся было — 10 дворянъ, 8 однодворцевъ и 22 крестьянина. По училищнымъ документамъ значится, что здѣсь, сверхъ того, обучались и дѣвочки, но только дворянскія. Число ихъ, впрочемъ, было незначительно, отъ 7 до 10. Обученіемъ дѣвочекъ большею частію занимались жены наставниковъ.

Ѳ. Ставровичъ.

(Грод. Губ. Вѣд.)

Греки и Латиняне [1]).

Если церковь римская когда-нибудь открыто сознается предъ греками, что сохраненіемъ сvмвола она обязана имъ; то Марку Ефесскому достанется честь за то, что онъ не далъ грекамъ поколебаться въ этомъ. Во всей церковной исторіи, по крайней мѣрѣ въ исторіи, по крайней мѣрѣ въ исторіи вселенскихъ соборовъ, по всей вѣроятности, нѣтъ зрѣлища болѣе достойнаго вѣчной памяти—даже для потомковъ самыхъ латинянъ, какъ то зрѣлище, которое открылось нѣкогда на шестомъ феррарскомъ засѣданіи, когда убѣленный сѣдинами представитель послѣдняго, пережившаго всѣхъ прочихъ, Апостола [2]), выступилъ тамъ съ своею апологіей, и, лицемъ къ лицу съ своими противниками, сталъ раскрывать предъ ними, одно за другимъ, опредѣленія каждаго изъ прежде бывшихъ великихъ соборовъ,—опредѣленія подлинныя, истинныя, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ въ первый разъ были изречены и возвѣщены,—ктому еще, съ толкованіемъ на нихъ тѣхъ великихъ святыхъ, которые участвовали въ составленіи ихъ, и слѣдовательно съ толкованіемъ, за которое ручалась съ тѣхъ поръ цѣлая церковь. Да, понятно теперь, отъ чего при чтеніи этихъ документовъ такой трепетъ объялъ всѣхъ латинянъ. Понятно теперь, отъ чего и въ средѣ избранныхъ латинянъ и добродѣтельныхъ иноковъ, по временамъ, стали слышаться восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ: *„мы и не знали и не слыхали того до сихъ поръ; да и наши учители никогда насъ тому не учили! Теперь мы видимъ, что у грековъ больше точности въ ихъ ученіи, чѣмъ у насъ.“* (стр. 434). Чтобы убѣдиться въ буквальной истинѣ этихъ двухъ замѣчаній — стоитъ только обратиться къ латинскимъ актамъ. *Латинскіе*, а не греческіе, акты, по волѣ Провидѣнія, заключаютъ въ себѣ неопровержимыя доказательства или образчики того, чему до тѣхъ поръ „учили ихъ собственные ихъ учители“: изъ нихъ-то мы и видимъ, что онѣ далеко расходятся съ тѣми первоначальными и подлинными документами, которые, во свидѣтельство истины, принесены были греческими старцами. Въ эту-то именно минуту и блеснулъ лучь свѣта на христіанскую Европу,—и въ долготу и въ широту ея! Въ эту-то минуту и положено начало очищенію ея отъ лжи Рима!

И такъ, на основаніи чистѣйшихъ фактовъ, можно и должно сказать, что,—не будь грековъ,—и вся церковь западная

[1]) Статья вторая.

[2]) Т. е. Маркъ, преемникъ св. Іоанна Богослова на каѳедрѣ Ефесской.

впала бы въ формальную ересь, и оставалась бы въ ней въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; прибавимъ къ тому еще, что если съ тѣхъ поръ и послѣдовалъ какой-либо актъ очищенія или исправленія въ западной церкви, то ужь, конечно, главнымъ образомъ—по милости тѣхъ же грековъ. По своей непоколебимости въ вѣрѣ, они сдѣлались спасителями христіанства. Большую часть изъ насъ научили смотрѣть на грековъ, какъ на схизматиковъ, если не какъ на еретиковъ; даже Гиббонъ такъ говоритъ объ нихъ: „греки стояли неподвижно; или если и шли, то шли не впередъ, а назадъ, тогда какъ латиняне двигались быстро и прогрессивно“ (с. LXVI). Но Гиббонъ тутъ имѣлъ въ виду прогрессъ въ дѣлахъ земныхъ, а не религію. Мнѣ же думается, что если бы греки *не* остановились на одномъ мѣстѣ, то истинно трудно,—трудно сказать, куда бы насъ этой порой завела и гдѣ бы насъ высадила латинская небрежность (къ дѣлу вѣры), сочетавшаяся съ невѣжествомъ. Если согласіе папы, не смотря на вѣковую оппозицію грековъ, могло наконецъ быть исторгнуто,—и ктому еще подъ ложными предлогами,—на рѣшительное измѣненіе въ символѣ вѣры,—въ первый разъ учиненное по повелѣнію короля, только что отрекшагося отъ ереси,—и потомъ снова подтвержденное другою вѣнчанною главою,—явно вопреки ученію вселенскаго собора, состоявшагося въ его (Карла) царствованіе;—если согласіе одной части церкви,—на столь многіе вѣки,—и такъ не отмѣнимо, такъ невозвратимо,—могло послѣдовать на *его* (короля) ученіе, отъявленно противоположное тому ученію, которое содержала доселѣ вся церковь и которое положительно основывается на словахъ самаго Господа; если дѣеписанія минувшихъ дней могли быть наводнены такою подложною, поддѣльною литературою, извратившею въ такой страшной степени ихъ подлинный смыслъ и значеніе, если христіанскіе епископы могли такъ далеко отступить,—въ чемъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія,—отъ первоначальнаго своего образца (type), и дѣйствительно отступили, согласившись сдѣлаться феодальными лордами, полководцами, бойцами и кровопролитцами,—если все это могло быть,—какъ и дѣйствительно, *дѣйствительно* было, явно въ слѣдствіе нашего быстраго движенія (quick march) на западѣ: то истинно,—*не будь тутъ грековъ съ ихъ неподвижностію*, трудно сказать,—разумѣется, говоря по человѣчески, какихъ *развитій* не могло бы послѣдовать въ христіанской церкви,—крестовые походы тому доказательствомъ), рѣшительно извращающихъ всѣ тѣ цѣли, для которыхъ эта церковь поставлена воинствовать на землѣ. Кто можетъ отрицать, что мы сами пришли къ этому заключенію уже послѣ того, какъ пошли „слишкомъ скоро“—Кто можетъ отрицать, что нашъ прогрессъ въ церковныхъ дѣлахъ, въ продолженіе послѣднихъ трехъ столѣтій, въ самомъ дѣлѣ совершался въ обратномъ направленіи, ретроградно, т. е. не впередъ, а на-

задъ,—иначе сказать: въ направленіи отъ того, чѣмъ были наши предки во Флоренціи, *къ тому*, чѣмъ были *тогда* греки, чѣмъ всегда они были и чѣмъ доселѣ остаются? Время показало и доказало, что они буквально, даже и въ худшіе ихъ дни, были для церкви чѣмъ-то въ родѣ Echeneis [1]); что они дружественнѣе расположены къ папѣ, чѣмъ собственная его партія; что они вѣрнѣе остались вѣрѣ, чѣмъ тѣ, которые клеймили ихъ именемъ еретиковъ; что они наилучшіе, наипреданнѣйшіе друзья христіанства, Европы, вообще человѣчества,—друзья, оставшіеся имъ вѣрными даже до смерти и въ смерти. И вотъ чѣмъ мы имъ заплатили! Эти свободнѣйшіе, благороднѣйшіе, благотворительнѣйшіе представители нашего братства четыре вѣка находятся въ страшномъ рабствѣ у такого племени, которое, сколько извѣстно изъ исторіи, никогда, никому никакого не сдѣлало добра;—въ рабство это повержены они отнюдь не по своей винѣ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе упрямаго нрава и неблагороднаго поведенія нашихъ предковъ! И мы, составляющіе собою остальную часть христіанскаго міра, такъ много обязаннаго имъ своей цивилизаціей, все это время продолжаемъ быть нѣмыми зрителями ихъ рабства! Совершенно равнодушные къ ихъ положенію, мы даже и теперь довольствуемся только тѣмъ, что выпрашиваемъ имъ у ихъ обезсиленнаго и обезсилѣвшаго властителя какія-то *бумажныя привилегіи;* о помощи же имъ,—словомъ ли то или дѣломъ, о помощи имъ именно въ дѣлѣ ихъ попытокъ возвратить себѣ снова свободу—и думать не хотимъ; если же и думаемъ, то опять для того только, чтобы сохранить какое-то *политическое равновѣсіе.*

Но Греція имѣетъ болѣе вѣрнаго друга въ Богѣ, чѣмъ въ человѣкѣ; она была Его орудіемъ для просвѣщенія міра не только въ христіанскія, но и языческія времена,—и дважды была попираема во время исполненія этого высокаго своего призванія, но только къ наибольшему торжеству своему. Она пала, но мы доселѣ движимся ея духомъ. Однако не замедлитъ она возстать,—и стать на свой пьедесталъ въ сіяніи славы;—и возстанетъ она, просто, силою одной истины! И Богъ при посредствѣ ея, явитъ тогда міру силу христіанства, и снова оживотворитъ цѣлые народы и каждаго изъ вѣрующихъ въ Него. Преданность Греціи вѣрѣ больше, чѣмъ все прочее, довела ее до рабства; и таже преданность вѣрѣ въ два раза больше, чѣмъ все прочее, поможетъ ей возвратить свободу. „Греческая церковь, писалъ деканъ Станлей въ 1861 году [1]), собственно такъ называемая *церковь* заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ широко и далеко раскинувшееся племя, которое говоритъ грече-

[1]) Ἐχενηΐς (ἔχω ναῦς); piscis minutissimus, qui naves retinet. Т. е. полагали, что эта рыба останавливаетъ корабли. *Пер.*

[1]) Eastern church, Lect. t.

скимъ языкомъ на самыхъ дальнихъ къ югу аванпостахъ, въ пустыняхъ горы Синая, по всѣмъ островамъ и берегамъ Леванта, и на Архипелагѣ, и имѣетъ свое средоточіе въ Греціи и Константинополѣ. Она представляетъ намъ, не смотря на обветшавшую и униженную наружность (corrupted etc. degraded form), древній, славный, всѣхъ и все вдохновляющій народъ,—народъ, населявшій Аѳины, Ѳивы и Спарту. *Только при посредствѣ своей вѣры народъ этотъ остался живъ въ продолженіи четырехъ вѣковъ рабства.* Не энтузіастъ какой-либо—юный филэллинъ, а сѣдовласый Германъ, архіепископъ Патраса, поднялъ знамя свободы и независимости: ему принадлежитъ честь перваго поборника той свободы, за которую и въ нашей странѣ такъ горячо стояло нѣкогда минувшее наше поколѣніе, и къ которой такъ равнодушно настоящее наше поколѣніе? Да, мы *были* равнодушны; мы искали только собственныхъ нашихъ цѣлей, и мало, мало думали съ той поры о бѣдныхъ грекахъ; но, такъ или иначе, міръ все оставался на ихъ сторонѣ. Толкуютъ теперь о „народахъ" и „національностяхъ:" въ пользу какого же народа и какой національности всего естественнѣе и ближе слышаться и раздаваться этимъ возгласамъ? Конечно, какъ водится, charity begins at home (любовь къ ближнему начинается съ домашнихъ нашихъ); но вѣдь есть и правосудіе,—и оно-то не замедлитъ объявить свои права. *Германцы и итальянцы!* Да кому они главнымъ образомъ раболѣпно служили, какъ *не своей собственной плоти и крови?* И что такое они, да и всѣ мы,—всѣ,—въ буквальномъ смыслѣ, какъ не новички, не выскочки, какъ не похитители чужой мысли и слова, чужаго ума и добра (plagiarists), въ сравненіи съ евреями и греками? По волѣ Провидѣнія, они были первоначальными благодѣтелями человѣка; имъ, т. е. и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, мы обязаны и нашей цивилизаціей и нашей вѣрой; и они-то именно, больше всѣхъ прочихъ народовъ, даже несравнимо больше, пострадали, какъ будто наивеличайшіе изверги и какъ наивеличайшіе мученики. Каковы бы ни были грѣхи ихъ предъ Богомъ, намъ должно помнить, что они сдѣлали больше добра человѣчеству, чѣмъ всѣ остальные народы, взятые вмѣстѣ. Владѣтель, занимающій ихъ страну и землю, доселѣ ничего ни сдѣлалъ для человѣка, кромѣ зла; и все однакожъ, говорятъ, нѣтъ нужды изгонять его! Всего лучше было-бы для него обмѣняться съ ними своимъ положеніемъ, т. е. продолжать свое существованіе подъ властію ихъ христіанскаго правительства и быть подданнымъ ихъ. Греки умѣли цивилизовать и болѣе грубыя и болѣе упрямыя натуры, чѣмъ натура ихъ нынѣшнихъ поработителей. Что же до іудеевъ, то они, обратившись ко Христу,—а они конечно обратятся къ Нему,—ибо *вѣренъ Богъ*,—они, говорю, будутъ ихъ наилучшими помощниками въ дѣлѣ новаго населенія и новаго просвѣщенія Востока. Что касается до

внѣшней судьбы сихъ послѣднихъ, то, быть можетъ, всего лучше оставить ее въ рукахъ Божіихъ; ибо это былъ нѣкогда по преимуществу *народъ Божій*. Но греки, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались народомъ, въ эмфатическомъ смыслѣ, были „man's people" (народомъ—человѣкомъ) [1], и непрестанно трудились для блага человѣчества: о томъ свидѣтельствуютъ и памятники и книги,—и свидѣтельствуютъ объ этомъ три или четыре тысячи лѣтъ. Неужели мы вѣчно будемъ испаряться только въ пустословіи о правахъ народовъ, а на самомъ дѣлѣ оставаться равнодушными къ унизительному положенію подобнаго племени, — то подъ предлогомъ, что четырехвѣковое порабощеніе оставило на немъ свои замѣтные слѣды, то потому, что мы не увѣрены, въ какой мѣрѣ возрожденіе Востока, совершенное не *нашими* руками и не *на нашъ* ладъ, можетъ въ послѣдствіи оказаться для *насъ* благотворнымъ? Въ частной жизни, кто поступилъ бы подобнымъ образомъ, т. е. также апатически, съ своимъ давнишнимъ благодѣтелемъ, поставленнымъ въ подобное безпомощное положеніе, тотъ давно утратилъ бы свое мѣсто въ обществѣ и былъ бы наказанъ всеобщимъ презрѣніемъ. Сколько еще времени потребуется для Европы, чтобы отрѣшиться отъ того демона древняго Рима, который ее обдержитъ? Латины ли мы или тевтонцы, протестанты или римскіе католики,—не всѣ ли мы одинаково должны сдѣлать удовлетвореніе человѣчеству—христіанство оставимъ пока въ сторонѣ—за грѣхи нашихъ предковъ, за пагубныя дѣйствія ихъ неразумной, извращенной ревнивости? Когда распадался Востокъ, то въ распаденіи его, — въ то или другое время, такъ или иначе, участвовала вся, или почти вся, Европа.

Съ чистыми руками остались только двѣ державы,—Россія и Америка. Но последняя изъ нихъ живетъ отъ насъ далеко, и живетъ въ собственномъ своемъ мірѣ, хотя она скоро, если бы захотѣла, могла бы заставить слушать себя весь свѣтъ. На мѣстѣ же здѣсь передъ нами одна Россія, хотя она находится и въ Америкѣ, и въ Европѣ, и въ Азіи. Между Греціей и Россіей столько средства, что не видѣть или не желать его видѣть было бы просто безуміемъ со стороны не только церковнаго историка, но и всякаго, у кого есть глаза. „Если восточное христіанство связуется съ прошедшимъ," говоритъ тотъ-же деканъ Станлей и въ томъ же чтеніи, „при посредствѣ своихъ азіатскихъ и греческихъ преданій; то сомнѣнія нѣтъ,

[1]) Сравни извѣстный адресъ Гладстона, въ которомъ онъ говоритъ о „мѣстѣ древней Греціи, по опредѣленію Провидѣнія, занимаемомъ ею въ мірѣ;" также снесите хорошо обдуманную статью по этому поводу въ журналѣ „Month," за январь 1866, гдѣ прямо сказано: „*Греція всегда будетъ учительницею міра.*"

что союзъ единенія его съ настоящимъ и будущимъ держится при посредствѣ одного величайшаго изъ славянскихъ народовъ, владѣнія котораго простираются на весь Востокъ Европы, на весь Сѣверъ Азіи и на обширную полосу Западной Америки. Если Константинополь служитъ мѣстнымъ центромъ Восточной церкви: то личной его главой, въ продолженіи четырехъ вѣковъ, былъ и есть великій властитель,—то подъ именемъ великаго князя, то подъ именемъ царя, то подъ именемъ императора,— царствовавшій въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Но въ слѣдствіе только близости географическаго положенія, но еще въ слѣдствіе особаго дара подражанія, которымъ надѣлено славянское племя, россійская церковь служитъ настоящею представительницею древней императорской церкви Константина (равноапостольнаго). Славянскій алфавитъ тоже, что греческій алфавитъ. Русскія имена у императора, у святыхъ, равно какъ и у всякаго крестьянина, взяты съ греческаго. Священныя древнія зданія на Востокѣ, измѣнившіяся тамъ въ слѣдствіе разныхъ новѣйшихъ нововведеній, хранятся здѣсь въ точныхъ моделяхъ, принесенныхъ сюда русскими пилигримами [3]). Равно обычаи и чувства, утратившіяся въ Греціи и Сиріи, могутъ еще быть открыты въ церквахъ и монастыряхъ Сѣвера? Кто-жъ можетъ быть такъ слѣпъ, чтобы не видѣть, что дѣло ихъ (грековъ и русскихъ) есть дѣло общее? Таже вѣра, которая спасла грековъ, какъ народъ, отъ истребленія или уничтоженія, сдѣлала изъ Россіи колосальную державу. И Россія сознаетъ и чувствуетъ, что она получила эту вѣру отъ Греціи. Далѣе, Россія есть прямая наслѣдница Палеологовъ,— наслѣдница послѣдняго изъ византійскихъ императоровъ, дочь (племянница) котораго Софія была супругою Іоанна III, и раздѣлала съ нимъ престолъ его. Двуглавый орелъ [4]) въ гербѣ Его Величества Александра II прямо провозглашаетъ Его живымъ представителемъ Греческой Имперіи.

Гдѣ, въ исторіи какого народа, можно было бы найти союзъ, болѣе крѣпкій, болѣе естественный, болѣе историческій, чѣмъ союзъ, связующій Россію съ Греціей? Можетъ ли кто-нибудь отрицать, можетъ ли кто-нибудь *не* сказать, что *Россія и Греція находятся въ положеніи лицъ, обрученныхъ другъ съ другомъ,—обрученныхъ по обряду церкви,—и обрученныхъ уже давно?* И Европѣ ли воспящать этотъ союзъ? Европѣ ли возбранять это бракосочетаніе, такъ долго отлагаемое? Если-жъ она вва-

---

[3]) Деканъ Станлей въ особенности восхищенъ былъ нѣкогда Воскресенскимъ („Новый Іерусалимъ" называемымъ) монастыремъ. И теперь онъ съ любовію разсказываетъ объ этомъ путешествіи. *Перевод.*

[4]) См. Mouravieff, note 43 to p. 84.

жется въ это дѣло, то разыграетъ только роль „собаки на сѣнѣ,“—и покажетъ, что она и доселѣ латинствуетъ, какъ нельзя больше. Если мы сами дѣйствительно цивилизованы, а не дикари въ бараньей шкурѣ, то не естественнѣе ли всего на свѣтѣ желать, чтобы Востокъ снова явился цивилизованнымъ? И можетъ ли кто-либо изъ людей способныхъ разсуждать,—будетъ ли то французъ, нѣмецъ, итальянецъ, испанецъ или англичанинъ,—можетъ ли, говорю, положа руку на сердце, сказать, что онъ по совѣсти думаетъ, будто, кромѣ Греціи и Россіи, есть другая какая-либо страна или земля (іудеевъ мы оставляемъ въ сторонѣ), которая имѣла бы право питать хотя малѣйшую надежду снова ввести цивилизацію на Востокѣ? Не долженъ ли всякій изъ насъ сказать, что съ наибольшею вѣроятностію дѣло цивилизаціи Востока могутъ совершить именно Греція и Россія, — и именно соединенными силами? Во всякомъ случаѣ, оставьте ихъ въ покоѣ и дайте имъ самимъ рѣшить этотъ вопросъ, и если Греція скажетъ „да“, пусть Европа не говоритъ „нѣтъ“. Мы—западные ужъ истинно никакъ не можемъ тѣшить себя тою нелѣпою мыслію, будто и мы можемъ обращаться съ Востокомъ также хорошо, какъ и тѣ, которые,—и по географическому своему положенію, и по сродству своему съ нимъ,—по сродству всякаго рода,—по сродству въ племенномъ происхожденіи, въ нравахъ, обычаяхъ, вѣрѣ и т. д., сами составляютъ собою какой-то полувосточный народъ. Если ужъ нужно намъ дѣлать дѣло цивилизаціи, то вотъ передъ нами цѣлый обширный материкъ Африки, почти въ первобытномъ его состояніи, съ непочатыми его богатствами. Вмѣсто того, чтобы вмѣшиваться здѣсь въ дѣла Востока изъ побужденій себялюбія, своекорыстія и зависти, т. е. вмѣшиваться тамъ, гдѣ мы можемъ только вредить успѣху дѣла,—перестанемъ хоть разъ, хоть на сей разъ, быть латинянами, и въ духѣ истинной филантропіи порадуемся, что есть люди, которые и могутъ сдѣлать и сдѣлаютъ то, что нужно для Востока, если мы только оставимъ ихъ въ покоѣ. Тотъ, кто бы могъ поднять руку, чтобы написать, и голосъ, чтобы сказать, что нужно бы было еще годокъ продержать Востокъ въ настоящемъ его варварствѣ,—и продержать тогда, когда предстоитъ возможность дать ему свободу, тотъ, говорю, самъ хуже тѣхъ варваровъ („barbarians“,) которые населяютъ Востокъ. Я искренно вѣрю, что между нами такихъ людей не найдется,—не найдется, если только этотъ вопросъ они освѣтятъ надлежащимъ его свѣтомъ, и, отрѣшивши свое сердце отъ зависти, ненависти, зложелательства и всякаго небратолюбія, размыслятъ о томъ, какъ много выиграетъ тогда вообще все человѣчество, и какъ далеко и широко распространится тогда благотворное вліяніе цивилизаціи.

Правда, очень статочное дѣло, что, можетъ быть, гдѣ-

нибудь кроется и другая причина, почему Россія не объявляетъ своихъ правъ съ полною нравственною самоувѣренностію; очень можетъ быть, она опасается, чтобъ одновременно съ ея заявленіями не послышались ропотныя жалобы Польши,—этой неминуемо вездѣ встрѣчающейся Польши. Но обаяніе Польши до тѣхъ только поръ можетъ простирать свое вліяніе на общественную совѣсть Европы, въ отношеніи къ Россіи, пока всѣ мы будемъ забывать то, что такъ графически описано деканомъ Станлеемъ [1]), а именно, что въ семнадцатомъ столѣтіи Польша не на шутку пыталась *раздѣлить* Россію [2]) и низпровергнуть россійскую (православную) церковь. Россія однакожъ въ состояніи оказаться великодушною и забыть прошедшее; во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ она весьма значительно обязала всю Европу, какъ другъ порядка и прогресса, что едвали кто будетъ отрицать. Пусть же Россія попытается сдѣлать для Польши то, что Австрія дѣлаетъ для Венгріи (и чего не дѣлаетъ для славянъ), или еще болѣе [1]); тогда навѣрное, незамѣтно умалится и утратится число тѣхъ, которые желали бы пріостановить ходъ событій, по видимому, предначертанный для насъ всѣхъ самой исторіей. Греція создала Россію, сдѣлавши ее христіанскою землею; а Россія, повидимому, имѣетъ предъопредѣленіе возсоздать Грецію, посредствомъ возстановленія ея,—не только въ предѣлы тѣхъ матеріальныхъ владѣній, которыя нѣкогда принадлежали ей, но и посредствомъ возведенія ея на тотъ пьедесталъ, на которомъ она должна стоять среди народовъ, какъ *добрый ихъ геній, какъ проводникъ всякаго рода цивилизаціи, какая только, по волѣ Божіей, можетъ быть доступна человѣку.* Россія, сочетавшись съ Греціей, мало по малу испытала бы на себѣ тѣже превращенія (transformation), которыя мы испытываемъ и въ частной жизни, находясь подъ вліяніемъ болѣе нѣжныхъ впечатлѣній. Россія—въ Константинополѣ не была бы болѣе прежней „Россіей", но не была бы и „Новымъ Римомъ", а сдѣлалась бы „Новой Греціей!"

Перевелъ *Протоіерей Евгеній Поповъ.*

31 мая ст. ст. 1867.

---

[4]) Lect. X.

[5]) Не только раздѣлить, но и поглотить, поработить, передѣлать. *Ред.*

[6]) Опытъ былъ сдѣланъ, — и не разъ, однако остался безъ успѣха; кажется, нѣтъ нужды еще пробовать его. *Ред.*

ЗНАЧЕНІЕ РУССКИХЪ ОБЛАСТЕЙ
ВЪ СТАРОЙ ПОЛЬШѢ.

Могущество польскаго государства въ XV и XVI вѣкѣ обязано быстрымъ своимъ возрастаніемъ наслѣдственнымъ королямъ литовско-русскаго происхожденія. Литовскою Русью заслонила себя Польша отъ московскаго царства, а кіевскою и галицою—отъ мусульманскаго міра. Когда турки подчинили себѣ Молдавію, одною изъ важнѣйшихъ задачъ польской политики сдѣлалось обращеніе этой страны въ „щитъ или стѣну„ между Рѣчью Посполитою и турецкими владѣніями. Но подъ конецъ жизни послѣдняго изъ Ягеллоновъ, короля Сигизмунда Августа, польская политика потеряла единство стремленій. Ослабѣвшій физически и нравственно король предоставлялъ такимъ людямъ, какъ извѣстный Юрій Мнишекъ, обращать въ свою пользу государственные имущества и доходы посредствомъ придворныхъ стачекъ. Магнаты, менѣе жадные или менѣе счастливые въ интригахъ, довольствовались неограниченнымъ властвованіемъ въ своихъ вотчинахъ и мѣстечкахъ. Мало заботясь о судьбѣ государства, они наслаждались покоемъ собственно польскихъ областей. Однѣ только русскія окраины Польши думали о ея защитѣ и отражали напоръ сосѣднихъ государствъ. Здѣсь, рядомъ съ панами, владѣвшими обширными имѣніями искони, выросли новые паны средней руки, и они-то были главными представителями политики, расходившейся съ лукавою политикой королевскихъ совѣтниковъ и вялымъ эгоизмомъ центральныхъ землевладѣльцевъ.

Самая горячая дѣятельность обнаруживалась въ то время въ восточной Галиціи и въ Подоліи. Чѣмъ впослѣдствіи сдѣлалась для борьбы христіанскаго міра съ татарско-турецкою силой *Украина* обѣихъ сторонъ Днѣпра, тѣмъ сперва была такъназываемая въ Польшѣ *Русь*. (Прочія русскія области назывались у поляковъ *Литвою*). Козачество, утвердившееся потомъ на Запорожьѣ и втянувшее въ себя всѣ революціонные элементы старой Польши, во времена Сигизмунда Августа сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ подольской Руси, а поддерживалось походами за Днѣстръ въ помощь молдавскимъ господарямъ, тянувшимъ къ Рѣчи Посполитой, или противъ такихъ, которые тянули къ Турціи.

Одни изъ пограничныхъ русскихъ пановъ ходили за Днѣстръ безъ дальнихъ замысловъ, изъ любви къ „козакованью", но нѣкоторымъ изъ нихъ постоянно грезилось „господарское знамя молдавское." Это знамя обыкновенно присылалъ султанъ тому, кого, по волѣ или по неволѣ, признавалъ господаремъ въ Молдавіи. Пограничные паны, подобно извѣстному въ исторіи Димитрію Вишневецкому (пѣсенный козакъ Байда) и запорож-

цу Подковѣ, часто дѣлали попытки, стоившія жизни тому и другому. Все это былъ народъ отчаянный. Въ случаѣ ссоры за походъ съ королемъ, у котораго, какъ говорилось, мечъ былъ длиненъ, мелкія личности готовы были спасаться бѣгствомъ на Запорожье и, бросивъ свои дворянскіе гербы, совершенно окозачиться, а другіе разсчитывали на помощь могущественныхъ пріятелей, которымъ было за обычай „отводить силою право.“

Кромѣ необузданнаго своеволія, характеризовавшаго польское и польско-русское дворянство уже и въ то время, произвольныя дѣйствія пограничныхъ пановъ объясняются еще ихъ сознаніемъ независимости въ государствѣ, именуемомъ Рѣчью Посполитою.

Польская Рѣчь Посполитая была государствомъ только по имени. Въ сущности она представляла собраніе областей, повѣтовъ и отдѣльныхъ панскихъ волостей“ (włości), дотого мало централизованное, что каждый польскій панъ поступалъ, какъ самостоятельный государь. По смерти Сигизмунда Августа, свобода дѣйствій развилась у пановъ до такой степени, что на избирательныхъ съѣздахъ, послѣ бѣгства во Францію короля Генриха-Валуа, они предлагали вовсе не избирать новаго короля, а управлять государствомъ посредствомъ намѣстниковъ [1]).

Если, такимъ образомъ, каждый магнатъ преслѣдовалъ свои отдѣльныя выгоды, не обращая вниманія на интересы общіе, то тѣмъ болѣе подобная политика имѣла мѣсто въ областяхъ, которыя подчинялись особымъ условіямъ своего положенія. Собственно такъ-называемая тогда Польша, защищенная отъ татаръ и турокъ русскими областями, не видѣла ни необходимости, ни пользы въ военныхъ предпріятіяхъ. Все свое вниманіе обращала она на устройство доходныхъ имѣній и на политику, посредствомъ которой надѣялась достигнуть постояннаго мира, а политика эта опиралась на условленной дани турецкому султану и крымскому хану, подъ названіемъ *подарковъ*. Героическій вѣкъ миновалъ для нея. Напротивъ, окраины государства, съ *треми пустынями* между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ [2]) переживали еще ту пору, которая у каждаго народа предшествуетъ высшему развитію культуры. Здѣсь

---

[1]) Fredro, Dzieje narodu Polskiego, 88.

[2]) Папроцкій, въ концѣ книги своей: Panosza to iest wysłowienie panow y paniąt ziem Ruskich y Podolskich, оставляющей нынѣ библіографическую рѣдкость, въ качествѣ сторонника пановъ русскихъ, говоритъ:

.......iednoż ty pokoie
Widzę was rozebrały na rzemiosła swoie,

никакой доходъ не получался безъ участія оружія, или, выражаясь словами современнаго поэта, „сабля приносила больше барышей, нежели хозяйство.“ Здѣсь равнодушно относились ко всему, что не давало боевой славы, и были убѣждены, что только посредствомъ войны можно было достигнуть прочнаго мира [3]).

Съ каждымъ годомъ подвигались русскіе землевладѣльцы все далѣе и далѣе въ три великія пустыни, оспариваемыя у христіанъ мусульманами, и, мечтая о рыцарской славѣ, съ пренебреженіемъ оглядывались на жителей внутреннихъ областей королевства, которые мирныя занятія предпочитали кипѣвшей на пограничьѣ войнѣ. Другими словами: русскія земли, изъ которыхъ происходили всѣ коронные гетманы польскіе, присяжные хранители границъ Рѣчи Посполитой, не только служили для Польши щитомъ отъ татаръ и турокъ,—онѣ давали ей людей, которые одни поддерживали въ польскомъ обществѣ мужественную простоту жизни, героизмъ и самопожертвованіе—условія независимости каждаго государства. Эта мысль была заявлена, съ замѣчательнымъ энтузіазмомъ, въ тогдашней польской литературѣ, извѣстнымъ геральдикомъ Папроцкимъ въ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1575 году, подъ заглавіемъ: *Къ полякамъ.*

„Не думайте“, говоритъ въ этомъ стихотвореніи папроцкій, „что я льщу русскимъ: я недавно еще живу между ними, и не съ ними воспитывался; но я тотчасъ оцѣнилъ ихъ славныя дѣла, заслуживающія вѣчной памяти въ потомствѣ. Не одинъ

Bo wam miley o wolech na staniu rokować,
Aniż wieczney sławie potomkom wotować.
A starać się o pokoy sobie wiekuisty
S Tatary a Turki szablą ia radzę nie listy.

Въ томъ же смыслѣ высказался о польской шляхтѣ и современный поэтъ Янъ Кохановскій, ставя ее въ противуположность съ русскою:

Nie masz dziś w Polsce iedno kupcya rataje.
To największe misterstwo, kto do Brzegu z woły,
A do Gdańska wie drogę z żytem a z popioły.
Na Podolu go nie patrz, bo między Tatary
Szablu więcej popłaca, niż lesne towary.

[3]) Такъ обозначенъ юго-востокъ Польскаго королевства въ мирномъ договорѣ съ турками 1575 года (Fredro, „Dz. nar. Polsk.“ 133). Надобно думать, что одною пустыней считались не заселенныя пространства за Бѣлою Церковью (о которыхъ говорится въ „Volumina Legum“), другою—низовья Днѣпра, а третьею—междурѣчье за Брацлавомъ.

разъ въ году эти достойные люди преслѣдуютъ татаръ и подвергаются опасностямъ войны. Какъ мужественные львы, охраняютъ они все христіанство; почти каждаго изъ нихъ можно назвать Гекторомъ. Не имѣя отъ васъ никакой помощи, они доставляютъ вамъ такое спокойствіе, какъ откармливаемымъ воламъ. А вы, считая себя выше ихъ, выпрашиваете себѣ въ этихъ областяхъ имѣнія. Вы бы сами удѣлили имъ отъ своихъ избытковъ, за то, что, по ихъ милости, наслаждаетесь такою безопасностію. Явите-ка *вы* здѣсь достойныя дѣла, какія совершаютъ безпрестанно эти, можно сказать, святые люди. Кто въ наше время превзошелъ въ чемъ бы то ни было русака [4])? Пошлите его въ посольствѣ — онъ исполнитъ посольство лучше, нежели вы съумѣете ему приказать. Между русаками ищи полководца и хорошаго воина. Они съ неудовольствіемъ смотрятъ на совѣщанія о мирѣ. И лучшаго коня, и лучшаго всадника добудешь на Руси. Даже вашъ матушъ [5]) дѣлается здѣсь другимъ человѣкомъ. Изъ матуша выходитъ здѣсь добрый воинъ, а панскій вашъ сынокъ превращается на Руси въ ротмистра или храбраго рыцаря. Но вы то сами чѣмъ заслужили пожалованіе вамъ имѣній въ этомъ краѣ? Видали-ли вы обнаженный противъ себя мечъ—не среди улицы [6]), а въ какой-нибудь знаменитой битвѣ? Выслушайте же мое мнѣніе. Неприлично мудрому домогаться чужаго; негодится богатому пренебрегать убогимъ. У подолянъ не различишь, кто панъ, а кто слуга; нѣтъ у нихъ и на грошъ гордости. Не носятъ они пестрыхъ одеждъ; они покрыты славою, которая дороже вашихъ нарядовъ. Слава этого народа распространена всюду, и останется за нимъ во вѣки вѣчные, *хотя бы Польша и погибла.* Что дѣлалъ Геркулесъ, побивавшій гидръ и щадившій земныхъ боговъ, то на Руси съумѣетъ сдѣлать каждый. Сампсонъ разодралъ челюсти льву: подобные подвиги въ наше время русаку за обычай. Могущественный турокъ разинулъ на насъ пасть—и храбрые русаки не разъ тыкали въ нее руку. Устремился бы онъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Польшу, но останавливаетъ его русская сила. Бросаются русскіе въ пропасть войны, пренебрегая опасностями, и когда совершатъ что-нибудь полезное—всѣмъ вамъ прибываетъ отъ того славы. Будьте же довольны славой, которую они вамъ пріобрѣтаютъ, нужды нѣтъ, что васъ нѣтъ между ними въ по-

---

[4]) Современные польскіе лѣтописцы, такъ же какъ и Папроцкій, называли тогда южноруссовъ Rusacy (русаки).

[5]) Матушъ—шуточное названіе польскаго простолюдина.

[6]) Т. е. въ шляхетскихъ дракахъ и поединкахъ.

ходахъ; не посягайте на русскія имущества, если всякій разъ, когда надо воевать, вы сидите гдѣ-то въ лѣсу" [7]).

Кромѣ осѣдлыхъ дворянъ, изъ которыхъ каждый, при всякой тревогѣ, превращался въ воина, на Подольѣ стояла еще пограничная стража, состоявшая изъ молодежи не обремененной семейными заботами, или изъ холостяковъ и вдовцовъ, не расположенныхъ къ женитьбѣ. Эта стража была не что иное, какъ домашніе козаки-дворяне, которые относились къ козакамъ

---

7) Panosza etc. Ради рѣдкости этой книги, приводимъ здѣсь подлинные стихи Папроцкаго:

Do Polakow.

. . . .
A nie chcieycie rozumieć bym im pochlebował,
Nie dawnomci w tym kraiu, nie z nimi się chował,
Alem zaraz zrozumiał sprawy ich poczciwe,
Ktore godne nawieki, aby były żywe.
Wiedz że nie raz do roku tych onych ludzi ręce
Uganiaiąc pogany iż bywaią w męce.
Bronią wszystkich Krzescian iako mężne lwowie,
Owa mało nie wszystko tam z nich Hektorowie.
Od was żadney pomocy do tego nie maią.
Tak was iak karmne woły w pokoiu chowaią.
A wy nad nie czyniąc się ieszcze godniejszemi,
Upraszacie w tych panstwach imiona godnemi,
Kędybyscie im mieli snadź udzielić swego,
Używaiąc tak wczasu pokoiu wielkiego.
Okażcież wy swe sprawy tu godne pamięci,
Jakie ci zawsze czynią ludzie prawie swięci.
Ja nie mogąc zataić czo widzę na oko,
Ukażę wam ich sprawy chociaż nie szyroko.
Ktoby mi chciał naganić, nie może prawdziwie,
Chyba im tego zayrząc mowić zazdrosciwie.
A ktoż okrom Rusaka co lepszego sprawił;
Bo żeby się dzisich lał thakowy wyiawił.
Poslicie go w poselstwie, dobrze ie odprawi,
Ledwie mu tak roskazą iak on lepiey sprawi.
Tam pytay o Hetmanie, o dobrym Rycierzu,
Nie rad kiedy wotuią w Radzie o przymierzu.
Tam konia y pachołka dostaniesz dobrego,
Już tam wasz Mathusz nawykł rozsądku lepszego,
Nie chodzi po ulicy, nie bawi się zwadą,
Z Mathusza dobry iunak, a z syna waszego
Zaraz Rotmistrz abo więc zacny Rycerz z niego.
A wy coście znacnego proszę was zrobili,
Ktorzyście na imiona u Rusi się zdobyli?

„полевымъ" (степнымъ) или „низовымъ" (запорожскимъ) почти такъ же, какъ относится свѣтское духовенство къ монашествующему. Стоять на пограничьѣ значило въ то время—подвергаться опасностямъ, не отрекаясь отъ связей съ осѣдлымъ населеніемъ; удалиться въ „поля" или на Запорожье значило—сверхъ опасностей боевой жизни, подвергнуть себя еще и всевозможнымъ лишеніямъ. Папроцкій о подольскомъ дворянинѣ, Богданѣ князѣ Рожинскомъ (иначе *Рожанскомъ*), „гетманѣ низовыхъ козаковъ," выражается, какъ о пустынникѣ: „Презрѣлъ

Przeciw sobie widziałeś kiedy miecz dobyty,
Nie na bruku w potrzebie iakiey znakomitey?
Ba rzeczesz iżem widział, by iedno przystoynie
Nie godzić się bacznemu być na takiey woynie,
W iakieyś mało gardła nie dał ty moy panie,
Aleć powiem kruciuchno o tym moie zdanie.
Nie przystoi mądremu wydzierać cudzego,
Ani ieśliś bogaty, nie wzgardzay chudego.
To uyrzysz w Podolan gdzy przydiesz do niego,
Nie poznasz gdzie pan siedzi abo sługa iego.
Nie masz tam y za szeląg pychi u żadnego,
Więc na w szem błogosławi, szczęści Bóg każdego,
Chociaż we pstrych saianiech oni to nie chodzą,
Ale w sławie snadź droższey niż we złocie brodzą.
Ta o tym cnym narodzie wszędzy zacnie słynie
Y będzie wiekom wiecznie chociaż Polska zginie.

. . . .

Herkules co nam prawią iże Hydry biwał,
Także y bogow żiemskich namniey nie omiyał.
Umie to dziś leda chłop u nas sprawić w Rusi:
O sroższego niżli smok Turczyna się kusi.
Samson słynie że tho był rozdarł gębę lwowi,
Y dzisich lat to nie dziw czynić Rusakowi.
Rozdziwił możny Turczyn na nas swą paszczękę,
Nie raz zacni Rusacy tkaią mu w nie rękę.
On z woyskiem niezliczonym na Polskę się puszcza,
Ale mu można siła Ruska nie dopuszcza.
Wszytkoć tam Koklesowie oni mężni Rzymscy,
Abo Kurciusowie oni zacni wszyscy.
Wskoczy tam nie raz każdy w takowe przepasci,
Biyąc siękąc pogany prawie do upaści.
A gdy oni co sprawią barzo potrzebnego
Wszystkim wam spolna sława zawsz rośnie z tego.
Mieycież na sławie dosyć którą oni robią,
Chociaż was w tych potrzebach nie miewaią z sobą,
A nie mieycie iuż z nimi w dobrach interesie,
Gdyż na tenczas gdy się bić gdzieś bywacie w liesie.

онъ богатства и возлюбилъ славу защиты границъ. Оставивъ временныя земныя блага, претерпѣвая голодъ и нужду, стоитъ онъ, какъ мужественный левъ, и жаждетъ лишь кровавой бесѣды съ невѣрными“ [8]).

Какъ низовые козаки, такъ и пограничная стража, имѣли въ виду одну цѣль—не допускать татаръ въ предѣлы Рѣчи Посполитой и преслѣдовать хищниковъ, угонявшихъ стада и полонившихъ народъ. На подольско-галицкой Украинѣ это было великой заслугой въ глазахъ общества. Безъ пограничной стражи, оно бы вѣчно должно было опасаться появленія татарской орды и не могло бы заниматься никакими дѣлами. Король Сигизмундъ-Августъ опредѣлилъ четвертую часть королевскихъ доходовъ на содержаніе пограничной стражи. Стефанъ Баторій нанялъ на эти деньги двѣ тысячи копейщиковъ и размѣстилъ ихъ, подъ именемъ подольскаго войска, въ тѣхъ пунктахъ, которые особенно были удобны для защиты русской Украины отъ крымской и бѣлогородской орды. „Эти воины,“ говоритъ перемышльскій епископъ Пясецкій въ началѣ XVII вѣка [1]), „составляютъ главную силу польской конницы, и юношество наше, желающее посвятить себя военной службѣ, какъ-бы въ рыцарской школѣ, проходитъ на пограничьѣ свой искусъ, здѣсь оно постоянно упражняется въ битвахъ съ татарами; отсюда выходятъ самые мужественные люди и опытные ветераны для всѣхъ важныхъ военныхъ случаевъ“ [2]).—Молодой человѣкъ, не отвѣдавшій пограничной стоянки, считался на Руси неопытнымъ домосѣдомъ и не имѣлъ ходу въ обществѣ. Въ пограничной службѣ завязывались у пановъ знакомства, которыми они пользовались впослѣдствіи, во время своей политической дѣятельности. Тамъ же развивался у нихъ и духъ личной самостоятельности, отличавшій лучшую часть общества, называвшагося Польскою Рѣчью Посполитою. Пограничная служба, исполненная приключеній и опасностей, пріучала дворянство къ отважной предпріимчивости, которая иногда не знала

---

[8]) Ponosza etc: Ten wzgardziwszy bogactwa, sławą umiłował,
Bronić mężnie tych granic umysł swoy zgotował.....
Opusciwszy doczesne te zyemskie roskoszy,
Od ktorych go y nędza y głod nie odpłoszy,
Stoi iako mężny lew wzniosszy rękę prawą,
Pragnąc aby syn pogana miał biesiadę krwawą.

[1]) Хроника Пясецкаго доведена до 1648 года, но что это мѣсто было писано въ началѣ XVII столѣтія, видно изъ его указаній на событія 1614—1616 годовъ, какъ на только-что случившіяся.

[2]) Chronika Gestorum in Europa singularium, 52 (изд. амстердамское).

предѣловъ. Здѣсь воспитывались характеры, устремлявшіе извѣстную часть общества къ такимъ широкимъ предпріятіямъ, какъ завоеваніе московскаго царства и устремленіе польско-московскихъ силъ противъ Турціи [3]). Здѣсь же получило свое начало и полудикое рыцарство запорожское, отчуждавшееся польской государственной политики. Знатные паны возвращались изъ пограничной военной школы въ свои имѣнія, въ свои пріятельскіе круги и стремились къ центру шляхетской дѣятельности—королевскому двору, при которомъ каждый добивался или государственной должности, или военнаго званія, или крулевщизны; напротивъ, мелкая шляхта, привыкши въ украинской службѣ къ широкому разгулу, къ простотѣ обращенія и къ убожеству, случайно смѣнявшемуся достаткомъ, естественно тяготилась потомъ службою дворскою, гдѣ бѣднику нечѣмъ было отличиться, и гдѣ за каждую смѣлую выходку противъ богатаго пана грозила бѣда отъ его свиты. Эта шляхта охотнѣе оставалась на пограничьѣ и, защищая его, вела такую же свободную жизнь на окраинахъ государства, какъ и низовое рыцарство—вдали отъ нихъ. Козаки пограничники и козаки-низовцы находились въ постоянныхъ между собою сношеніяхъ и не разъ предпринимали совмѣстные походы въ турецкія владѣнія. Часто во главѣ низовцовъ являлся русскій панъ, у котораго обыкновенно была собственная дружина, — напр. князь Богданъ Рожинскій [4]). Лучшіе люди между низовцами были извѣстны въ панскомъ пограничномъ обществѣ, и наоборотъ — прѣдставители воинственнаго дворянства русскаго пріобрѣтали популярность въ запорожскихъ куреняхъ, такъ-что иногда получали оттуда приглашеніе гетманствовать надъ козаками. Такимъ образомъ, степное козачество и пограничное дворянство взаимно себя дополняли. Разъединеніе между ними произошло впослѣдствіи, именно въ то время, когда запорожское рыцарство само по себѣ, и наперекоръ королевскому правительству, сдѣлалось грозой татаръ и турокъ, а подольско-галицкое и кіевско-волынское дворянство русское нашло выгоднѣйшимъ заниматься хозяйствомъ, вмѣсто войны.

Изъ всего изложеннаго въ этомъ очеркѣ видно, что прославленная историками воинственность Польши XVI и начала XVII вѣка была не что иное, какъ энергія русскаго духа

---

[3]) Какъ ни мечтательна была эта мысль, но она крѣпко сидѣла въ головѣ Стефана Баторія, вокругъ котораго собралось все воинственное Рѣчи Посполитой, а воинственною частью этого политическаго общества были русскія окраины королевства.

[4]) Папроцкій, перечисляя русскихъ пановъ въ книгѣ Panosza, пишетъ: „Bogdan Kniaż Rożanski, Hetman Nizowych Kozakow z swoią rotą.“

дѣйствовавшаго въ пользу Рѣчи Посполитой и направляемаго иногда современными агитаторами къ такимъ безсмысленнымъ цѣлямъ, какъ разореніе самостоятельнаго московско-русскаго царства. По мѣрѣ того, какъ польское вліяніе распространялось извнутри королевства на русскія области и полонизовало русское дворянство на окраинахъ Рѣчи Посполитой, это дворянство, такъ же, какъ и коренное польское, теряло свойства, изображенныя геральдикомъ Попроцкимъ, уподоблялось во всемъ той средѣ, на которую прежде оглядывалось въ гордомъ сознаніи своего нравственнаго превосходства, и наконецъ такъ же, какъ и природные поляки, обнаружило полную неспособность отстоять свои владѣнія и государственные интересы, когда чуждый уже ему элементъ русскій, олицетворенный козачествомъ, вступилъ въ борьбу съ элементомъ польскимъ за обладаніе родною почвою.

П. К.

(С.-Пб. Вѣд).

Содержание 9-ой кн. „Вѣстника западной Россіи“ за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Содержание 9-ой кн. „Вѣстника западной Россіи" за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.